649 6/26

Б 49 6/26

Очерки

изъ исторіи

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ.

Б 49 6/26

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

А. Е. Мерцалова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **Л. Ф. Пантелѣева.**
1895.

МУЗЕИ П. И. ЩУКИНА.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		страницы.
	Предисловіе.	
I.	Взглядъ на причины русской Смуты въ началѣ XVII вѣка	1 — 12
II.	Борисъ Годуновъ (1584 — 1615)	13 — 79
III.	Василій Шуйскій (1543 — 1612)	80 — 134
IV.	Безгосударное время (1610 — 1613)	135 — 181
V.	Народное движеніе и „литовское разореніе“ на сѣверѣ Россіи въ Безгосударное время	182 — 190
VI.	Трагическій элементъ въ событіяхъ Смутнаго времени	191 — 196

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смутная эпоха — одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. События ея рѣзко прерываютъ установившійся ходъ народно-государственной жизни и носятъ на себѣ оригинальный и яркій колоритъ. Одни изъ нихъ представляются особенно замѣчательными по сопоставленію съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ исторической жизни, другія-же по ихъ загадочности и таинственности, которыхъ до сихъ поръ не можетъ разоблачить исторія. Въ тоже время эта эпоха привлекаетъ вниманіе глубокимъ драматизмомъ событій и трагическимъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, представляя много благодарныхъ сюжетовъ и для поэта, и для художника. Эти именно стороны ея мы желали оттѣнить въ предлагаемыхъ очеркахъ, и притомъ въ одномъ изъ нихъ сдѣлали попытку обрисовать народное движеніе и литовское раззореніе на сѣверѣ Россіи, — для поясненія общаго фона картины частной, но болѣе подробной иллюстраціей.

I.

Взглядъ на причины русской Смуты въ началѣ XVII-го вѣка.

Представляется весьма естественнымъ въ первомъ изъ нашихъ очерковъ указать на причины, вызвавшія русскую Смуту въ началѣ XVII-го вѣка. Ознакомившись съ ними, мы легко найдемъ ту руководящую нить, которая поможетъ намъ оріентироваться въ массѣ фактовъ, событій и лицъ этой любопытной эпохи и въ то же время свяжетъ всѣ очерки въ одно органическое цѣлое.

Основную причину Смуты мы видимъ въ стремленіи московскаго боярства ограничить царскую власть въ прямой ущербъ интересовъ народа, а второстепенную, или извнѣ-приходящую, въ желаніи поляковъ ослабить Московское государство и подчинить его своему вліянію. Разсмотримъ ту и другую въ отдѣльности.

Въ удѣльный періодъ нашей исторіи у каждаго князя были свои бояре, составлявшіе его дружину, безъ согласія и совѣта которой онъ ничего не дѣлалъ. Князь былъ лишь ея главою и не отдѣлялъ своихъ

интересовъ отъ интересовъ дружинниковъ, потому что они поддерживали его власть и въ нихъ заключалась его сила. Съ дружиной можно было увеличивать удѣлы, отнимая ихъ у слабыхъ родичей, держать въ покорности населеніе и давать ему судъ и управу. Правильныхъ понятій о народѣ и государствѣ еще не было: князья смотрѣли на свои удѣлы, какъ на личное имущество. Между тѣмъ безконечное развѣтвленіе княжескаго рода раздробило Русь на множество отдѣльныхъ княжествъ — вотчинъ: дошло до того, что почти въ каждой волости явился свой князь. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, удѣльный укладъ создалъ многочисленный контингентъ князей-помѣщиковъ, не слушавшихся великаго князя, постоянно ссорившихся между собою и несомнѣнно угнетавшихъ народъ. Народное достояніе,— потъ и кровь смердовъ-крестьянъ,— уходило на княжескіе пиры, забавы и охоты; княжескія усобицы раззоряли землю; не было охраны ни отъ татаръ, ни отъ своихъ „злыхъ и лихихъ“ людей. Князья измельчали, давно забыли завѣты своихъ великихъ предковъ — „блюсти Русскую землю“ и, сидя по удѣламъ, преслѣдовали лишь свои мелкіе, эгоистическіе интересы. Положеніе народа было тяжкое, мало чѣмъ разнившееся отъ крѣпостнаго права XVIII вѣка. Такъ шло дѣло полтора, почти два столѣтія, и княжеское ярмо глубоко врѣзалось въ народную выю. Но вотъ возвысился московскій князь и наложилъ свою тяжелую руку на князей-помѣщиковъ: исподоволь, но твердо и неуклонно онъ освобождалъ отъ нихъ Русскую землю. Наконецъ, ихъ не стало, и народъ вздохнулъ свободно подъ единодержавной властью Московскаго государя. Укладъ народно-государственной жизни

измѣнился: прежде князь былъ главой одной своей дружины, теперь онъ сталъ главою всей земли. Однако, бояре не хотѣли знать этой перемѣны отношеній и при самодержавномъ государѣ желали по прежнему властвовать надъ землею, забывая, что Русь перестала уже быть княжеской вотчиной и сложилась въ государство, гдѣ самъ народъ сталъ опорою государевой власти. Потребовалась долгая, вѣковая работа князей изъ дома Калиты, чтобы вывести его изъ вотчиннаго владѣнія удѣльныхъ князей, обезопасить отъ княжескихъ усобицъ и татарскихъ набѣговъ, сплотить въ одно цѣлое и вдохнуть въ него сознаніе своей силы и самобытности. Эта многотрудная работа цѣлаго ряда представителей московскаго княжескаго рода пріобрѣла ему прочныя народныя симпатіи. Московскіе государи хорошо сознавали это и, не желая поступаться прерогативами своей власти въ пользу боярства, тѣмъ самымъ охраняли народъ отъ хищничества и самовольства своихъ ближайшихъ слугъ и думцевъ. Такимъ образомъ возникла и установилась живая связь между народомъ и его земскимъ царемъ, выразившаяся съ одной стороны въ упадкѣ дружиннаго начала, а съ другой — въ созывѣ земскихъ соборовъ. Однако и боярское стремленіе господствовать въ землѣ заодно съ государемъ, какъ имѣвшее историческіе корни, питавшееся родовыми традиціями и преданіями, не могло вдругъ прекратиться и исчезнуть. Будучи подавлено, оно продолжало тлѣть подъ пепломъ и ясно слышится въ боярскихъ жалобахъ на самовластіе Ивана III и сына его Василія, рѣшавшихъ важныя государственныя дѣла „самъ-третей у постели“ [1]). Въ малолѣтство

[1]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 172, стр. 142.

*

Грознаго боярскія притязанія нашли себѣ полный просторъ: не было сильной руки, которая могла бы ихъ обуздать. Весь этотъ 14-лѣтній періодъ наполненъ междоусобіями бояръ-правителей, открытымъ обдирательствомъ народа, крайнимъ неправосудіемъ и насиліями всякаго рода. Съ одной стороны, это ясно показало народу, чего онъ можетъ ждать отъ бояръ и князей, если они будутъ всесильны, а съ другой — въ самихъ боярахъ подновило чувства дружиннаго властолюбія и самовольства и естественно подготовило ихъ столкновеніе съ властью государя. Въ своей рѣчи, сказанной съ лобнаго мѣста въ 1547 году, Грозный ярко обрисовалъ самовольства и хищенія бояръ, бывшія въ его малолѣтство, и заявилъ народу, что теперь онъ самъ будетъ ему обороной. Это непосредственное обращеніе верховной власти къ народу является весьма знаменательнымъ и служитъ наглядным доказательствомъ той живой связи между ними, о которой была рѣчь выше. Грозный сдержалъ свое слово: онъ дѣйствительно не терпѣлъ боярства, и какъ въ первую, такъ и во вторую половину своего царствованія находилъ своихъ довѣренныхъ слугъ и думцевъ не въ этой средѣ; тѣмъ не менѣе, его жестокія и кровавыя мѣры не уничтожили боярскаго стремленія — прибавить себѣ воли и власти, которое сейчасъ же и обнаружилось, какъ только его не стало. Одни изъ бояръ желали предоставить престолъ маленькому Димитрію, надѣясь также господствовать его именемъ, какъ ихъ дѣды въ малолѣтство Грознаго, другіе, съ такой же цѣлью, стояли за слабаго Ѳеодора. Однако и тѣ, и другіе обманулись, такъ какъ дѣйствительная власть перешла къ Годунову, который съумѣлъ поддержать престижъ

короны, прикрываясь авторитетомъ Ѳеодора. Этотъ необыкновенно умный человѣкъ вышелъ не изъ боярскихъ родовъ и потому былъ совершенно чуждъ ихъ традицій. Онъ принадлежалъ къ той группѣ служилой знати, которую выдвинулъ Грозный въ противовѣсъ родовитымъ боярамъ, и хорошо понималъ антагонизмъ боярскихъ и общеземскихъ интересовъ. Поэтому онъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности сталъ не только властвовать надъ землею, но и служить ей, и этимъ скоро снискалъ расположеніе народа. Отсюда становится понятнымъ, почему бояре не терпѣли Годунова и всячески старались дискредитировать его въ глазахъ народа. Однако, скоро они должны были убѣдиться въ безполезности своихъ усилій и въ великой силѣ Бориса: когда не стало Ѳеодора, онъ занялъ его мѣсто. Это было страшнымъ ударомъ для бояръ: помимо того, что рушились ихъ мечты о выборѣ царя изъ своей среды, съ ограниченіемъ его власти, они были глубоко уязвлены въ своей родовой гордости: имъ, потомкамъ Рюрика и Гедимина, пришлось кланяться потомку татарина!.. Однако, при всей своей ненависти къ Борису, бояре сознавали, что они не въ состояніи сдвинуть его открытою силою, и изнывали въ безсильной злобѣ, какъ вдругъ изъ Польши, гдѣ также не любили Годунова, имъ намекнули, что его можно свергнуть *воскрешеннымъ* Димитріемъ. На этой почвѣ разыгралась самозванческая интрига, начавшаяся гибелью Годуновыхъ и кончившаяся убійствомъ названнаго Димитрія, въ которой бояре исполняли выдающіяся роли возмутителей и палачей. Вслѣдъ затѣмъ, весьма поспѣшно, безъ спроса и согласія Русской земли, они возвели на престолъ своего излюб-

леннаго человѣка — князя Василія Шуйскаго, взявъ съ него клятву „дѣлить власть съ боярами“ [1]). Такимъ образомъ завѣтная цѣль боярскихъ стремленій была достигнута, и царская власть ограничена. Но какъ въ свое время бояре не возлюбили всенародно-избраннаго царя Бориса, такъ теперь вся Русская земля не возлюбила боярскаго ставленника — Шуйскаго — и открыто заявляла, что онъ неправдою сѣлъ на царство. Народъ отказывалъ ему въ повиновеніи и продолжалъ гоняться за тѣнью Димитрія. При такихъ обстоятельствахъ Шуйскій не могъ удержаться на престолѣ и былъ сведенъ съ него мятежною толпою. Правленіе государствомъ временно перешло въ руки семи знатнѣйшихъ бояръ, которые поспѣшили предложить русскій престолъ польскому королевичу Владиславу, въ той надеждѣ, что всѣ русскіе люди будутъ согласны на ограниченіе власти царя-иноземца. Однако и эта затѣя не увѣнчалась успѣхомъ. Когда народъ увидѣлъ свою вѣру и самобытность на краю погибели вслѣдствіе притязаній Сигизмунда, онъ поднялся, спасъ государство и водворилъ въ немъ прежній порядокъ, такъ какъ извѣстно, что избирательный земскій соборъ 1613 года не посягнулъ на прерогативы царской власти [2]). Такимъ образомъ олигархическія стремленія бояръ не достигли своей цѣли, потому что не нашли поддержки въ средѣ народа, который искони не любилъ князей и бояръ и не ждалъ ничего хорошаго для себя отъ ихъ властнаго участія въ правленіи.

---

[1]) В. О. Ключевскій: Боярская дума, 2 изд., стр. 361.

[2]) А. И. Маркевичъ: Избраніе на царство М. Ѳ. Романова. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1891 г., кн. 9 и 10.

Мы видимъ, что боярскія крамолы сильно замутили Русскую землю, даже подвергли опасности самое существованіе Московскаго государства, но все-таки не могли измѣнить установившагося уклада народно-государственной жизни. Смута страшнымъ ураганомъ пронеслась надъ Русью, но не внесла въ народную жизнь никакихъ новыхъ началъ. И не могло быть иначе,— потому что вызвавшія ее боярскія стремленія были лишь отголоскомъ удѣльной эпохи и не вытекали изъ внутреннихъ потребностей народной жизни, которая ждала обновленія не отъ возврата къ старинѣ.

Допустимъ, однако, что боярское стремленіе могло увѣнчаться успѣхомъ, и царская власть была бы ограничена боярскою думою. Не могло ли это ограниченіе стать тѣмъ фундаментомъ, на которомъ могли бы утвердиться и со временемъ развиться наши представительныя учрежденія? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь англійскіе бароны, домогавшіеся Великой хартіи, также дѣйствовали въ своихъ сословныхъ интересахъ, и однако исторгнутая ими у короля Іоанна грамота вольностей легла въ основаніе англійской свободы? Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ основанія проводить эту аналогію. Дѣло въ томъ, что на западѣ существовало третье сословіе, бывшее весьма важнымъ факторомъ въ развитіи конституціонныхъ учрежденій. Оно уравновѣшивало съ одной стороны олигархическія стремленія высшаго сословія, а съ другой — умѣряло проявленія королевскаго абсолютизма. Только изъ взаимно-дѣйствія этихъ трехъ основныхъ функцій и могло развиться то стройное зданіе гражданской свободы, которое мы видимъ теперь на западѣ. У насъ же третье сословіе совсѣмъ отсутствовало. Въ городахъ до-Петров-

ской Руси не было *горожанъ* въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова: они представляли полную разобщенность по сословіямъ и не соединялись никакими общими интересами. Городъ не сообщалъ тогда своему обывателю никакихъ правъ, если онъ не имѣлъ ихъ въ качествѣ лица, принадлежащаго къ извѣстному сословію [1]). Нашъ низшій служилый классъ находился въ тѣсной связи съ высшимъ и въ прямой зависимости отъ него. Бѣлое духовенство совершенно терялось въ народной массѣ, а высшее, монашествующее, по самому положенію „не отъ міра сего“, естественно не могло играть самостоятельной роли. Такимъ образомъ, въ составѣ древне-русскаго общества мы не находимъ ни одной сословной группы, которая могла бы уравновѣшивать олигархическія поползновенія высшаго класса. Весьма естественно допустить, что при такихъ условіяхъ, бояре очень скоро сдѣлались бы вполнѣ самовластными, и у насъ легко могла утвердиться олигархія, т. е. худшая изъ всѣхъ формъ правленія, какъ это наглядно доказываетъ примѣръ нашей сосѣдки-Польши. Въ виду этого, мы не имѣемъ данныхъ сожалѣть о томъ, что боярскія стремленія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ г. Латкина, „земскіе соборы давали тогда возможность непосредственному единенію царя съ землею, давали возможность правительству собственными глазами видѣть истинное положеніе своего государства, слышать изъ устъ представителей самого народа заявленія о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, которыя не всегда со-

---

[1]) Н. П. Загоскинъ: О правѣ владѣнія городовыми дворами. Казань, 1877 г.

впадали съ интересами лицъ, непосредственно стоявшихъ вокругъ московскаго престола (т. е. бояръ). Смѣло довѣрчиво и открыто звучали на соборахъ эти заявленія, а государи московскіе со своей стороны довѣрчиво обращались къ землѣ за совѣтомъ и за содѣйствіемъ“ [1]). Весьма естественно, что при такомъ отношеніи верховной власти къ народу, этотъ послѣдній не желалъ усиливать въ лицѣ бояръ средостѣніе между царемъ и землею. Говорятъ, что по своему невѣжеству, народъ не зналъ другихъ, болѣе совершенныхъ формъ правленія. Однако, едва ли мы имѣемъ право предъявлять подобныя требованія къ народу и потому должны допустить, что онъ имѣлъ такой, исторически сложившійся образъ правленія, какой его удовлетворялъ въ данное время, т. е. *земскаго* царя и *земскій* соборъ.

Обращаясь къ польскому вліянію на Смуту, мы прежде всего должны замѣтить, что Запольскій миръ (1581 г.), заключенный Грознымъ послѣ побѣдъ Баторія, представляетъ такой моментъ въ исторіи международныхъ отношеній Россіи и Польши, когда перевѣсъ воинскаго успѣха явно склонился на сторону послѣдней. Будучи разлакомлены своими территоріальными пріобрѣтеніями, поляки увѣровали въ слабость Московскаго государства. Эта увѣренность еще болѣе окрѣпла, когда на русскій престолъ вступилъ слабый Ѳеодоръ. Представлялось несомнѣннымъ, что при такомъ царѣ въ государствѣ начнутся смуты, и тогда будетъ легко отнимать у Москвы область за областью. Однако, когда Годуновъ выступилъ въ роли правителя, стало очевидно, что эти надежды не такъ легко осу-

[1]) „Земскіе Соборы“, стр. 285.

ществить, какъ казалось. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, опытный дипломатъ, очень хорошо понималъ, что Годуновъ — искусный правитель; что при его разумной дѣятельности Московское государство быстро окрѣпнетъ и дастъ отпоръ польскимъ притязаніямъ. Въ то же время Сапѣга, хорошо ознакомленный съ положеніемъ русскихъ дѣлъ [1]), зналъ, что бояре не терпятъ Годунова. Въ виду этого, было бы просто оплошностью со стороны канцлера не воспользоваться боярскою враждою для польскихъ цѣлей. Съ большою вѣроятностію можно допустить, что именно въ кружкѣ, близкомъ Сапѣгѣ, явилась мысль — выставить самозванца на погибель Годунова; представлялось весьма соблазнительнымъ завести смуту въ Москвѣ, ослабить ее и подчинить польскому вліянію. Въ настоящее время уже трудно сомнѣваться въ томъ, что первый самозванецъ, этотъ, по выраженію г. Забѣлина, „сочный плодъ Смуты“ [2]), созрѣлъ на польской почвѣ и подъ тамошнимъ уходомъ. Но когда онъ, мелькнувъ метеоромъ на русскомъ небѣ, исчезъ въ потокахъ грязи и крови, а въ Москвѣ воцарился Шуйскій, польское вліяніе на Смуту не остановилось на пол-пути и продолжало развиваться въ томъ-же направленіи. Однако, какъ и при Годуновѣ, польское правительство держало себя такъ, какъ будто оно ничего не знало и не вѣдало, хотя вездѣ орудовали „королевскіе люди“. Польскимъ гостямъ, пріѣхавшимъ на свадьбу названнаго

---

[1]) Изъ писемъ, найденныхъ въ его архивѣ Прохаской, видно, что тотчасъ же по смерти Ѳеодора Ивановича, въ Москву были посланы нарочные шпіоны — слѣдить за событіями. (См. „Истор. Вѣстн.“ за 1893 г., кн. III, стр. 933).

[2]) И. Е. Забѣлинъ: „Мининъ и Пожарскій“, стр. 2 (изд. 1883 г.).

Димитрія, было нанесено кровное оскорбленіе, и нѣкоторые изъ нихъ были даже убиты возмутившимся народомъ по наученію бояръ. Правительство республики имѣло право потребовать за это полнаго удовлетворенія отъ Шуйскаго, и, безъ сомнѣнія, оно было бы ему дано. Между тѣмъ паны Рады сначала погорячились, не хотѣли даже слушать русскихъ пословъ, отправленныхъ для объясненій по этому дѣлу, но вдругъ перемѣнили тонъ: отпустили всѣ грѣхи москвичей и заключили миръ съ Шуйскимъ. А вскорѣ затѣмъ изъ Самбора вышелъ на Русь второй самозванецъ, и слѣдомъ за нимъ полетѣли польскіе бандиты съ шайками головорѣзовъ — грабить сосѣднюю страну, находившуюся въ мирѣ съ республикой. Безъ сомнѣнія, поступая такимъ образомъ, польское правительство имѣло въ виду расшатать русскую правящую власть и только тогда начать открытую войну, когда она будетъ въ концѣ ослаблена. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1609 года, когда положеніе Шуйскаго стало критическимъ, Сигизмундъ, не объявляя ему войны, осадилъ Смоленскъ, а послѣ смерти Михаила Скопина-Шуйскаго послалъ Жолкѣвскаго добивать царя Василія. Гетманъ явился подъ Москвой уже тогда, когда тамъ правили бояре, и ему не стоило большого труда заключить съ ними договоръ объ избраніи въ цари Владислава. Затѣмъ поляки рѣшили, что русскіе совсѣмъ ослабѣли, и можно не церемониться съ ними. Жолкѣвскій, вопреки только что заключеннаго договора, сейчасъ же занялъ Москву своимъ гарнизономъ; король сталъ требовать присяги на свое имя, а польскія банды ходили изъ конца въ концъ по Русской землѣ, какъ бы желая огнемъ и мечемъ очистить будущее царство Владислава отъ вся-

кія скверны. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что хотя ни королю, ни королевичу не удалось царствовать надъ Русью, однако цѣль польскаго правительства была почти достигнута: Московское государство потеряло свои западныя области, было страшно потрясено и надолго ослаблено Смутой.

II.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

1584 — 1605.

...„Послѣ Ѳеодора всѣ единомышленно всею землею избрали на государство Бориса Ѳеодоровича Годунова, по его въ Россійскомъ государствѣ правительству".

(Изъ рѣчи князя Оболенскаго князю Пожарскому).

Среди правителей Русской земли мы встрѣчаемъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій замѣчательную личность Бориса Годунова, съ которымъ въ теченіи двадцати лѣтъ была связана судьба Московскаго государства. Страннымъ образомъ, ни на одномъ изъ нашихъ историческихъ дѣятелей не тяготѣетъ такъ сильно злой рокъ, какъ на Годуновѣ. Историки, изучавшіе его время и личность, не могутъ отрицать его выдающихся качествъ, и тѣмъ не менѣе, этотъ замѣчательный дѣятель до-Петровской Руси представляется ими въ одностороннемъ освѣщеніи, съ преобладающею чертою честолюбія, которая накидываетъ густую тѣнь на всю его дѣятельность и затемняетъ его реальный историческій образъ.

Мы не ставимъ себѣ задачею реабилитировать историческую репутацію Годунова, а желаемъ только указать на тѣ стороны его характера и дѣятельности, которыя остаются въ тѣни, и на тѣ исключительныя политическія условія его эпохи, жертвою которыхъ стали онъ самъ и его семья.

1.

Какъ извѣстно, Годуновъ выступилъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля по смерти Ивана IV-го (18 марта 1584 г.). Насколько мы понимаемъ Грознаго, онъ не былъ тираномъ народа en masse. Его жестокія и кровавыя мѣры были главнымъ образомъ направлены противъ московской родовой знати, въ большинствѣ составлявшей потомство удѣльныхъ князей: онъ хотѣлъ раздавить ее, уничтожить и въ потокахъ крови утопить ея воспоминанія о быломъ величіи предковъ, о волѣ и власти княжескихъ дружинниковъ. Мы допускаемъ, что эта жестокость, осложнявшаяся въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ чрезмѣрною раздражительностью Грознаго, могла вытекать изъ государственныхъ соображеній царя, изъ сознанной имъ необходимости нивеллировать высшее сословіе, выказавшее въ эпоху его малолѣтства свое крайнее властолюбіе и самовольство. И тѣмъ не менѣе, эта кровавая расправа, длившаяся цѣлые годы, совершенно деморализировала высшій служилый классъ. Въ то же время произволъ и безправіе, внесенные въ русскую жизнь опричниной, тяжелыя и продолжительныя войны, набѣги крымцевъ, доходившихъ до самой Москвы,— все это разстроило государственный организмъ и подготовило рядъ пораженій Россіи въ борьбѣ съ сосѣдями,

такъ что положеніе Московскаго государства въ послѣдніе годы царствованія Грознаго было въ высшей степени печально. Западныя области, опустошенныя польской и шведской войной, были урѣзаны въ пользу сосѣдей: по Запольскому миру (1581 г.) Польша получила обратно завоеванную русскими Ливонію, Велижъ и Полоцкъ, а Швеція, по договору на рѣкѣ Плюсѣ (1583 г.), удержала Эстонію и русскіе города: Иванъ-городъ, Ямъ и Копорье. Внутри государства тяглый народъ страшно обѣднѣлъ отъ тяжелыхъ податей и казенныхъ кабаковъ, впервые введенныхъ при Грозномъ, и „брелъ розно“ — на вольныя мѣста и въ только что завоеванную Сибирь. Низшій служилый классъ страдалъ отъ тягостей и лишеній продолжительнаго военнаго времени и отъ безлюдства своихъ помѣстій, изъ которыхъ крестьяне „сходили безвѣстно“, или уходили на земли крупныхъ собственниковъ — князей, бояръ и высшаго духовенства, гдѣ имъ жилось сравнительно легче. Торговые люди жаловались на привилегіи, данныя Грознымъ англійскимъ купцамъ, на стѣсненія отъ множества сборовъ и пошлинъ и торговую конкуренцію самого правительства; при томъ же и народная производительность за это время сильно упала, такъ что вывозъ сырья по нѣкоторымъ статьямъ очень значительно сократился, а это весьма естественно вызывало торговый застой. Высшее духовенство было недовольно отмѣною права брать вкладами по душамъ умершихъ населенныя земли, состоявшеюся на духовномъ соборѣ въ январѣ 1583 года [1]). Такимъ образомъ

[1]) Н. И. Костомаровъ: Русская Исторія въ жизнеоп., т. I, стр. 505 — 6 (изд. 1873 г.).

люди всякихъ чиновъ тяготились своимъ положеніемъ, жаловались и роптали. Въ Москвѣ же родовитая знать, приниженная при Грозномъ, натерпѣвшаяся всякихъ бѣдъ отъ его худородныхъ любимцевъ, теперь начала подымать голову, въ надеждѣ на лучшія времена. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двухъ сыновей Грознаго старшій былъ хилъ и слабоуменъ, младшій — ребенокъ. Становилось очевиднымъ, что дѣйствительной власти у преемника Грознаго не будетъ, и она должна неизбѣжно перейти въ руки близкихъ къ нему лицъ, а потому вопросъ объ устроеніи новаго правительства взволновалъ боярство, которое именно теперь надѣялось прибавить себѣ воли и власти.

2.

Вотъ при какихъ условіяхъ пришлось Борису выступить въ роли правителя, и неудивительно, что первымъ его дѣломъ было столкновеніе съ боярами. Предвидя, что съ воцареніемъ Ѳеодора власть перейдетъ въ руки Годунова, его ближайшаго родственника по женѣ, человѣка весьма умнаго, съ которымъ будетъ не легко считаться, значительная боярская партія замыслила провозгласить царемъ младшаго сына Грознаго — маленькаго Димитрія. Годуновъ хорошо понималъ источникъ этой затѣи и видѣлъ, что бояре стараются загородить ему путь ко власти, какъ представителю не родовой [1]), а служилой знати, которая впер-

[1]) Родъ Годуновыхъ происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, принявшаго крещеніе и поселившагося на Руси около 1330 года. Отъ его правнука, Ивана Годуна, пошли Годуновы. Ирина, жена царя Ѳеодора, и Борисъ приходились пра-правнуками Ивану Годуну. (Родословная книга, изд. Рус. Старины, т. 2, стр. 39 — 45).

вые получила значеніе при дворѣ Грознаго, и теперь, въ его лицѣ, готовилась стать у кормила правленія. Надобно перенестись въ тотъ вѣкъ и сродниться съ укоренившимися мѣстническими взглядами, чтобы понять, какое подавляющее впечатлѣніе производило на боярскую среду возвышеніе Бориса. Въ ея глазахъ онъ былъ такой же „страдникъ“, какъ Басмановы, Грязной и Малюта-Скуратовъ, возвышенные милостями Грознаго, и она съ презрѣніемъ смотрѣла на него, какъ на представителя этой ненавистной клики. Однако, право первородства Ѳеодора естественно одержало верхъ надъ этими происками: онъ былъ объявленъ царемъ, а Годуновъ занялъ мѣсто въ ближнемъ царскомъ совѣтѣ, въ который вошли: дядя Ѳеодора по матери, Никита Романовичъ Романовъ-Юрьевъ; представители именитаго боярства — князья Иванъ Петровичъ Шуйскій и Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, и опекунъ царевича Димитрія — бояринъ Богданъ Бѣльскій. Карамзинъ называетъ этотъ совѣтъ пентархіей и въ учрежденіи его видитъ исполненіе посмертной воли Грознаго [1]). Между тѣмъ извѣстно, что Грозный составлялъ нѣсколько духовныхъ, и въ послѣдней изъ нихъ назначилъ правителемъ государства эрцъ-герцога Эрнеста Габсбургскаго [2]). Въ виду этого, мы допускаемъ, что совѣтъ могъ явиться независимо отъ воли Грознаго, по мысли Годунова. Будучи поставленъ въ необходимость считаться съ боярскими притязаніями, онъ могъ воспользоваться однимъ изъ завѣщаній Грознаго и предложить учрежденіе такого совѣта, въ который вхо-

[1]) Исторія Государства Россійскаго: т. IX, стр. 373; т. X, стр. 5. (Изд. Суворина).

[2]) Русская Исторія въ жизнеоп. Костомарова, т. I, стр. 517—18.

дили бы представители всѣхъ партій. Сторонники Димитрія утихли, и царевича съ матерью и ея родственниками немедленно отправили въ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ отцомъ. Одинъ Богданъ Бѣльскій видимо не удовольствовался званіемъ члена ближняго царскаго совѣта и продолжалъ интриговать въ пользу Димитрія, однако не нашелъ сочувствія ни въ народѣ, ни въ боярской средѣ, и скоро былъ высланъ на воеводство въ Нижній-Новгородъ. Чтобы подорвать въ корнѣ поводъ къ смутамъ, вытекавшій изъ вопроса о престолонаслѣдіи, Годуновъ съ боярами-соправителями рѣшилъ „искать опоры въ народѣ“ [1]), т. е. созвать земскій соборъ, который состоялся въ маѣ 1584 года и единогласно призналъ царемъ Ѳеодора Ивановича.

Прошло около двухъ лѣтъ совмѣстнаго правленія Годунова съ товарищами. Будучи умнѣе и вліятельнѣе ихъ, онъ естественно первенствовалъ въ дѣлѣ управленія, тѣмъ болѣе, что другой царскій родственникъ, Никита Романовъ, скоро заболѣлъ и не принималъ участія въ совѣтахъ. Свои челобитчики и иноземцы стали обращаться исключительно къ Борису Ѳедоровичу и у него одного искали защиты и милости. Такое выдающееся положеніе Годунова вооружило противъ него Шуйскаго и Мстиславскаго и весьма естественно вызвало съ ихъ стороны рядъ попытокъ избыть Бориса. Мстиславскій, человѣкъ очень ограниченный, по свойственной ему простотѣ, рѣшилъ быстро отдѣлаться отъ Бориса: зазвать его къ себѣ на пиръ и убить. Годуновъ предупредилъ этотъ замыселъ, сослалъ Мстиславскаго въ Кирилло-Бѣлозерскій мона-

[1]) В. Н. Латкинъ: „Земскіе Соборы“, стр. 85. (Изд. 1885 г.).

стырь и велѣлъ постричь, а единомышленниковъ его — Воротынскихъ, Колычевыхъ и Головиныхъ — выслалъ изъ столицы. Замѣчательно, что одинъ изъ Головиныхъ бѣжалъ при этомъ въ Польшу и убѣждалъ Баторія идти на Москву, утверждая, что Годунова тамъ не терпятъ и не станутъ защищать существующее правительство [1]). Очевидно, бояре такъ ненавидѣли Бориса, что готовы были жертвовать интересами отечества, лишь бы только избыть его. Это былъ первый случай, когда враги Годунова начали интриговать противъ него въ Польшѣ; затѣмъ, какъ мы увидимъ, подобныя интриги повторялись не разъ и впослѣдствіи увѣнчались измышленіемъ самозванца. Опала Мстиславскаго не устрашила Шуйскихъ. Князь Иванъ Петровичъ рѣшилъ подать царю челобитную, подписанную преданными ему купцами и служилыми людьми, чтобы Ѳеодоръ развелся съ Ириною, вслѣдствіе ея неплодія, и женился на другой. Желаніе подкопаться подъ Годунова было такъ велико, что челобитчики въ своемъ увлеченіи забыли молодость царской четы [2]), которая давала надежду на рожденіе у нихъ дѣтей; забыли и наличнаго наслѣдника престола — царевича Димитрія, въ пользу котораго еще такъ недавно ратовала большая боярская партія. Годуновъ узналъ объ этомъ новомъ замыслѣ и поспѣшилъ разъяснить митрополиту Діонисію полную его неосновательность. Митрополитъ, сначала бывшій на сторонѣ челобитчиковъ, повидимому убѣдился его доводами и уговорилъ Шуйскаго прекратить это дѣло. Сознавая, что путемъ по-

[1]) Русская Исторія въ жизнеоп. Костомарова, т. I, стр. 569.

[2]) Ѳеодору было тогда 29 лѣтъ. Какъ извѣстно, онъ родился въ 1557 году, а описываемыя событія относятся къ 1586 году.

*

дачи челобитной ему дѣйствительно ничего не достичь, Шуйскій, въ разсчетѣ на крѣпкую поддержку своей среды и на преданность ему московскихъ купцовъ и части служилыхъ людей, сталъ замышлять, какъ бы устранить самого Ѳеодора. Объ этомъ былъ поданъ извѣтъ холопами Шуйскихъ, и тогда Годуновъ наложилъ на нихъ свою тяжелую руку. Князья Иванъ Петровичъ и родственникъ его Андрей Ивановичъ были сосланы: первый на Бѣло-озеро, другой въ Каргополь и тамъ убиты, а наиболѣе скомпрометированные изъ числа знатныхъ бояръ, какъ напр. князья Татевы и Урусовы, Быковы и Колычевы отправлены въ ссылку по разнымъ городамъ.

Изложивъ борьбу соправителей, мы находимъ нужнымъ замѣтить, что большинство историковъ, смотря на Бориса, какъ на отъявленнаго честолюбца, находившаго всѣ средства въ борьбѣ дозволенными, допускаютъ, что умыселъ Мстиславскаго на жизнь Годунова и заговоръ Шуйскаго противъ царя Ѳеодора были просто поклепомъ со стороны Бориса, желавшаго погубить ихъ. Такое предположеніе было бы возможно, если бы не былъ прочно установленъ тотъ фактъ, что князья-соправители дѣйствительно желали избыть Годунова и занять его мѣсто. Мы далеки отъ того, чтобы представлять Бориса агнцемъ, безропотно сносившимъ боярскія козни; мы хотимъ только сказать, что всѣ принятыя имъ мѣры были вызваны той настойчивостью, съ какой товарищи пытались отстранить его отъ власти, и легко объясняются чувствомъ самосохраненія. Въ самомъ дѣлѣ, Годунову оставалось одно изъ двухъ: добровольно устраниться, или бороться не только за власть, но и за свою свободу и жизнь. Онъ естественно

предпочелъ послѣднее, и, по нашему мнѣнію, въ этомъ нельзя еще видѣть проявленіе усиленнаго честолюбія: такъ поступилъ бы всякій на его мѣстѣ. Но, кромѣ вопроса о честолюбіи Бориса, въ этомъ дѣлѣ есть и другая, гораздо болѣе важная сторона. Если бы онъ былъ свергнутъ, въ Москвѣ настало бы междоусобіе бояръ-правителей, и, по всей вѣроятности, повторилась бы печальная эпоха малолѣтства Грознаго. Годуновъ предотвратилъ наступленіе ея, и въ этомъ — его положительная заслуга предъ государствомъ.

Пристально вглядываясь въ событія этого времени, мы видимъ, что власть Бориса была тогда еще некрѣпка и непрочна. Въ самомъ дѣлѣ, боярство ненавидѣло его, а духовенство и низшіе слои народа его не знали; онъ держался только своимъ родствомъ съ царемъ, власть котораго вначалѣ оспаривалась, а затѣмъ пошли умыслы уничтожить и самое родство. Положеніе было далеко не легкое, и Годунову пришлось тратить много ума и энергіи на борьбу съ врагами въ то самое время, когда тяжелое наслѣдство, оставленное Грознымъ, требовало отъ него иныхъ, болѣе существенныхъ заботъ и попеченій.

3.

Прежде всего Борисъ заботился о сохраненіи мира съ сосѣдями, справедливо полагая, что государство, обезсиленное войнами и внутреннимъ нестроеніемъ, болѣе всего нуждается въ покоѣ, въ чемъ вполнѣ сходился съ желаніемъ народа [1]). Однако, сохранить миръ, безъ ущерба для своего достоинства, было въ то время

[1]) Русская Исторія въ жизнеоп. Костомарова, т. I, стр. 578.

не легко. Поляки, разлакомленные побѣдами Баторія и выгоднымъ Запольскимъ миромъ, думали, что съ воцареніемъ слабаго Ѳеодора имъ будетъ легко отнимать у Россіи городъ за городомъ, область за областью. Самъ Баторій только и думалъ о возобновленіи войны и потому принялъ горячо къ сердцу увѣренія бѣглеца Головина, о которомъ мы говорили выше. Во время узнавъ объ этомъ, Годуновъ отправилъ въ Польшу спеціальное посольство увѣрить пановъ Рады, что Головинъ — не бѣглецъ, а лазутчикъ, подосланный боярами, чтобы вовлечь ихъ въ войну, такъ какъ теперь Московское государство оправилось и легко можетъ дать имъ отпоръ. По всей вѣроятности, это сообщеніе пословъ произвело впечатлѣніе, и паны согласились продолжить перемиріе, заключенное у Запольскаго-Яма, еще на два года, что собственно и нужно было Годунову, который своимъ дипломатическимъ изворотомъ стушевалъ постыдные извѣты Головина и вмѣстѣ съ тѣмъ достигъ продленія мира. То же удалось ему и относительно Швеціи. Въ 1586 году истекалъ трехлѣтній срокъ перемирія съ нею, заключеннаго на Плюсѣ, и Годуновъ успѣлъ продолжить его еще на четыре года, разумѣется, безъ всякихъ уступокъ со своей стороны. Одновременно съ успокоеніемъ западныхъ рубежей, шла дѣятельная постройка городовъ на южной окраинѣ государства, гдѣ возникли Курскъ, Ливны и Воронежъ; они должны были служить главными охранными пунктами въ такъ называемомъ „дикомъ полѣ“, отдѣлявшемъ населенныя русскія земли отъ степныхъ хищниковъ. Между ними заводились поселенія поменьше (станицы), куда на житье зазывались „охочіе“ люди, а между станицами ставились „острожки“, гдѣ

сидѣли небольшіе сторожевые отряды, наблюдавшіе за движеніемъ въ степи татаръ и ногайцевъ. Кромѣ крѣпостей и засѣкъ, Годунову удалось оградить себя отъ крымскаго хищника и дипломатическимъ путемъ. Онъ принялъ подъ свое покровительство двухъ тамошнихъ царевичей, сыновей свергнутаго хана Махметъ-Гирея, и поселилъ ихъ въ Астрахани, въ качествѣ соперниковъ дяди ихъ, царствовавшаго хана Исламъ-Гирея, для котораго они были постоянною угрозою. На восточной окраинѣ, по Волгѣ, черемисы отъ времени до времени продолжали волноваться; для укрощенія ихъ Борисъ приказалъ построить Цивильскъ, Уржумъ, Царевококшайскъ, Царевосанчурскъ, Саратовъ, Переволоку и Царицынъ, которые скоро сдѣлались значительными русскими поселеніями среди этого инородческаго края. Въ то же время въ Астрахани были устроены каменныя стѣны, и этотъ украинный городъ, скоро забывшій свою самостоятельность, сталъ еще болѣе надежнымъ оплотомъ русской власти.

Мы думаемъ, что устройствомъ вѣковой сторожевой грани на югѣ государства и учрежденіемъ колонизаціонныхъ пунктовъ среди инородческаго племени на востокѣ Годуновъ обнаружилъ свой чисто-русскій, крѣпко-стоятельный государственный умъ, который видѣлъ не только нужды своего времени, но глядѣлъ и далеко въ будущее своего народа.

Въ дѣлѣ внутренняго распорядка Годуновъ замѣнилъ крайне суровый режимъ Грознаго кроткими мѣрами управленія. Многіе воеводы, запятнавшіе себя явными злоупотребленіями, отличавшіеся разнузданностью опричнины, были смѣнены; за лихоимство и неправду обѣщаны строгія наказанія и въ то же время

удвоены оклады жалованья приказнымъ людямъ, чтобы они могли жить безъ посуловъ и взятокъ. Положеніе тяглаго народа было облегчено уничтоженіемъ казенныхъ кабаковъ [1]), лежавшихъ тяжелымъ бременемъ преимущественно на городскихъ тяглецахъ, и дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. Такъ, напримѣръ, Борисъ первый сталъ строить городовыя укрѣпленія наймомъ, а не натуральной повинностью, какъ это дѣлалось прежде. Постройка же городовъ была излюбленнымъ дѣломъ Бориса, производилась почти повсемѣстно и часто въ грандіозныхъ размѣрахъ. Такъ, въ Москвѣ была устроена каменная стѣна вокругъ Бѣлаго Города и пять каменныхъ казенныхъ палатъ въ Кремлѣ, а одно это давало уже возможность заработка бѣдному люду въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще, самая идея общественныхъ работъ для поддержанія экономическаго быта народа принадлежитъ у насъ на Руси именно Годунову. Въ то же время онъ живо отзывался на всякое общественное бѣдствіе: выдавалъ деньги погорѣльцамъ, голоднымъ посылалъ хлѣбъ; и это давалось не въ видѣ богатой милостыни, а имѣло характеръ широкой и притомъ безвозмездной правительственной помощи. Въ 1596 году Борисъ предпринялъ путешествіе къ западной границѣ, чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ народа и осмотрѣть строившіяся тогда каменныя стѣны въ Смоленскѣ. Дорогою онъ останавливался въ городахъ и селахъ, ласково говорилъ съ народомъ и угощалъ его; участливо выслушивалъ просителей, а бѣдняковъ одѣлялъ щедрою милостынею.

---

[1]) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жители ходатайствовали объ этомъ.

Разумная и попечительная дѣятельность Бориса скоро отозвалась на общемъ положеніи государства. По отзыву современника голландца, далеко не панегириста Годунова, „состояніе Московіи за это время значительно улучшилось, и она начала богатѣть, благодаря необыкновеннымъ способностямъ правителя“ [1]).

[1]) Сказаніе Массы, стр. 39. (Изд. археогр. ком., 1874 г.). — Такъ какъ въ нашихъ Очеркахъ мы будемъ довольно часто ссылаться на Массу, какъ на современника и очевидца событій въ Московскомъ государствѣ за время съ 1600 по 1609 годъ, то находимъ необходимымъ замѣтить, что его историческій авторитетъ въ послѣднее время заподозрѣнъ извѣстнымъ отцомъ Пирлингомъ. Въ своемъ критическомъ этюдѣ, напечатанномъ въ 12 кн. Русск. Старины за 1893 г., онъ прежде всего указываетъ на молодость Массы: „ему было всего 18 лѣтъ, когда разыгралась кровавая московская драма, и — по своей молодости — онъ легко могъ впасть въ ошибку“ (стр. 481). Если смотрѣть на Массу, какъ на прагматическаго историка, то это замѣчаніе явится весьма вѣскимъ, ибо всякій согласится, что въ такомъ возрастѣ не пишутся ученыя сочиненія. Но дѣло въ томъ, что Массу цѣнятъ только какъ лѣтописца-очевидца, и въ этомъ отношеніи онъ даже незамѣнимъ. По справедливымъ словамъ фанъ-деръ-Линде, „будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, когда человѣкъ еще чуждъ предразсудковъ, когда впечатлѣнія бываютъ особенно живы и непосредственны, *онъ разсказываетъ лишь о томъ, чего самъ былъ свидѣтелемъ*“. (Histoire des Guerres de la Moscovie (1601 — 1610) par Isaac Massa, publiè par M. le prince M. Obolensky et M. le Dr. A. van der Linde; Bruxelles, 1866). Затѣмъ от. Пирлингъ указываетъ на религіозный фанатизмъ Массы: онъ былъ ярый кальвинистъ и врагъ папства, а потому невѣрно и пристрастно рисуетъ отношенія римской куріи къ Лжедимитрію. Въ этомъ замѣчаніи есть доля справедливости; однако, нельзя не сказать, что и тутъ Масса погрѣшилъ немного. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и от. Пирлингъ не отрицаетъ, что „папа Климентъ VIII поддерживалъ Димитрія въ его намѣреніи пріобщить къ католической вѣрѣ русскій народъ“ (стр. 485), хотя между ними и не существовало предварительнаго договора объ этомъ, какъ утверждаетъ Масса.

Этотъ отзывъ подтверждается Соловьевымъ, который говоритъ, что при Иванѣ IV продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила приказу большаго дворца до 60 тысячъ рублей [1]) ежегодно, а при Ѳеодорѣ до 230 тысячъ [2]). Такіе факты для насъ чрезвычайно важны, такъ какъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о благихъ результатахъ государственной дѣятельности Бориса. Съ увеличившимся благосостояніемъ народа, возросла и его производительная дѣятельность, продукты которой (ленъ, пенька, рыба, икра, деготь, поташъ, сало, кожи, медъ и воскъ) служили предметомъ вывоза для англичанъ. По договору съ ними, заключенному при Грозномъ, они получили право безпошлинной оптовой и розничной торговли. Первую они вели съ русскими купцами исключительно мѣновымъ способомъ и разумѣется пользовались возможностью поприжать ихъ, такъ какъ русскіе не имѣли права сами вывозить свой товаръ въ Англію на тамошніе рынки. Русскіе торговые люди были недовольны такими порядками, и Годуновъ внялъ ихъ справедливымъ жалобамъ. По новому торговому договору, заключенному имъ въ 1587 году съ королевой Елизаветой, право безпошлинной оптовой торговли было предоставлено одной только англійской компаніи, такъ что всѣ другіе иностранцы, даже англичане, не входившіе въ нее, должны были платить пошлину; розничная же торговля англичанамъ вовсе воспрещалась [3]). Для лучшаго уре-

[1]) Русскій рубль второй половины XVI вѣка равнялся 60 — 74 нынѣшнимъ рублямъ. (Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго: „Русскій рубль въ XVI—XVII вѣкѣ“; 1885 г.).

[2]) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. 7, стр. 349; изд. 1870 г.

[3]) Русская Исторія Костомарова, т. I, стр. 576.

гулированія иностранной торговли, по приказанію Годунова, былъ заложенъ въ 1584 г. у Бѣлаго моря Архангельскъ, скоро ставшій важнымъ торговымъ пунктомъ.

Для того, чтобы сохранять прочный и почетный миръ, чего такъ желалъ Годуновъ, тогда, какъ и теперь, нужно было имѣть хорошее войско. Въ Московскомъ государствѣ главный контингентъ вооруженныхъ силъ поставляли служилые люди, получавшіе отъ правительства за свою службу населенные земельные участки, называвшіеся помѣстьями. Во время войны они обязаны были являться на службу „конно, людно и оружно“, причемъ число выставляемыхъ ими людей зависѣло отъ количества земли и крестьянъ въ ихъ помѣстьяхъ. Мы уже замѣтили, что тягости продолжительныхъ войнъ Грознаго очень сильно отозвались на этомъ сословіи, тѣмъ болѣе, что помѣстья за это время сильно опустѣли, частію вслѣдствіе гибели людей въ битвахъ, отчасти вслѣдствіе безвѣстнаго ухода изъ помѣстій на украины государства и въ новооткрытую тогда Сибирь, но болѣе всего отъ перехода крестьянъ на земли богатыхъ владѣльцевъ. Какъ извѣстно, въ то время крестьяне пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому въ осенній Юрьевъ день; но часто, увлекаемые льготами богатыхъ собственниковъ, или привольемъ новооткрытыхъ земель, они уходили, не доживъ условнаго срока и не исполнивъ обязательствъ, принятыхъ на себя „порядной“ съ помѣщикомъ. Отъ этого бѣдные землевладѣльцы не могли исправно нести возложенной на нихъ государствомъ военной службы; и никогда это зло, подрывавшее военныя силы Россіи, не было такъ ощу-

тительно, какъ въ это время. Поэтому Годуновъ, около 1592 года, издалъ указъ, по которому такіе, самовольно вышедшіе, крестьяне должны были считаться бѣглыми и возвращались къ своимъ помѣщикамъ для отработки ряднаго времени; позднѣе, въ 1597 году, другимъ указомъ была установлена пятилѣтняя давность, съ которой помѣщики могли отыскивать своихъ бѣглыхъ судомъ. Кромѣ того, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, не одинъ разъ крестьянамъ былъ запрещаемъ („заказанъ“) обычный переходъ, впрочемъ не далѣе, какъ на одинъ годъ. Безъ сомнѣнія, эта мѣра принималась съ цѣлью дать возможность служилымъ людямъ нѣсколько оправиться въ своихъ помѣстьяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановить массовое передвиженіе народа, которое въ то время было такъ сильно, что одинъ англичанинъ, проѣхавшій отъ Вологды до Ярославля, видѣлъ по дорогѣ до 50 деревень, оставленныхъ жителями. Мы указали всѣ распоряженія Годунова, сдѣланныя имъ для урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами, и они не даютъ намъ основанія утверждать, что прикрѣпленіе послѣднихъ къ землѣ узаконено именно имъ. Въ настоящее время, въ виду послѣднихъ изслѣдованій этого вопроса нашими историками [1]), представляется вѣроятнымъ, что это прикрѣпленіе совершилось не вдругъ, а шло постепенно, начиная со второй половины XVI вѣка, и

[1]) Engelmann: Die Leibeigenschaft in Russland; М. Ф. Владимірскій-Будановъ: Хрестоматія по исторіи русск. права; В. О. Ключевскій: Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи; М. Дьяконовъ: Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія.

было обусловлено не столько правовыми, сколько экономическими причинами. До самаго уложенія 1649 г. крестьяне юридически сохраняли право выхода отъ помѣщиковъ, но не могли уже пользоваться имъ надѣлѣ, такъ какъ въ большинствѣ не имѣли средствъ уплатить владѣльцамъ ссуды, полученныя при водвореніи на земли, вслѣдствіе своей крайней задолженности. Это мнѣніе подтверждается между прочимъ и недавно напечатанными новгородскими кабальными книгами, гдѣ встрѣчается цѣлый рядъ кабальныхъ записей 1599—1600 г., изъ которыхъ видно, что крестьяне легко мѣняютъ мѣсто своего жительства, чего, конечно, не могло бы быть, если бы закрѣпощеніе ихъ уже состоялось [1]).

Съ вопросомъ о помѣстныхъ крестьянахъ былъ связанъ другой — о тарханахъ, т. е. о льготахъ и преимуществахъ монастырскихъ и владычныхъ имѣній. Мы уже упоминали, что эти привилегіи были приманкою для крестьянъ изъ помѣстій служилыхъ людей, которые жаловались на то, что ихъ крестьяне убѣгали въ тарханныя вотчины. Вслѣдствіе этого Годуновымъ былъ созванъ (20 іюля 1584 г.) соборъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ, бояръ и „царскаго синклита“ [2]), на которомъ было постановлено — уничтожить всѣ тарханныя грамоты. Уравнивая права духовенства съ служилымъ сословіемъ на экономической почвѣ, Годуновъ въ то же время задумалъ сообщить ему въ іерархическомъ отношеніи особое значеніе и блескъ учреж-

---

[1]) Новгородскія кабальныя книги 7108 (1599—1600) г. Спб. 1894 года.

[2]) В. Н. Латкинъ: „Земскіе Соборы“, стр. 88.

деніемъ патріархіи. Русская церковь давно уже была автокефальною, но управлялась митрополитомъ; между тѣмъ даже малочисленныя восточныя паствы имѣли во главѣ своей патріарховъ; притомъ же въ западной половинѣ русской церкви былъ другой митрополитъ — кіевскій, и это обстоятельство какъ бы умаляло значеніе духовнаго главы московской церкви. Воспользовавшись пріѣздомъ въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи для сбора милостыни, Борисъ предложилъ ему возвести въ санъ патріарха митрополита Іова, посвященіе котораго и совершилось 26 января 1589 года.

4.

На ряду съ внутреннимъ строеніемъ государства, касавшимся всѣхъ сторонъ народной жизни, Годуновъ не упускалъ изъ вида и отношеній Россіи къ сосѣдямъ-иноземцамъ. Смерть Стефана Баторія, послѣдовавшая въ концѣ 1586 года, давала ему надежду посредствомъ личной уніи соединить Россію и Польшу и тѣмъ надолго, если не навсегда, обезпечить миръ на западномъ рубежѣ государства. Это была очень смѣлая для того времени идея, заключавшая въ себѣ, однако, самый практическій способъ для прекращенія вѣковой борьбы двухъ братскихъ народовъ, и Годуновъ сдѣлалъ энергическую попытку къ ея осуществленію. Въ случаѣ избранія Ѳеодора королемъ польскимъ, Борисъ, именемъ его, письменно обѣщалъ панамъ, что царь не будетъ вмѣшиваться въ дѣла римско-католической вѣры и во внутреннее управленіе: пусть депаны управляются сами собой... Не будетъ онъ также вступаться въ королевскіе доходы и не потребуетъ ни-

какихъ расходовъ для себя даже въ случаѣ временнаго пріѣзда въ Польшу: пусть только она будетъ въ мирѣ и единеніи съ Московскимъ государствомъ. Зато царь будетъ защищать польскія владѣнія своими силами, построитъ тамъ на свой счетъ нужныя крѣпости; отвоюетъ у шведовъ Эстонію и отдастъ ее Рѣчи Посполитой; заплатитъ изъ своей казны долги покойнаго короля и предоставитъ польскимъ людямъ право безпошлинной торговли въ своемъ государствѣ. Никакой другой кандидатъ не могъ предложить полякамъ болѣе выгодныхъ условій. Они сами сознавали это, и потому на избирательномъ сеймѣ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ русскаго царя; но когда была образована сеймовая коммиссія изъ 15 членовъ для переговоровъ съ московскими послами, дѣло приняло другой оборотъ. Паны вдругъ предъявили несообразныя требованія, которыхъ никогда не могли принять русскіе: чтобы царь приступилъ къ соединенію съ римской церковью, вѣнчался королевскимъ вѣнцомъ отъ гнѣзненскаго архіепископа и въ своемъ титулѣ писалъ бы Польское королевство выше Московскаго государства. Но, главное, они требовали, въ видѣ избирательной взятки, 200 тысячъ рублей наличными, что на наши деньги составитъ огромную сумму въ 12 милліоновъ рублей. Годуновъ поторопился выслать имъ 20 тысячъ рублей, но этого было мало, и избраніе Ѳеодора не состоялось. Русскіе послы успѣли только заключить съ панами перемиріе на 15 лѣтъ; польскимъ же королемъ сталъ Сигизмундъ Ваза, сынъ Екатерины Ягеллонъ. Костомаровъ приписываетъ [1]) эту неудачу

[1]) Его Русская Исторія въ жизнеоп., т. I, стр. 575.

недостатку „ума и умѣнья“ у Бориса, но съ этимъ нельзя согласиться: Годуновъ сдѣлалъ все возможное для достиженія данной цѣли. Вина скорѣе падаетъ на развращенную польскую олигархію, которая пренебрегла интересами отчизны для своихъ личныхъ, карманныхъ интересовъ.

Спустя съ небольшимъ два года послѣ неудачной избирательной кампаніи въ Польшѣ, истекъ срокъ перемирія съ Швеціей. Годуновъ сознавалъ, что для Россіи было очень тяжело навсегда лишиться западнаго моря; между тѣмъ шведы удерживали занятую ими при Грозномъ часть Вотской пятины, примыкавшей къ морю. Избѣгая войны, Борисъ предложилъ имъ — уступить ее за денежное вознагражденіе, однако, эта попытка не имѣла успѣха, и въ началѣ 1590 года открылась война. Успѣхъ ея былъ на сторонѣ русскихъ, и шведы сами стали просить мира, уступая при этомъ города: Ямъ, Копорье, и Иванъ-городъ. На этихъ условіяхъ, въ концѣ февраля того же года, было заключено перемиріе, и такимъ образомъ Борисъ достигъ возстановленія древняго русскаго рубежа [1]); окончательный же миръ былъ заключенъ лишь въ 1595 году, по которому Швеція уступила Россіи и Корельскую область; Нарва же, пріобрѣтенная и снова утраченная Грознымъ, осталась за нею.

5.

Именно во время шведской войны случилось въ Московскомъ государствѣ то загадочное событіе, которое имѣло такое роковое вліяніе на судьбу Годунова

[1]) Карамзинъ, т. X, стр. 88.

при жизни и наложило на его память позорное клеймо убійцы. Я говорю о смерти царевича Димитрія. Мы знаемъ, что вслѣдъ за воцареніемъ Ѳеодора, онъ, вмѣстѣ съ матерью, царицей Маріей, и дядями, Нагими, былъ отправленъ на житье въ Угличъ въ сопровожденіи стольниковъ, стряпчихъ, дѣтей боярскихъ, двухъ сотъ человѣкъ жильцовъ; „для сбереганія и ради царскія чести“ послано было съ царевичемъ изъ Москвы четыре приказа стрѣльцовъ: московскій приказъ, приказъ конныхъ и два приказа пѣшихъ. Не забыты были даже „робятки“, т. е. сверстники изъ дѣтей незнатныхъ служилыхъ людей, съ которыми могъ бы забавляться Димитрій. Въ Угличѣ находился старинный великокняжескій дворецъ, построенный княземъ Андреемъ, сыномъ Василія Темнаго: въ немъ и помѣстилась царица съ сыномъ, со своимъ ближайшимъ штатомъ и прислугой. Для надзора за домашнимъ обиходомъ царицы, правительство держало въ Угличѣ своихъ приставовъ, которые должны были доносить въ Москву обо всемъ, что дѣлалось при дворѣ царевича. Съ самаго водворенія здѣсь царевича, т. е. съ конца марта 1584 г. [1]), такими приставами были: дьякъ Михаилъ Битяговскій (которому ввѣрены были и земскія дѣла Углича), его сынъ Данила и племянникъ — Никита Качаловъ. Царица и ея братья не терпѣли ихъ и постоянно ссорились съ ними [2]). Нагіе дѣйствительно были вздорливые люди, а царица — женщина тупая и злобная. Они надоѣдали приставамъ своею заносчи-

[1]) Н. М. Павловъ: „Правда о Лжедимитріи“; Русскій Архивъ за 1886 г., кн. 8, стр. 600. (Сначала напечатана была въ газетѣ „День“ за 1864 г.).

[2]) Русская Исторія въ жизнеоп. Костомарова, т. I, стр. 582.

востью и претензіями въ чаяніи скорой власти; жаловались на скудость и убожество своего содержанія, а пристава винили ихъ въ роскоши, въ неумѣренной тратѣ государскаго жалованья. Между тѣмъ Димитрій подросталъ. Въ 1591 году ему шелъ уже осьмой годъ [1]), и про него начали ходить нехорошіе слухи: говорили, что онъ будетъ также злобенъ, какъ его отецъ; что онъ мучитъ животныхъ, и разъ, надѣлавъ изъ снѣга человѣкоподобныя фигуры, рубилъ имъ головы. Вѣроятно, эти слухи были преувеличены; основаніемъ-же для нихъ могла служить падучая болѣзнь, соединенная съ припадками бѣшенства, которою страдалъ Димитрій. Быть можетъ, патологически она объясняется тѣмъ, что Димитрій родился отъ Грознаго въ то время, когда царь былъ уже физически разстроенъ своими бѣшеными страстями.

Въ началѣ второй половины мая мѣсяца 1591 года, въ Москву пришла изъ Углича вѣсть, что царевича Димитрія не стало, и вслѣдъ затѣмъ пошелъ слухъ, что онъ былъ убитъ приставами по приказанію Годунова. По всей вѣроятности, слухъ этотъ вышелъ изъ среды бояръ, враждебныхъ Годунову. Его удачная правительственная дѣятельность, благодаря которой Московское государство такъ быстро оправилось отъ внутреннихъ нестроеній и внѣшнихъ неудачъ; его ласковость и обходительность, снискавшія ему народное расположеніе,— все это только усиливало зависть и ненависть къ нему бояръ, которые видѣли, что власть Бориса крѣпнетъ, и вліяніе его растетъ. Становилось очевиднымъ, что, благодаря Годунову, боярскія мечты о прибавкѣ себѣ воли и власти — не сбудутся, пока

[1]) Онъ родился 19 октября 1583 года.

живъ Ѳеодоръ. Потому-то они обвиняли Бориса во всѣхъ печальныхъ и тяжелыхъ событіяхъ и все готовы были приписать ему, чтобы очернить его въ глазахъ народа. Его обвиняли въ убійствѣ маленькой королевны Евдокіи [1]), умершей у Троицы въ 1589 году; въ поджогахъ Москвы, въ наведеніи крымцевъ; въ попыткахъ отравить Димитрія и самого Ѳеодора. Даже раздача хлѣба голоднымъ и пособія погорѣвшимъ ставились ему въ вину, ибо объяснялись коварнымъ желаніемъ пріобрѣсти расположеніе народа. Немудрено поэтому, что при первой вѣсти о смерти Димитрія бояре приписали ее Годунову. Между тѣмъ Борисъ поспѣшилъ отправить въ Угличъ коммисію для производства слѣдствія („обыска“) о смерти царевича. Во главѣ ея находился князь Василій Ивановичъ Шуйскій [2]), типичный представитель московской родовой знати, а въ частности той княжеской вѣтви, которая стояла во главѣ враговъ Годунова. Другими членами коммиссіи были: митрополитъ Крутицкій Геласій, окольничій Андрей Клешнинъ и дьякъ Елизаръ Вылузгинъ. Слѣдователи прибыли въ Угличъ вечеромъ 19 мая и тотчасъ же поставили свидѣтелей къ допросу. Опрошены были Нагіе, лица изъ штата царицы и изъ двор-

[1]) Дочь Маріи Владиміровны, двоюродной племянницы Грознаго, бывшей за Магнусомъ, королемъ Ливонскимъ.

[2]) Г. Боцяновскій въ своей статьѣ: „Кто убилъ царевича Димитрія?“ (Историч. Вѣстн. за 1891 г., кн. V, стр. 331), говоря о назначеніи Шуйскаго въ слѣдственную коммисію, замѣчаетъ: „какъ онъ попалъ сюда — рѣшить трудно“. Мы думаемъ объяснить это такъ: при вѣсти о смерти Димитрія, Борисъ, конечно, сообразилъ, что бояре, по обычаю своему, будутъ обвинять его, чтобы убѣдить ихъ въ противномъ, онъ и назначилъ главнымъ слѣдователемъ наиболѣе виднаго представителя боярской среды.

*

цовой прислуги. Михаилъ Нагой показалъ, что царевича зарѣзали Данило Битяговскій, Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ. Андрей Нагой уклончиво подтвердилъ это показаніе: „сказываютъ, будто царевича зарѣзали“. Всѣ другіе свидѣтели и въ числѣ ихъ родной дядя царевича, Григорій Нагой, напротивъ удостовѣрили, что Димитрій „самъ накололся“ на ножъ, играя въ тычку, въ припадкѣ падучей болѣзни. Далѣе выяснилось, что смерть царевичу приключилась около полудня 15 мая, на дворцовомъ дворѣ, куда, по звуку набата, прибѣжали углицкіе посадскіе люди и увидѣли, что мертваго царевича держитъ кормилица Ирина Тучкова, а царица Марія бьетъ полѣномъ мамку Василису Волохову и кричитъ, что царевича убили Осипъ Волоховъ, Битяговскій и Качаловъ. Толпа бросилась за ними, отыскала ихъ въ разрядной избѣ и убила. Когда на подворье царицы прибѣжалъ изъ своего дома Михаилъ Битяговскій и сталъ успокоивать народъ, его также убили вмѣстѣ съ Даниломъ Третьяковымъ; затѣмъ отыскали Волохова, притащили къ царицѣ, находившейся уже въ церкви св. Спаса у тѣла Димитрія, и на глазахъ ея также убили, а мать его посадили „за сторожи“. Кромѣ того, были убиты четверо людей Михайла Битяговскаго и двое Волохова; хотѣли также убить и жену Михаила Битяговскаго съ двумя дочерьми, но ихъ спасло заступничество духовенства.

Всѣ эти свѣдѣнія были записаны слѣдователями, завѣрены подписями, представлены Годунову, а имъ внесены на разсмотрѣніе духовнаго собора съ патріархомъ во главѣ. По прочтеніи обыска, соборъ выслушалъ заявленіе митрополита Геласія, что царица Марія созналась ему, будто убійство Битяговскаго съ то-

варищами — дѣло грѣшное, и убиты-де они невинно. Соборъ заключилъ, что Нагіе и углицкіе посадскіе люди виновны противъ великаго государя въ самоуправствѣ, ибо царевичу Димитрію „смерть учинилась Божьимъ судомъ“, и они побили на царицыномъ подворьѣ людей безвинно, а потому достойны наказанія по усмотрѣнію государя. И виновные были наказаны безъ послабленія: царицу Марію сослали въ Судинъ монастырь, близъ Череповца, и постригли подъ именемъ Марѳы; ея братьевъ, Нагихъ, разослали по разнымъ городамъ; жителей Углича, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, казнили, а всѣхъ другихъ выселили въ городъ Пелымъ.

Замѣчательна участь углицкаго обыска. Большинство историковъ, смотря на Бориса, какъ на честолюбца, всѣми средствами стремившагося къ престолу, отвергаютъ достовѣрность фактовъ слѣдственнаго дѣла. Недовѣріе ихъ вполнѣ понятно и логично: Борисъ приказалъ убить царевича и затѣмъ велѣлъ направить слѣдствіе такъ, чтобы выходило, будто онъ закололся самъ. Однако, въ исторической наукѣ существуетъ и другой взглядъ на Годунова. Погодинъ [1]), едва ли не первый изъ нашихъ историковъ [2]), посмотрѣлъ на него

[1]) Въ статьѣ „Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія“. Московскій Вѣстн. 1829 г. ч. III.

[2]) По свидѣтельству Погодина, Карамзинъ также былъ противъ обвиненія Бориса и даже далъ ему слово, что въ X томѣ своей исторіи онъ оправдаетъ Годунова. Однако, когда вышелъ этотъ томъ, „оказалось все навыворотъ тому, что онъ самъ говорилъ“. Разгадку этого далъ самъ-же Карамзинъ въ своихъ „Историческихъ воспоминаніяхъ на пути къ Троицѣ“. Вотъ его слова: „Что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. (См. статья Павлова: „Правда о Лжедимитріи“, Русскій Архивъ за 1886 г., кн. 8.

совсѣмъ другими глазами и привелъ рядъ дѣльныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ относительно невиновности Бориса въ убійствѣ Димитрія. Вслѣдъ затѣмъ Арцыбашевъ [1]) открыто сталъ на сторону слѣдственнаго дѣла. Разсмотрѣвши въ немъ показанія Григорія Нагого, кормилицы Ирины Тучковой, постельницы Марьи Колобовой и четырехъ мальчиковъ-жильцовъ, которыхъ даже лѣтописи не подозрѣваютъ ни въ какихъ связяхъ съ Годуновымъ, Арцыбашевъ пришелъ къ заключенію, что они „даютъ неоспоримую силу истины“ словамъ мамки Василисы Волоховой и угличкаго городоваго прикащика Русина Ракова. Изъ нихъ первая полно и обстоятельно обрисовала картину самоубійства Димитрія [2]), а второй разсказалъ о враждебныхъ отношеніяхъ Михайла Нагого къ Михайлу Битяговскому и объ обстоятельствахъ, послѣдовавшихъ за убійствомъ приставовъ. Простое, безхитростное из-

---

[1]) Его статья: „О кончинѣ царевича Димитрія“ первоначально напечатана въ 12 кн. „Вѣстн. Европы“ за 1830 г. и затѣмъ перепечатана въ Русск. Архивѣ за 1886 г., кн. 11.

[2]) Приводимъ это именно мѣсто изъ обширнаго показанія Волоховой: „И вдова Василиса Волохова въ разпросѣ сказала, что разболѣлся царевичъ Димитрій въ среду нынѣшняго 99 (1591) году, маія въ 12-й день, падучею болѣзнью, и въ пятницу-де и ему маленько стало полегче, и царица-де его Марья взяла съ собою къ обѣднѣ, и отъ обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтра въ суботу, пришотчи отъ обѣдни, царица велѣла царевичу на дворъ итить гулять; а съ царевичемъ были: она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе робятки-жильцы, да постельница Марья Самоилова (Колобова), а игралъ царевичъ ножикомъ. И тутъ на царевича пришла опять тажъ чорная болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя ножемъ покололъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало“. (Слѣдственное дѣло въ Собр. Государств. Грам. и Догов., II, стр. 106).

ложеніе Арцыбашева производитъ сильное впечатлѣніе на всякаго непредубѣжденнаго человѣка.

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, мысль о невинности Годунова продолжала развиваться. Когда вышелъ VII т. Исторіи Россіи Соловьева, Конст. Аксаковъ въ своей рецензіи высказался о возможности самоубійства Димитрія [1]). Въ 1864 году Николай Павловъ въ статьѣ „Правда о Лжедимитріи“ рѣшительно настаивалъ на оправданіи Бориса. Послѣ выхода въ свѣтъ Исторіи Смутнаго времени Костомарова, Е. А. Бѣловъ въ своей статьѣ „О смерти царевича Димитрія [2]) привелъ рядъ остроумныхъ и вѣскихъ доводовъ о возможности самоубійства Димитрія, указывая въ особенности на показаніе Волоховой, отличающееся, по мнѣнію его, „психологической правдой“. Въ послѣднее время профес. Платоновъ [3]) своимъ разборомъ повѣстей и сказаній о Смутномъ времени сильно двинулъ впередъ мысль о невиновности Годунова въ углицкомъ дѣлѣ: оказалось, что всѣ фактическія основанія для такого обвиненія не выдерживаютъ критики. Въ виду этого, повидимому, слѣдовало бы прійти къ такому заключенію: если нѣтъ данныхъ обвинять Бориса, то нельзя отвергать *и санкціонированное имъ* слѣдственное дѣло. Однако мысль объ убійствѣ Димитрія пустила прочные корни въ нашу историческую почву. Несмотря на то, что главный убійца остается теперь безъ фактическихъ доказательствъ своей виновности, а возможность самоубійства легко объясняется эпилептическимъ состоя-

[1]) Русск. Бесѣда за 1858 г., т. II, стр. 24.

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. за 1873 г., кн. 7 и 8.

[3]) Повѣсти и Сказ. о Смутномъ времени, какъ историческій источникъ, Спб., 1888 г.

ніемъ царевича, его все-таки находятъ неестественнымъ, невозможнымъ физически, и охотнѣе допускаютъ наличность невѣдомыхъ убійцъ Димитрія, чѣмъ самоубійство. Такъ, напримѣръ, г. Боцяновскій [1]) указываетъ на князя Василія Шуйскаго, какъ на весьма возможнаго убійцу Димитрія. По его мнѣнію, Шуйскій, въ качествѣ главнаго слѣдователя, запуталъ углицкое дѣло и измыслилъ самоубійство изъ опасенія, чтобы Борисъ самъ не принялся за это дѣло и не раскрылъ его участія въ убійствѣ. Но какъ-же Годуновъ, съ его яснымъ умомъ и тонкимъ знаніемъ людей и современныхъ обстоятельствъ, могъ позволить Шуйскому провести себя въ такомъ важномъ дѣлѣ? Почему-же онъ не докопался до правды и не вывелъ на свѣтъ убійцы, кто-бы онъ ни былъ? Вѣдь зналъ-же онъ о склонности бояръ, все худое приписывать именно ему и могъ предвидѣть, что они не замедлятъ приписать ему и убійство Димитрія?

Мы полагаемъ, что для обѣленія Годунова нѣтъ надобности розыскивать невѣдомыхъ убійцъ Димитрія. Оправдывая Бориса, мы должны быть также логичны, какъ его обвинители, и не можемъ отвергать слѣдственное дѣло, тѣмъ болѣе, что этой логикѣ не противорѣчитъ естественная возможность самоубійства царевича. Въ самомъ дѣлѣ, неужели такъ трудно допустить, что хилый [2]) мальчикъ, страдавшій эпилепсіей,

---

[1]) Въ своей статьѣ: „Кто убилъ Димитрія?“ (См. выше).

[2]) Замѣчательно, что именно въ день смерти царевичъ чувствовалъ себя особенно нездоровымъ: „восталъ дряхлъ съ постели своей и глава у него съ плечъ покатилася“. („Чт. въ Общ. истор. и древн.“ за 1864 г., кн. IV, въ смѣси, изд. А. Бычковымъ „Повѣсть о убіеніи царевича Димитрія“, стр. 1 — 4).

могъ случайно поранить себѣ горло (напримѣръ, проколоть сонную артерію), подвергшись припадку съ ножемъ въ рукѣ? Роковая случайность, и ничего болѣе. Самое трудное для объясненія, какъ извѣстно, иногда бываетъ въ сущности самымъ простымъ. Затѣмъ, что удивительнаго въ томъ, что обезумѣвшая отъ страха кормилица, опасаясь потери живота за свое несмотрѣніе, завопила объ убійствѣ, а разсвирѣпѣвшая царица-мать тотчасъ же повѣрила этому и указала народу на своихъ личныхъ недруговъ, какъ на убійцъ? Нельзя не согласиться съ Арцыбашевымъ, что это „время было удобно къ отмщенію“ [1]).

Допустимъ, что доводы о возможности самоубійства Димитрія могутъ показаться недостаточно вѣскими... Но развѣ доказательства въ пользу убійства болѣе убѣдительны? Возьмемъ сказанія современниковъ [2]). Прежде всего мы поражаемся ихъ разнообразіемъ: одни изъ нихъ передаютъ это извѣстіе такъ, другіе совсѣмъ иначе. Откуда это разнорѣчіе? Оно было бы вполнѣ понятно, если бы углицкое дѣло совершилось глубокою ночью, въ стѣнахъ дворца; но, какъ извѣстно, смерть царевича приключилась среди бѣлаго дня, на улицѣ: отчего-же никто изъ современниковъ не знаетъ доподлинно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось убійство?

Профессоръ Платоновъ группируетъ эти сказанія въ четыре категоріи или редакціи. Первая и вторая изъ нихъ не разнятся между собою въ описаніи убійства. По этому типу сказаній всѣ мы въ юности зна-

[1]) „О кончинѣ царевича Димитрія“: стр. 282. (См. выше).

[2]) Русскія повѣсти и сказанія о Смутномъ времени. (Русская Историческая Библіотека, издав. археогр. ком., т. XIII, Спб., 1892 г.).

комились съ углицкимъ дѣломъ. Данило Битяговскій, Никита Качаловъ и *Данило* Волоховъ сговорились съ мамкой Василисой Волоховой. Она вывела Димитрія на дворцовый дворъ, гдѣ его ждали убійцы. Подойдя къ царевичу, Волоховъ сказалъ: „сіе у тебя, государь, новое ожерельицо?“ И когда тотъ поднялъ голову, говоря: „сіе есть старое“, тогда Волоховъ „ужали жаломъ-ножемъ праведнаго по шеѣ“. (Кстати, замѣтимъ: что̀ сдѣлалъ бы Волоховъ, если бы Димитрій не приподнялъ головы?..) Однако ударъ былъ неудаченъ. Увидя это, кормилица, какъ видно, бывшая тутъ-же, закричала; тогда Битяговскій и Качаловъ ударили ее и покончили съ Димитріемъ. По третьей редакціи сказаній, царевичъ пошелъ гулять съ кормилицей Ориной Ждановой. Близъ церкви царя Константина и Елены имъ встрѣтились Битяговскій и Качаловъ; они сначала ударили кормилицу палкой, такъ что она упала на землю безъ памяти, затѣмъ бросились на Димитрія и перерѣзали ему горло, а сами закричали. По четвертой редакціи выходитъ такъ, что съ убійцами условилась кормилица Дарья и вывела царевича на дворцовую лѣстницу, подъ которой притаились убійцы. Когда Димитрій спустился до средины ея, выскочилъ Михайло Битяговскій и схватилъ его за ноги, сынъ же его Данило за голову, а Никита Качаловъ перерѣзалъ ему горло.

Обращаясь къ внутренней оцѣнкѣ сказаній, необходимо замѣтить, что всѣ онѣ написаны уже послѣ канонизаціи царевича. Первая и вторая редакціи ихъ отличаются такой наивностью, такъ похожи на апокрифическій мартирологъ, что ихъ выдуманность, или сочиненіе по книжному складу того времени, вполнѣ очевидны. Кромѣ того есть и явная ложь, напримѣръ,

что убійцы были нарочно посланы Борисомъ въ Угличъ; Волоховъ названъ Даниломъ, а не Осипомъ, какъ-бы слѣдовало. Къ этой категоріи относится и такъ называемое „Иное сказаніе", подъ вліяніемъ котораго написаны другія компиляціи на ту-же тему. Проф. Платоновъ признаетъ его „полнымъ отраженіемъ взглядовъ царя Шуйскаго съ его правительствомъ, пристрастнымъ голосомъ одной политической партіи", въ интересахъ которой было свалить вину убійства на Годунова. Иначе говоря, это сказаніе написано просто по наказу Шуйскаго. Третья редакція представляется на первый взглядъ обстоятельнѣе другихъ, однако г. Платоновъ видитъ въ ней не болѣе, какъ „попытку кратко изложить данныя дѣла о смерти царевича, основанныя на показаніяхъ, записанныхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, только не въ оправданіе, а въ обвиненіе Бориса". Четвертую редакцію сказаній тотъ-же изслѣдователь прямо называетъ легендарной. И дѣйствительно, сказаніе этой категоріи не знаетъ настоящаго имени кормилицы царевича; затѣмъ перемѣшиваетъ роли кормилицы и мамки и наконецъ приписываетъ Михайлу Битяговскому непосредственное участіе въ убійствѣ, а это уже совсѣмъ явная ложь. Такимъ образомъ, съ одной стороны разнообразіе сказаній о фактической сторонѣ угличскаго убійства, а съ другой — превосходная критическая оцѣнка ихъ исторической достовѣрности (или лучше сказать: недостовѣрности), сдѣланная г. Платоновымъ, убѣждаютъ насъ, что до сихъ поръ мы не знаемъ, какъ произошло угличское убійство. Если, въ виду этого, мы отвергнемъ данныя слѣдственнаго дѣла о смерти Димитрія, то окажемся въ полномъ невѣдѣніи относительно обстоятельствъ, при которыхъ она послѣдовала.

Еще угличскіе слѣдователи не успѣли вернуться въ Москву, какъ здѣсь вспыхнулъ пожаръ, истребившій значительную часть Бѣлаго города. Годуновъ, по обычаю своему, сталъ милосердовать о погорѣльцахъ: раздавалъ пособія и на свой счетъ выстраивалъ цѣлыя улицы. И вдругъ пошелъ слухъ, что пожаръ произведенъ по его приказанію... Спустя два мѣсяца, когда крымскій ханъ неожиданно бросился на Русь и быстро дошелъ до Москвы, но былъ отраженъ Мстиславскимъ и Годуновымъ, снова пошелъ слухъ, что Борисъ нарочно призвалъ хана, чтобы отвлечь народъ отъ толковъ о смерти Димитрія. Эти нелѣпые, невозможные слухи, распускавшіеся недоброжелателями Годунова, невольно наводятъ на мысль, что точно также возникъ и разошелся по Руси слухъ объ убійствѣ Димитрія по приказанію Бориса; затѣмъ былъ занесенъ въ лѣтописи и сказанія и преобразился въ историческій фактъ безъ всякаго реальнаго основанія. Не безъ основанія можно полагать, что закрѣпленію этого слуха болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Шуйскій, который, по вступленіи на престолъ, былъ поставленъ въ необходимость доказывать смерть царевича отъ руки убійцъ, чтобы сообщить ему ореолъ мученичества.

6.

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ пережилъ своего младшаго брата только на шесть съ половиною лѣтъ. Болѣзненность склонила его къ преждевременной смерти: онъ скончался въ январѣ 1598 года, на 41 году отъ рода. Когда патріархъ спросилъ его: кому оставляетъ онъ бояръ и царство? Ѳеодоръ отвѣчалъ такъ: „въ боярахъ и царствѣ воленъ Богъ; что онъ похочетъ —

то и будетъ". Этотъ отвѣтъ вполнѣ согласенъ съ характеромъ Ѳеодора, который, по выраженію Карамзина, „былъ рожденъ болѣе для келліи, чѣмъ для власти державныя", и потому мы имѣемъ основаніе не довѣрять извѣстіямъ о передачѣ имъ власти царицѣ Иринѣ или Ѳедору Никитичу Романову. Онъ такъ и умеръ, не разрѣшивъ вопроса о престолонаслѣдіи, которымъ, вѣроятно, никогда не задавался. Рѣшить его пришлось боярамъ, и они постановили, что правленіе остается въ ихъ рукахъ. Если-бы Годуновъ былъ такъ всесиленъ и такъ рьяно стремился къ царскому вѣнцу, какъ говорятъ, то развѣ онъ допустилъ бы своихъ завѣдомыхъ враговъ разсуждать о вопросѣ, отъ котораго зависѣла его судьба? Трудиться цѣлые годы надъ упроченіемъ своего властнаго положенія, всевозможными способами расчищать себѣ дорогу къ трону, не брезгуя даже преступленіемъ, и вдругъ, въ рѣшительную минуту, покорно отдаться на волю враговъ? Это такъ неестественно, что становится невѣроятнымъ, и мы должны допустить, что боярскіе дебаты объ устроеніи правленія объясняются лишь тѣмъ, что со смертію Ѳеодора значеніе Годунова сразу умалилось, и обаяніе его исчезло. Дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ на площадь и предложилъ народу присягнуть на имя боярской думы. Бояре находили это весьма естественнымъ, ибо каждый изъ нихъ, въ силу своей родовитости, мнилъ себя достойнымъ царства. Они думали, что теперь насталъ, наконецъ, желанный моментъ: верховная власть перейдетъ въ ихъ руки, и они позаботятся, чтобы новоизбранный царь — человѣкъ ихъ среды — прибавилъ имъ воли и власти. Однако народъ запротестовалъ, и раздались крики: не знаемъ ни кня-

зей, ни бояръ, знаемъ только царицу!“ Когда Щелкаловъ объявилъ, что царица уже постриглась, то народъ воскликнулъ: „буди здравъ Борисъ Ѳедоровичъ!“ Костомаровъ говоритъ, что народная толпа состояла въ большинствѣ изъ доброжелателей Бориса; но почему-же не нашлось такихъ доброжелателей у Шуйскаго?.. Мы знаемъ, что эта княжеская фамилія имѣла много приверженцевъ въ средѣ московскихъ торговыхъ и отчасти служилыхъ людей, которые въ данный моментъ могли бы оказать ей хорошую поддержку. Если они этого не сдѣлали, то значитъ симпатіи большинства оказались дѣйствительно на сторонѣ Годунова. Народъ зналъ его, какъ правителя царства, въ теченіи четырнадцати лѣтъ видѣлъ его полезную дѣятельность и въ тоже время не забылъ о близкомъ родствѣ его съ Ѳеодоромъ. Ничего подобнаго не было у Шуйскаго, а его происхожденіе отъ Александра Невскаго, составлявшее такое важное преимущество въ глазахъ бояръ, было уже забыто народомъ. Желаніе народа имѣть Бориса царемъ было поддержано патріархомъ и служилыми людьми. Почему-же теперь бояре не попрекали его убійствомъ Димитрія? Что мѣшало Шуйскому всенародно обличить грѣхъ Бориса и тѣмъ загородить ему дорогу къ трону? Въ самомъ дѣлѣ, они вѣдь не стѣснялись, открыто негодовали, „говорили съ укоризной о низкомъ происхожденіи Годунова, о томъ, что не ему слѣдуетъ царствовать, а другому изъ древняго великокняжескаго рода“ [1]), но *„были не въ силахъ противиться общему желанію“* [2]), *„единодушному*

[1]) Исторія о великомъ княж. Московскомъ Петрея, стр. 170. (Изд. 1867 г.).

[2]) Русская Исторія въ жизнеоп. Костомарова, стр. 591.

порыву“ [1]), и вмѣстѣ съ патріархомъ, духовенствомъ и толпою народа отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ съ сестрою находился Борисъ, просить его о принятіи царства. Годуновъ не сдался на многократныя просьбы и увѣщанія Іова и отказался отъ такой высокой чести. Тогда патріархъ объявилъ народу, что надо созвать земскій соборъ и просить Бориса Ѳедоровича „всею землею“. Очевидно, Годуновъ не желалъ, быть выкрикнутъ на царство одними жителями Москвы, какъ это впослѣдствіи сдѣлалъ Василій Шуйскій, удовольствовавшійся даже выкличкой небольшой толпы своихъ сторонниковъ. Поступая такъ, какъ поступилъ Борисъ, нужно или быть вполнѣ увѣреннымъ въ своемъ избраніи, или оставаться равнодушнымъ ко власти. Мы думаемъ, что у него не могло быть полной увѣренности во всеобщемъ къ себѣ расположеніи и въ безсиліи вліятельныхъ враговъ, а потому сомнѣніе съ его стороны представляется весьма естественнымъ. Мы не будемъ также утверждать, что Годуновъ былъ чуждъ стремленія къ престолу; какъ человѣкъ, привыкшій ко власти, онъ не могъ равнодушно разстаться съ нею. Однако онъ ясно видѣлъ, что только при выборѣ всею землею власть его будетъ и прочна, и крѣпка. Въ виду этого, онъ могъ подавить въ себѣ стремленіе къ ней и рѣшилъ взойти на престолъ лишь въ качествѣ всенароднаго избранника.

Выборные люди собрались въ Москву къ половинѣ февраля 1598 года, а соборъ былъ открытъ 17 февраля. По мнѣнію проф. Ключевскаго, онъ состоялъ изъ 512

---

[1]) По выраженію г. Павлова. (См. его „Правда о Лжедимитріи“, стр. 525).

членовъ [1]), въ составѣ которыхъ „нельзя подмѣтить слѣда выборной агитаціи или какой нибудь подтасовки [2]). Это обстоятельство очень важно для насъ, такъ какъ до послѣдняго времени умышленный подборъ членовъ этого собора признавался большинствомъ историковъ; установленная-же теперь безъискуственность состава выборныхъ людей проливаетъ новый свѣтъ на избраніе Бориса и представляетъ его не въ видѣ хорошо разыгранной комедіи, а какъ всенародный, вполнѣ осмысленный актъ. Это представляется тѣмъ естественнѣе, что народъ не терпѣлъ олигархіи, которая сулила ему однѣ бѣды и напасти, желалъ скорѣйшаго избранія царя и не имѣлъ никакихъ основаній предпочесть Борису другого, невѣдомаго кандидата. Напротивъ, по справедливому выраженію г. Павлова, „народу было просто и естественно предлагать корону изъ всѣхъ бояръ никому другому, какъ Борису“ [3]). Нельзя не замѣтить, что избраніе Бориса — фактъ весьма замѣчательный въ нашей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ толпа высокошапочныхъ, укутанныхъ въ мѣха и золото, родовитыхъ бояръ, съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ, надѣялась посадить на престолъ кого либо „отъ корене

[1]) Историки говорятъ различно о числѣ членовъ этого собора. Костомаровъ, вмѣстѣ съ Соловьевымъ и Павловымъ, принимаетъ 474 человѣка выборныхъ. Изъ нихъ 99 духовнаго чина, 153 изъ высшаго класса служилыхъ людей, 119 изъ низшаго и 103 отъ торговыхъ и посадскихъ людей. Такимъ образомъ на долю духовенства и народа приходились 321 депутатъ, а отъ высшаго класса 153. Загоскинъ и Латкинъ допускаютъ 457 человѣкъ.

[2]) Составъ представительства на земскихъ соборахъ, В. О. Ключевскаго. (Русская Мысль за 1891 г., кн. I, стр. 146).

[3]) См. его „Правду о Лжедимитріи“, стр. 526.

скипетродержащихъ", всенародный выборъ палъ на человѣка, выдвинувшагося не родовыми преимуществами, а родствомъ съ царемъ и личными заслугами. Тогда бояре впервые почувствовали силу народной воли, которая пошла въ разрѣзъ съ ихъ взглядами на значеніе правящей власти: она совершенно игнорировала основной принципъ боярства — родовитость и предпочла ему личную заслугу, службу землѣ.

Годуновъ принялъ этотъ выборъ и сталъ государемъ-царемъ и великимъ княземъ всея Русіи.

7.

1-го сентября 1598 года, въ новолѣтіе [1]), Борисъ короновался и началъ свое царствованіе обильными милостями. Весь тяглый народъ былъ освобожденъ отъ платежа податей на одинъ годъ; торговымъ людямъ дано право безпошлинной торговли на два года, а служилымъ людямъ выданъ не въ зачетъ годовой окладъ жалованья. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ за маловажные проступки были выпущены; обвиненные въ душегубствѣ избавлены отъ смертной казни. Вдовамъ и сиротамъ служилыхъ людей дано вспоможеніе, а бѣднымъ и неимущимъ всякаго званія выданы отъ царя кормы и одежда. Вообще нищелюбіе было характерною чертою Бориса. Правда, оно искони было присуще всѣмъ русскимъ людямъ, ибо въ этомъ видѣли исполненіе евангельской заповѣди; при прежнихъ царяхъ также остатки кушаній съ государева стола ежедневно выносились нищимъ на площадь, но это было простое исполненіе обычая. Годуновъ-же широко развилъ кормленіе бѣд-

[1]) Въ то время новый годъ на Руси начинался съ 1 сентября.

ныхъ и дѣлалъ это во все свое царствованіе, не оскудѣвая въ милостынѣ. Его внутреннюю царственную дѣятельность такъ удачно характеризуетъ дьякъ Тимофеевъ, авторъ „Временника“ [1]), что мы не находимъ лучшихъ словъ для ея освѣщенія. „О благочестіи ревнитель усерденъ; требующимъ — даватель неоскуденъ; въ мірови въ мольбахъ о всякой вещи — преклонитель кротостенъ; въ отвѣтахъ всѣмъ сладокъ; на обидящихъ просящимъ, безпомощнымъ и вдовицамъ — отмститель скоръ; о правленіи земли — прилежаніемъ премногъ; правосудія безъ мзды — любитель, неправдѣ всякой — искоренитель нелестенъ“. Въ годъ вступленія на престолъ Борису было 46 лѣтъ; обладая красивою наружностью, онъ находился въ полномъ развитіи мужественныхъ силъ и въ занятіяхъ государственными дѣлами не зналъ утомленія. Необыкновенная память служила ему при этомъ хорошимъ подспорьемъ: никогда не забывалъ онъ того, что разъ видѣлъ или слышалъ, такъ что всегда узнавалъ людей, видѣнныхъ имъ за много лѣтъ назадъ [2]). При большомъ природномъ умѣ, онъ отличался замѣчательнымъ даромъ слова и способностью оцѣнивать такія явленія, которыя стояли внѣ кругозора современныхъ ему русскихъ людей. По своей симпатіи къ западному просвѣщенію, онъ по справедливости можетъ быть названъ предтечею Петра Великаго въ такую эпоху, когда даже наиболѣе развитые русскіе умы не находили ничего хорошаго у европейцевъ, не понимали ни строя тамошней жизни, ни наукъ, ни художествъ. Ни одинъ изъ прежнихъ

[1]) „Временникъ“ дьяка Тимофеева — въ XIII т. Русской Историч. Библіотеки.

[2]) Сказ. Массы, стр. 50.

русскихъ государей не ласкалъ такъ иностранцевъ, какъ Борисъ. Онъ призывалъ ихъ къ себѣ на службу въ качествѣ знатоковъ воинскаго дѣла, художниковъ и врачей и щедро одарялъ. Мы знаемъ, что Иванъ Грозный жестоко истязалъ ливонскихъ нѣмцевъ, попадавшихъ въ плѣнъ; Годуновъ-же нѣкоторымъ изъ нихъ далъ помѣстья, инымъ право безпошлинной торговли, а всѣмъ вообще — льготы отъ податей и позволеніе построить въ московской нѣмецкой слободѣ протестантскую церковь. Стремленіе Бориса къ просвѣщенію было такъ велико, что онъ задумалъ основать въ Москвѣ школу для изученія западныхъ наукъ и искусствъ, пригласивъ для того учителей-европейцевъ; духовенство воспротивилось этому изъ опасенія, что вмѣстѣ съ иноземною наукою проникнутъ на Русь иновѣрныя еретическія ученія и повредятъ древнее благочестіе. Тогда царь рѣшился осуществить свою мысль другимъ путемъ, именно послать нѣсколько русскихъ молодыхъ людей въ иностранныя земли „для науки разныхъ языковъ и грамотъ“ [1]). Для той эпохи это было тоже новое и смѣлое дѣло; однако Годуновъ не остановился передъ брюзжаніемъ тѣхъ дворянскихъ семей, которыя должны были разстаться со своими сыновьями. Въ 1601—1602 годахъ молодые люди, въ числѣ 18 человѣкъ, были посланы въ Англію, Германію (Любекъ) и Францію на шесть лѣтъ. Тамъ они выучились всему, что имъ было наказано, но Борису не привелось дождаться своихъ молодыхъ ученыхъ: онъ скоро умеръ, а затѣмъ въ Россіи все измѣнилось, и хотя о заграничныхъ студентахъ вспомнили при

[1]) А. В. Арсеньевъ: Исторія посылки русскихъ студентовъ за границу при Борисѣ Годуновѣ: Спб. 1887 г.

*

Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳедоровичѣ, но домой они не вернулись. Дѣтямъ своимъ Годуновъ далъ прекрасное, рѣдкое по тому времени образованіе, какъ бы желая сочетать отличавшую ихъ тѣлесную красоту съ духовной. О царевичѣ Ѳеодорѣ современники говорятъ, что „онъ былъ изученъ премудрости и всякаго философскаго естественнословія“ [1]). Безъ сомнѣнія, этими словами они хотѣли сказать, что Ѳеодоръ въ своихъ познаніяхъ шагнулъ далеко за книгу Галена Пергамскаго „О большомъ и маломъ мірѣ“, переведенную по русски еще въ XVI вѣкѣ, и заключавшую въ себѣ всѣ тѣ космографическія и естественно-историческія свѣдѣнія, какія были доступны русскому грамотному человѣку того времени. Памятникомъ образовательныхъ занятій царевича осталась нарисованная имъ карта Россіи, изданная въ Германіи Герардомъ въ 1614 году. Царевна Ксенія, по свидѣтельству хронографа, также была „писанію книжному искусна“ [2]).

Несмотря на свое расположеніе къ иностранцамъ, Борисъ былъ очень сдержанъ съ ними въ вопросахъ, касавшихся интересовъ своего государства, и не поощрялъ ихъ излишнихъ претензій. Въ мартѣ 1601 г. [3]) прибыло посольство англійской королевы Елизаветы, находившейся издавна въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Годуновымъ, съ дарами и поздравленіемъ по случаю вступленія на престолъ. Царь принялъ его весьма любезно, но когда посолъ намекнулъ о воспрещеніи голландцамъ производить торговлю въ Московскомъ государствѣ, то онъ отвѣчалъ, что люди всѣхъ

[1]) Врем. Моск. Общ. Исторіи и древн., XVI, 92.
[2]) Русск. Достопам., I, 175.
[3]) Разр. кн., Симб. Сборн., 144.

націй для него равно любезны, и онъ со всѣми желаетъ жить въ дружбѣ; что и другіе иностранцы исправно платятъ пошлины, составляющія государственный доходъ, и потому могутъ торговать, какъ и англичане. Для англичанъ-же, замѣтилъ Борисъ, довольно уже и того, что они освобождены отъ всякой пошлины, и потому неумно, даже неприлично съ ихъ стороны завидовать своимъ сосѣдямъ [1]). Въ 1603 году [2]) явились послы Ганзеатическаго союза съ богатыми дарами и просили освободить ихъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ [3]). Борисъ отвѣчалъ, что Ганза достаточно богата, и для нея не можетъ быть затруднителенъ платежъ пошлины, но, въ видѣ особой милости, половина ея сбавляется однимъ любчанамъ, а остальные ганзейцы должны быть довольны и тѣмъ, что имѣютъ право торговать въ Москвѣ, Архангельскѣ, Новгородѣ и Псковѣ, наравнѣ съ купцами испанскими, французскими, датскими и польскими [4]).

Со своими ближайшими сосѣдями, шведами и поляками, Борисъ держался политики, усвоенной въ годы правленія: сохранять миръ, если не будутъ затронуты существенные интересы Московскаго государства. Въ Швеціи въ то время происходила внутренняя борьба между Сигизмундомъ III, королемъ польскимъ, наслѣдовавшемъ отъ своего отца Іоанна шведскую корону, и его дядею Карломъ IX, котораго шведы предпочли племяннику, ревностному католику, оказывавшему явное пренебреженіе къ ихъ правамъ и религіи. Эта

[1]) Сказ. Массы, стр. 76.

[2]) Представлены государю 3 апрѣля: Щербатовъ, VII, ч. I, 183.

[3]) Сказ. Массы, стр. 95.

[4]) Карамзинъ, т. XI, стр. 64. (Изд. Суворина).

война была очень выгодна для интересовъ Московскаго государства: она заставляла обѣ стороны искать союза съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляла обоихъ сильнѣйшихъ его враговъ. Годуновъ хорошо понималъ это и не могъ желать скораго прекращенія этой борьбы. Не вмѣшиваясь въ распрю своихъ сосѣдей, онъ зорко слѣдилъ за нею и не хотѣлъ, чтобы кто либо помогалъ той или другой сторонѣ, въ особенности же Польшѣ, такъ какъ въ случаѣ побѣды Сигизмунда онъ соединилъ бы подъ своей властью оба государства и сталъ бы вдвое сильнѣе и опаснѣе для Россіи. Въ виду этого, понятно неудовольствіе Годунова, когда онъ узналъ, что англійскіе корабли перевозятъ войска Сигизмунда въ Швецію. Онъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе правительству королевы Елизаветы, которая отвѣчала, что дѣйствительно нѣсколько англійскихъ купеческихъ кораблей перевозили въ Швецію войска короля польскаго, но дѣлали это безъ ея согласія и вѣдома [1]). Мы привели этотъ эпизодъ въ доказательство дипломатической дальновидности Бориса, въ которой отказываетъ ему Н. П. Костомаровъ, видящій коварство тамъ, гдѣ была только здравая политика.

Польское посольство, во главѣ котораго стоялъ канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга, прибыло въ Москву въ октябрѣ 1600 года и поднесло царю богатые подарки, но самъ посолъ держалъ себя довольно надменно и предъявлялъ неисполнимыя домогательства: между прочимъ требовалъ права строить на Руси костелы. Вслѣдствіе этого возникли большіе споры и

[1]) Н. В. Чарыковъ: Посольство въ Англію Григорія Микулина. Изд. 1878 г., стр. 14—16.

пререканія. Масса [1]) разсказываетъ, что Сапѣга былъ у царя по крайней мѣрѣ разъ двадцать, и они разставались то друзьями, то врагами. Переговоры затянулись на девять мѣсяцевъ (до августа 1601 г.) и кончились заключеніемъ перемирія на двадцать лѣтъ. Какъ ни настаивали поляки, русскіе отказались признать Сигизмунда королемъ шведскимъ, а Эстонію и Ливонію собственностью Польши, такъ что московская политика восторжествовала. Борисъ отпраздновалъ заключеніе перемирія богатымъ пиромъ, на которомъ члены посольства угощались съ утра до глубокой ночи, и затѣмъ поторопился выпроводить ихъ изъ Москвы: до него дошли слухи о подозрительныхъ сношеніяхъ Сапѣги съ враждебными ему боярами.

8.

Еще до пріѣзда польскаго посольства, но въ томъ же 1600 году, до Бориса впервые дошелъ темный слухъ, что царевичъ Димитрій живъ. Разумѣется, эта вѣсть сильно поразила и глубоко встревожила царя: онъ понялъ, что стихшая на время боярская крамола вновь ожила и выдвигаетъ противъ него весьма опасное орудіе. Удалось ли ему напасть на слѣдъ заводившейся противъ него интриги? По всей вѣроятности, такъ какъ съ этого времени Борисъ измѣняется, становится подозрителенъ и жестокъ; именно тогда заползъ въ его душу червь, котораго задушить онъ не могъ до своей смерти. Н. П. Костомаровъ говоритъ, что Борисъ никогда не былъ добродушенъ и милосердъ и только казался такимъ для утвержденія себя и сво-

[1]) Сказаніе, стр. 74.

его рода на престолѣ; и когда убѣдился, что кроткія средства не удались, далъ волю своимъ естественнымъ чувствамъ, т. е. сталъ мраченъ и свирѣпъ [1]). Съ этимъ нельзя согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, Борисъ, занимающій престолъ, какъ всенародный избранникъ, вдругъ убѣждается, что люди, близко стоящіе къ трону, начинаютъ интриговать противъ него, своего законнаго государя, и распускаютъ въ столицѣ лживые и опасные слухи... Какой государь можетъ быть добродушенъ и милосердъ при этихъ условіяхъ? Поэтому неудивительно, что Годуновъ принялся за подозрительныхъ бояръ и прежде всего за Богдана Бѣльскаго. Если мы припомнимъ, что этотъ бояринъ, какъ опекунъ Димитрія, ретивѣе всѣхъ отстаивалъ его права на престолъ, то будетъ вполнѣ понятно, почему Борисъ скорѣе другихъ заподозрилъ его въ новой крамолѣ, тѣмъ болѣе, что и дальнѣйшее поведеніе Бѣльскаго было далеко небезукоризненно. Возвращенный Годуновымъ изъ ссылки, онъ былъ посланъ строить въ украинныхъ степяхъ городъ Царевъ-Борисовъ; зажилъ тамъ богато, на свой счетъ содержалъ ратныхъ людей и, кичась своимъ богатствомъ и знатностію, подъ рукою говорилъ, что Борисъ — царь на Москвѣ, а онъ — въ Царевѣ-Борисовѣ. Его кичливость и похвальба отлично характеризуютъ общее настроеніе бояръ въ отношеніи Годунова. Очевидно, они только терпѣли его, но не могли примириться съ его властью и искренно подчиниться ей; несмотря на всенародный выборъ, онъ представлялся имъ узурпаторомъ, худороднымъ бояриномъ, мѣсто котораго не на престолѣ, а

[1]) Русская Исторія, т. I, стр. 596 — 597.

на дальнемъ воеводствѣ. Бѣльскаго привезли въ Москву, допрашивали; разумѣется, ничего не добились и скоро сослали въ низовскую землю. Уличить его въ распространеніи слуха о Димитріи было невозможно, тѣмъ не менѣе этотъ бояринъ былъ несомнѣнно виновенъ въ возбужденіи народныхъ страстей противъ Бориса [1]). Такъ, напримѣръ, онъ толковалъ о брадобритіи царя, чтобы выставить его противникомъ древнихъ благочестивыхъ обычаевъ, любителемъ нѣмцевъ. За это Борисъ приказалъ придворному цирульнику Габріэлю выщипать бороду у „царя борисо-градскаго“. Такой поступокъ Годунова, по справедливому замѣчанію г. Павлова, „очевидно былъ вызванъ всей страстностью его взволнованной души“ [2]). Затѣмъ царь набросился на бояръ Романовыхъ, несомнѣнныхъ друзей Бѣльскаго. Одинъ изъ ихъ холоповъ, Бартеневъ, бывшій казначеемъ у Александра Никитича Романова, подалъ доносъ, что Романовы замышляютъ извести царя [3]). Борисъ поручилъ слѣдствіе окольничему Салтыкову, который въ кладовой Романовыхъ нашелъ мѣшокъ съ какими-то кореньями, привезъ его на дворъ къ патріарху и здѣсь высыпалъ коренья передъ собравшимся народомъ; сюда же привели всѣхъ пятерыхъ братьевъ Романовыхъ. Разумѣется, это обвиненіе было только предлогомъ: на самомъ дѣлѣ Борисъ подозрѣвалъ Романовыхъ въ ковѣ противъ себѣ, то есть въ самозванческой интригѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ г. Павлова, „эта родовитая семья изначала соперничала съ

---

[1]) „Правда о Лжедимитріи“, стр. 530.
[2]) Ibidem, стр. 529 — 539.
[3]) Никон. лѣтоп., т. VIII, стр. 42 — 43.

Годуновымъ“ [1]), и вокругъ нея группировались всѣ враждебныя Борису боярскія семьи. Романовы были сосланы въ отдаленныя мѣста, причемъ Ѳедоръ Никитичъ былъ насильно постриженъ въ Сійскомъ монастырѣ. Пострадали также ихъ родственники и свойственники: Черкасскіе, Сицкіе, Репнины, Карповы, Шестуновы, Пушкины и другіе, разосланные по разнымъ украиннымъ городамъ.

Именно въ это самое время Левъ Сапѣга жилъ со своимъ посольствомъ въ Москвѣ. Онъ былъ здѣсь уже не первый разъ. При воцареніи Ѳеодора, онъ же правилъ посольство къ новому царю и первый заговорилъ въ Польшѣ о его духовной немощи. Выше мы уже говорили, что это обстоятельство, въ связи съ воспоминаніемъ о недавнихъ побѣдахъ Баторія надъ Грознымъ, возбудило въ полякахъ надежду достичь преобладанія надъ Москвой и еще болѣе урѣзать въ свою пользу ея западныя области. Годуновъ, выступившій въ качествѣ правителя, помѣшалъ осуществленію этихъ надеждъ. Благодаря его разумному управленію, Московское государство скоро оправилось отъ внутреннихъ нестроеній и настолько окрѣпло, что могло дать отпоръ польскимъ притязаніямъ. При всемъ своемъ миролюбіи, Борисъ далъ это ясно почувствовать панамъ Рады и тѣмъ вызвалъ ихъ озлобленіе. Весьма естественно допустить, что именно въ дипломатической головѣ Сапѣги возникла мысль — выставить самозванца на погибель Годунова, и что Мнишекъ и Вишневецкіе были только орудіями, а не иниціаторами этого замысла. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ лучше всѣхъ въ

[1]) „Ibidem“, стр. 529 — 530.

Польшѣ зналъ о загадочности смерти Димитрія и о враждѣ родовитыхъ бояръ къ Годунову. Есть даже основаніе думать, что самый претендентъ былъ намѣченъ задолго до послѣдняго посольства Сапѣги въ Москву. По крайней мѣрѣ, изъ писемъ, недавно найденныхъ въ архивѣ канцлера, видно, что уже въ 1598 г. въ Польшѣ высказывалась мысль о возможности появленія самозванца [1]). Проживая такъ долго въ Москвѣ, Сапѣга имѣлъ время еще ближе присмотрѣться къ положенію дѣлъ и сблизиться съ врагами Годунова. Весьма естественно, что онъ не могъ пренебрегать такими союзниками и намекнулъ имъ о появленіи въ Польшѣ Димитрія. Конечно, ему хотѣлось зондировать почву и узнать, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ замыселъ на русскихъ? Убѣдившись въ сочувствіи бояръ, Сапѣга, вѣроятно, посвятилъ ихъ въ нѣкоторыя подробности этой затѣи и просилъ возможнаго содѣйствія. Напримѣръ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ желалъ имѣть людей, способныхъ подготовить будущаго претендента съ религіозной и обрядово бытовой стороны; разумѣется, онъ понималъ, что это дѣло не маловажное и требуетъ опытнаго руководителя. Быть можетъ, онъ тогда-же подробно ознакомился съ примѣтами царевича и получилъ какія-нибудь вещи, имѣвшія значеніе по воспоминаніямъ о немъ, напримѣръ, тотъ золотой тѣльный крестъ, который носилъ первый самозванецъ, выдавая его за подарокъ своего крестнаго отца, князя Мстиславскаго. Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно одно, что Сапѣга велъ какіе-то таинствен-

[1]) См. выше: очеркъ I-й, стр. 10, примѣчаніе 1-е. Слухи о самозванцѣ сообщилъ канцлеру староста Оршанскій Андрей Сапѣга.

ные переговоры съ боярами, врагами Годунова. Дѣло дошло до того, что Борису стали явны боярскія козни; онъ догадался, что есть какая-то связь между враждебными ему боярами и польскимъ посломъ и, какъ мы уже замѣтили, поторопился выпроводить его изъ Москвы. Вслѣдъ за отъѣздомъ Сапѣги, въ столицѣ усилились смутные слухи, что царевичъ Димитрій спасся въ Угличѣ отъ смерти и живетъ за польскимъ рубежемъ. Они доходили до Бориса и усиливали его опасенія и тревогу, тѣмъ болѣе, что въ близкой къ себѣ средѣ онъ подмѣчалъ тайное недоброжелательство и шатость, пока еще прикрытыя холопской покорностью. До чего была ненадежна окружавшая его среда, показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Крестовый дьякъ патріарха Іова, Григорій Отрепьевъ, проговорился въ пьяной компаніи, что Димитрій царевичъ живъ и находится въ Польшѣ. Борису донесли, и онъ приказалъ заточить болтуна въ Соловки. Однако это царское повелѣніе не было исполнено. Отрепьеву очевидно мирволили; онъ тайно ушелъ изъ Москвы (въ февралѣ 1602 г.), скоро объявился въ Польшѣ, у Димитрія, и сталъ какъ-бы связью между „сапѣжинцами“ и кружкомъ враждебнаго Борису боярства. По своему прошлому и по своимъ личнымъ качествамъ, Отрепьевъ былъ способенъ для такой роли. Человѣкъ книжный, вышедшій изъ низшаго служилаго сословія, онъ провелъ свою молодость въ Москвѣ, живя по разнымъ боярскимъ дворамъ, между прочимъ у Черкасскихъ и Романовыхъ; затѣмъ постригся въ монахи и, благодаря своимъ способностямъ, сдѣлался лично извѣстенъ патріарху. Какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ русскими обычаями во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества,

онъ былъ полезенъ для подготовки претендента и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ сообщать въ Москву своимъ покровителямъ все то, что ихъ интересовало относительно самозванца. Это предположеніе находитъ вѣское подтвержденіе въ томъ фактѣ, что Отрепьевъ несомнѣнно игралъ въ дѣлѣ перваго самозванца замѣтную роль; это сознавало и правительство Годунова, хотя оно и ошиблось, выдавая его самого за самозванца.

Ожесточенный коварствомъ своихъ враговъ, царь окружилъ себя шпіонами и доносчиками, которые часто злоупотребляли его довѣріемъ и изъ личныхъ видовъ оклеветывали людей невинныхъ. Вслѣдствіе этого смутное настроеніе умовъ въ столицѣ усиливалось, и атмосфера вокругъ Бориса все болѣе и болѣе сгущалась. Онъ видимо начиналъ утрачивать душевное равновѣсіе, такъ необходимое для всякаго правителя, а между тѣмъ въ это самое время другое бѣдствіе обрушилось на Русь и потребовало отъ него великаго труда и неусыпныхъ попеченій.

9.

Мы говоримъ о страшномъ голодѣ вслѣдствіе неурожая хлѣба въ 1601 и 1602 годахъ. Весна и лѣто 1601 года были необыкновенно дождливы: въ теченіи десяти недѣль дождь шелъ почти непрерывно, а съ 15-го августа начались утренніе заморозки. Хлѣба были частію смыты, частію побиты морозомъ. Однако сѣмена все-таки были выручены, и ими произведены посѣвы къ слѣдующему году, недавшіе всходовъ вслѣдствіе недоброкачественности зерна. Тогда начался голодъ. Однако нельзя сказать, что неурожай былъ повсемѣст-

ный; напротивъ, были мѣста, гдѣ хлѣбъ уродился прекрасно, напримѣръ въ Курской сторонѣ, въ Сѣверской землѣ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ украинныхъ городовъ, но, къ сожалѣнію, всѣ урожайныя полосы находились на окраинахъ государства, и потому доставка оттуда хлѣба въ центральныя, наиболѣе пострадавшія мѣстности была очень затруднительна при тогдашнихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія. Запасы хлѣба въ зернѣ и немолоченнаго въ скирдахъ и одоньяхъ имѣлись и внутри государства у богатыхъ вотчинниковъ и зажиточныхъ крестьянъ, а также у торговыхъ людей находились большія заготовки зерна для продажи. Но всѣ они, „межь себя сговоряся, для своей корысти хотя хлѣбною дорогою цѣною обогатѣти, тотъ весь хлѣбъ у себя затворили и затаили“ [1]), а которые и продавали, такъ только оптомъ, четвертей по сту и больше, а не въ розницу. Кромѣ того, многіе скупщики заблаговременно, „въ дешевую пору роздали и иззадачили на хлѣбъ многіе деньги и нынѣ ѣздятъ задатчить, и закупаютъ и отсылаютъ въ отвозъ, и тотъ закупной хлѣбъ продаютъ по большой цѣнѣ, и всякимъ людемъ такою дорогою цѣною учинили въ хлѣбѣ тѣсноту великую и скудость“. Иные изъ скупщиковъ выходили изъ городовъ на дороги, версты за двѣ и за три, и подстерегали крестьянъ, ѣдущихъ съ хлѣбомъ, чтобы откупить его и не пропустить „на торгъ для вольные дешевые продажи“. Царь приказывалъ такихъ людей сыскивать, „бить кнутьемъ нещадно“ и „метать въ тюрьмы“, а хлѣбъ у нихъ переписывать и прода-

[1]) Указъ царя Бориса Годунова отъ 3 ноября 1601 г. о мѣрахъ противъ голода. (Русская Старина за 1891 г., кн. XI, стр. 499—504).

вать по указной цѣнѣ: „четь [1]) ржи по полтинѣ, овесъ по полуполтинѣ, ячмень по четыре гривны“, и непремѣнно въ розницу, небольшимъ количествомъ: „по чети, по двѣ и по три человѣку“. Свой собственный хлѣбъ Борисъ пустилъ въ продажу ниже установленной цѣны, а бѣднякамъ, у которыхъ не на что было купить хлѣба, сталъ выдавать деньги. Такъ какъ эта послѣдняя мѣра скоро вызвала злоупотребленія со стороны раздатчиковъ царской милостыни и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовала большому скопленію въ Москвѣ голоднаго народа, то Борисъ вынужденъ былъ прекратить выдачу денегъ и взамѣнъ ея учредилъ общественныя работы, чтобы дать возможность заработка стянувшемуся въ столицу голодному люду. Такою именно работою была постройка двухъ каменныхъ дворцовыхъ палатъ: столовой и панихидной. Для упорядоченія-же продовольственнаго дѣла внутри страны, царь послалъ довѣренныхъ лицъ, которыя должны были отбирать у землевладѣльцевъ молоченный и немолоченный хлѣбъ, платя за него по указной цѣнѣ, и отправлять въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности. Тѣмъ не менѣе, бѣдствіе было чрезвычайно велико. Не смотря на энергическія мѣры Бориса, направленныя къ прокормленію народа, многіе бѣдняки, все-таки, не имѣли возможности добыть себѣ хлѣба и ѣли собакъ, кошекъ, мышей, сѣно, солому и даже человѣческое мясо. Масса разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ Москвѣ, противъ своего дома, мальчика, который въ продолженіи четырехъ дней ѣлъ сѣно и, наконецъ, умеръ отъ истощенія. „Я,— говоритъ онъ,— охотно далъ бы ему поѣсть, однако, опасаясь, что меня замѣ-

[1]) То есть четверть.

тятъ и нападутъ на меня, не посмѣлъ исполнить своего намѣренія“ [1]).

Въ то время, когда Борисъ былъ удрученъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ и глубоко встревоженъ слухами о самозванцѣ, ему суждено было перенести и семейное несчастіе. Не раздѣляя общаго предубѣжденія тогдашнихъ русскихъ людей къ иностранцамъ, онъ рѣшилъ женить сына на иноземкѣ, а дочь выдать за иностраннаго принца. Первая его попытка пристроить Ксенію за Густава, сына Эрика XIV, короля шведскаго, не имѣла успѣха, такъ какъ онъ совершенно разочаровался въ характерѣ жениха, наслѣдовавшаго отъ отца фантастическое сумазбродство и неуживчивость нрава. Тогда Годуновъ обратился къ датскому двору и получилъ согласіе герцога Іоанна, брата короля Христіана IV, сдѣлаться его зятемъ. Въ августѣ 1602 года принцъ съ большою свитою прибылъ въ Москву и очень понравился Борису, такъ какъ былъ юноша красивый, благонравный и скромный. Желая, чтобы его будущій зять имѣлъ возможность присмотрѣться къ русскимъ обычаямъ, Борисъ не спѣшилъ свадьбой. Герцогъ жилъ на особомъ подворьѣ и пользовался чрезвычайнымъ вниманіемъ и искреннимъ расположеніемъ царя; но вдругъ, въ октябрѣ 1602 года, онъ заболѣлъ горячкой и черезъ двѣнадцать дней скончался. Борисъ былъ въ отчаяніи, и вмѣстѣ съ нимъ горевала его семья. Замѣчательно, что даже эта скорбная утрата дала поводъ къ злословію его врагамъ: они пустили слухъ, будто Борисъ самъ отравилъ принца изъ боязни, чтобы русскіе, полюбивши его, не выбрали царемъ вмѣсто его сына.

[1]) Сказ. Массы, стр. 78.

10.

Нельзя отрицать, что ужасный голодъ 1601 года сильно содѣйствовалъ возбужденію умовъ на Руси. Немногіе изъ подданныхъ Бориса знали его искреннюю заботливость о народѣ въ это тяжелое время; не до всѣхъ доходили и его обильныя щедроты; между тѣмъ тяжкія послѣдствія бѣдствія были у всѣхъ передъ глазами и невольно подрывали народную вѣру въ благость и могущество царя. Тѣмъ не менѣе, это была только накипь народнаго горя, которая исчезла бы вмѣстѣ съ голодомъ, если бы другія темныя силы не выступили противъ Годунова. Мы уже знаемъ, что внутри была сильна боярская ненависть къ нему, едва прикрытая холопской покорностью, а внѣ, въ Польшѣ, съ трудомъ скрывали озлобленіе и зависть. Эти двѣ равнодѣйствующія силы усердно работали теперь во мракѣ, стремясь пока къ одной общей цѣли — низверженію Бориса. Орудіе для достиженія ея было у нихъ также общее: это — призракъ угличскаго Димитрія, выдвинутый въ разсчетѣ на преданность народа къ угасшему царскому роду. Этотъ разсчетъ былъ вѣренъ, ибо Бориса дѣйствительно можно было свергнуть только самозванцемъ [1]).

Историческій туманъ, застилающій угличское событіе, еще болѣе сгущается надъ личностью, принявшею имя умершаго Димитрія. Что это былъ за человѣкъ? Полякъ или русскій? Сознательный обманщикъ, или человѣкъ, подготовленный съ дѣтства къ этой роли, и потому вѣрившій въ свое царское происхожденіе?

---

[1]) Соловьевъ, т. 8, стр. 85.

Вотъ вопросы, на которые исторія все еще не можетъ дать строго-обоснованные отвѣты. Между тѣмъ эти вопросы имѣютъ большое значеніе для характеристики взаимныхъ отношеній народовъ польскаго и русскаго, и правильное рѣшеніе ихъ могло бы выяснить въ исторіи того и другого многое, что теперь является только гадательнымъ. Вопросъ о національности перваго самозванца тѣсно связанъ съ другимъ: гдѣ возникла самая идея самозванства — въ Польшѣ или въ Москвѣ? Если онъ былъ русскій, то несомнѣнно, что его измыслили бояре для сверженія Годунова, а поляки только воспользовались имъ для заведенія смуты на Руси. Если же полякъ, тогда ясно, что самозванецъ былъ выдуманъ въ Польшѣ для осуществленія извѣстныхъ, спеціально-польскихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели король и паны, а также іезуиты [1]) могли довѣриться

[1]) Отецъ П. Пирлингъ, на основаніи документовъ ватиканскаго архива, помѣщенныхъ въ „Études religieuses“ за 1877 годъ, представляетъ въ слѣдующемъ видѣ отношенія самозванца къ римской куріи: сначала папа Климентъ VIII смотрѣлъ на него недовѣрчиво, но когда названный Димитрій нашелъ себѣ многихъ приверженцевъ въ Россіи и Польшѣ, папа измѣнилъ свой взглядъ. Тѣмъ не менѣе, никакого договора о введеніи въ Россіи католичества между папою и Димитріемъ не существовало, и этотъ послѣдній совершенно неожиданно изъявилъ желаніе принять католицизмъ и пріобщить къ нему русскій народъ. Климентъ VIII только поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи. (См. упомянутый нами выше критическій этюдъ Пирлинга въ Рус. Старинѣ). Въ виду этого, становится вполнѣ очевиднымъ, что въ самозванческой интригѣ политическая сторона преобладала надъ религіозной; тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что католическое духовенство (въ особенности іезуиты) смотрѣло на самозванца, какъ на весьма удобное орудіе для введенія въ Россіи католицизма, или, по крайней мѣрѣ, религіозной уніи.

въ своемъ дѣлѣ русскому, каковъ-бы онъ ни былъ? Такой близорукости невозможно допустить.

Какъ ни разнорѣчивы сказанія современниковъ [1]) о первомъ самозванцѣ, но въ обрисовкѣ его личнаго характера они отличаются замѣчательнымъ сходствомъ. Чрезвычайно легкомысленный, легко увлекающійся, но несомнѣнно храбрый и отважный, съ порывами великодушія; ловкій танцоръ и лихой наѣздникъ, поклонникъ женщинъ и любитель шумныхъ забавъ и увеселеній, онъ былъ истый представитель тогдашняго польскаго рыцарства. Въ пріемахъ внутренняго управленія, въ его отрицательномъ отношеніи къ русскимъ порядкамъ, въ широкихъ завоевательныхъ планахъ и мечтахъ объ изгнаніи турокъ сказывался человѣкъ, знакомый съ западною культурою. Это тоже польская черта. Его незнакомство съ русскими завѣтными обычаями, освященными религіею и давностію, было просто поразительно. Какъ на самый характерный примѣръ въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ указать на его вѣнчаніе съ Мариною 8 мая — наканунѣ Николина дня, приходившагося притомъ въ пятницу. Никакой русскій человѣкъ той эпохи не позволилъ бы себѣ такой профанаціи особенно чтимаго на Руси святаго: вѣрующій — по убѣжденію въ грѣховности подобнаго дѣянія; невѣрующій, еслибъ такой нашелся въ русской средѣ того времени, изъ опасенія возбудить противъ себя негодованіе. По всѣмъ этимъ даннымъ, представляется несомнѣннымъ, что первый Лжедимитрій былъ не русскаго происхожденія и скорѣе полякъ, чѣмъ че-

---

[1]) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ; Сказанія Массы и Геркмана.

ловѣкъ какой-либо другой національности. Дальнѣйшія соображенія и догадки о его происхожденіи не имѣютъ особаго историческаго значенія [1]). Важно лишь то, что Польша вскормила это дитя безъ рода и племени и выдвинула на историческую сцену въ позорной роли обманщика. Повидимому, онъ съ дѣтства получилъ соотвѣтственную воспитательную подготовку и былъ увѣренъ въ своемъ высокомъ происхожденіи. Эта увѣренность поддерживала его энергію при первыхъ военныхъ неудачахъ и сообщала его рѣчамъ и поступкамъ тотъ властный характеръ, который такъ обаятельно дѣйствовалъ на русскихъ выходцевъ и на русское порубежное населеніе. Позднѣе, при торжественномъ шествіи отъ Тулы къ Москвѣ, онъ являлъ себя настоящимъ, прирожденнымъ властелиномъ, земскимъ царемъ всея Русіи, которому народная хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ дороже серебра и золота, подносимаго боярами и именитыми людьми. Затѣмъ,

---

[1]) Однако слѣдуетъ упомянуть, что изъ этихъ догадокъ одна, высказанная современникомъ (Буссовъ), именно, что онъ былъ побочный сынъ Стефана Баторія, имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятія. Годы сиротства начались для Димитрія и сына Баторія почти одновременно (1584—86). Подозрительный Сигизмундъ III могъ провидѣть въ потомкѣ храбраго короля конкурента своимъ сыновьямъ на польскую корону: поэтому онъ являлся совершенно лишнимъ въ Польшѣ. Но, что всего важнѣе, сынъ Баторія, вѣроятно, росъ въ неизвѣстности о своемъ происхожденіи, и потому было удобно привить ему убѣжденіе, что онъ — сынъ московскаго царя. Предположеніе, что самозванецъ могъ быть сыномъ Баторія, косвенно подтверждается также и тѣмъ, что Сигизмундъ былъ не прочь выдать за него свою сестру, когда онъ сталъ царемъ на Москвѣ. Если-бы онъ былъ проходимцемъ низкаго происхожденія, то, вѣроятно, Сигизмундъ удержался бы отъ этого плана по чувству брезгливости.

сидя уже на тронѣ, въ шапкѣ Мономаха, онъ приходилъ въ ярость отъ неосторожныхъ словъ польскаго посла и весь горѣлъ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Эти яркія черты не идутъ къ сознательному обманщику и проводятъ рѣзкую грань между характерами перваго и второго самозванца. Этотъ послѣдній, какъ завѣдомый воръ чужого имени, вѣчно колебался, мучился подозрѣніями и былъ лишь жалкимъ орудіемъ окружавшаго его сброда.

11.

Въ то время, когда будущій названный Димитрій переходилъ въ Польшѣ отъ одного пана къ другому, ища себѣ покровительства, и успѣлъ уже заручиться негласною поддержкою короля, слухи о его появленіи продолжали идти на Русь и становились все настойчивѣе. Въ концѣ 1603 года было перехвачено письмо Іоанна Тирфельда изъ Нарвы къ Абовскому коменданту, въ которомъ сообщалось, что у казаковъ явился сынъ царя Ивана Васильевича. Почти въ то-же время воротились въ Москву люди, отправившіеся со Степаномъ Годуновымъ въ Астрахань, по царскому дѣлу, которыхъ казаки взяли въ плѣнъ подъ Саратовомъ и нарочно отпустили сказать царю, что они скоро придутъ въ Москву съ царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Тогда Борисъ приказалъ поставить на польскомъ рубежѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого ни туда, ни оттуда. 19 іюля 1604 года, посланникъ германскаго императора, кавалеръ Логау, представлялся Борису и отъ имени своего государя просилъ его быть предусмотрительнымъ и осторожнымъ, такъ какъ принявшій имя Димитрія нашелъ уже много приверженцевъ въ

Польшѣ, готовыхъ оказать ему значительную помощь въ войнѣ [1]). Прикрывая внутреннюю тревогу наружнымъ спокойствіемъ, Борисъ поблагодарилъ императора за сосѣдскую дружбу и заявилъ, что въ Польшѣ явился какой-то обманщикъ, который ему не страшенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ составить описаніе событій, сопровождавшихъ смерть царевича Димитрія, и передалъ его послу для врученія императору. Однако Борисъ скоро понялъ, что сохранять презрительное молчаніе о самозванцѣ становилось неудобнымъ, и нужно было объяснить народу, кто принялъ на себя имя умершаго Димитрія. Несомнѣнно, что Борисъ не зналъ ничего достовѣрнаго о личности самозванца; въ противномъ случаѣ, онъ не сталъ бы тайно допрашивать мать Димитрія: живъ ея сынъ, или нѣтъ? [2]). Какъ видно, на него находило даже сомнѣніе въ смерти Димитрія. Изъ заявленія-же его боярамъ, по поводу самозванца, что это — ихнее дѣло, становится также понятнымъ, что Годуновъ не подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ польской интриги. Среди своихъ тяжелыхъ сомнѣній, онъ остановился на мысли — выдать за само-

---

[1]) Сказ. Массы, стр. 104.

[2]) Весьма замѣчателенъ отвѣтъ Маѳы: „Мнѣ говорили, сказала она, будто сына моего тайно увезли безъ моего вѣдома". Разумѣется, этотъ двусмысленный отвѣтъ былъ продиктованъ только ея злобою, ибо она не могла сомнѣваться въ смерти Димитрія. Если эта женщина могла такъ лгать въ глаза Годунову изъ желанія уязвить его, то весьма естественно допустить, что она не стѣснилась въ свое время приписать смерть Димитрія царскимъ приставамъ, своимъ завѣдомымъ врагамъ, желая погубить ихъ. Если-же допустить, что у нея дѣйствительно было сомнѣніе въ смерти сына, то это представило бы угличское событіе въ совершенно новомъ освѣщеніи.

званца Григорія Отрепьева, ушедшаго въ 1602 году за польскій рубежъ при помощи бояръ. Возможно даже допустить, что ихъ несомнѣнное участіе въ этомъ дѣлѣ подкрѣпляло предположеніе Бориса и ввело его въ грубую ошибку. И вотъ послѣдовала патріаршая грамота, въ которой оповѣщалось народу, что называющій себя Димитріемъ царевичемъ есть Гришка Отрепьевъ— бѣглый монахъ Чудова монастыря, ушедшій въ Литву вмѣстѣ съ чернецами Варлаамомъ, Мисаиломъ и Пименомъ; послѣдній дошелъ съ ними только до рубежа и теперь свидѣтельствовалъ объ этомъ передъ патріархомъ. Затѣмъ указывалось на свидѣтельство какого-то Венедикта и ярославскаго иконника Степана, которые видѣли Гришку въ Кіевѣ и знаютъ, что онъ назвался царевичемъ. Патріархъ извѣщалъ, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку за его богомерзкій умыселъ, и повелѣвалъ во всѣхъ церквахъ предавать анаѳемѣ его и всѣхъ тѣхъ, которые станутъ называть его Димитріемъ. Однако эта мѣра не произвела желаемаго воздѣйствія на народъ и не убѣдила его въ тождествѣ названнаго Димитрія съ Гришкой Отрепьевымъ. Она только затемнила вопросъ о личности перваго самозванца, прикрывъ русскимъ именемъ какого-то невѣдомаго польскаго шляхтича, и, по странной иронiи судьбы, какъ бы содѣйствовала желанію поляковъ тщательно скрыть тотъ источникъ, откуда вытекла самозванческая интрига [1]).

---

[1]) Вотъ что по этому поводу было сказано въ польскомъ сенатѣ въ 1611 году: „Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умышленіяхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ

Вслѣдъ затѣмъ Борисъ сдѣлалъ попытку дипломатическимъ путемъ добиться выдачи самозванца и послалъ въ Польшу Постника-Огарева и подъячаго Языкова съ грамотою, въ которой выражалъ королю свое удивленіе, что онъ, будучи въ мирѣ съ Москвою, даетъ помощь вору и предателю, и требовалъ его выдачи. Король Сигизмундъ далъ лживый и казуистическій отвѣтъ, полный въ то-же время злой ироніи. Онъ, допустившій къ себѣ Лжедимитрія въ мартѣ 1604 года, и давшій ему изъ собственной шкатулки 40 тысячъ злотыхъ годоваго содержанія и разрѣшеніе пользоваться содѣйствіемъ его подданныхъ, отвѣчалъ Борису, что не оказывалъ ни помощи, ни заступничества называющемуся Димитріемъ, котораго нѣтъ уже въ Польшѣ, и достать-де его теперь легче въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ въ королевскихъ владѣніяхъ

12.

Дѣйствительно, въ половинѣ октября 1604 года, самозванецъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ поляковъ и казаковъ, перешелъ русскую границу и двинулся къ Чернигову, который занялъ почти безъ боя, а вслѣдъ затѣмъ сдался ему Путивль, довольно многолюдный городъ, производившій тогда значительную торговлю. Этотъ городъ Лжедимитрій сдѣлалъ базисомъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Здѣсь находились его оружіе и съѣстные припасы, а также всѣ принадлежности временнаго управленія. Одинъ за другимъ

того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля". Эти слова Н. И. Костомаровъ поставилъ эпиграфомъ къ своему Смутному времени.

сдались ему города: Рыльскъ, Сѣвскъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, Курскъ и Карачевъ, а тамошніе служилые люди перешли къ нему на службу. Понимая, что для дальнѣйшаго движенія необходимо сначала взять Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ засѣлъ съ войскомъ царскій воевода Басмановъ, Лжедимитрій двинулся туда и въ ноябрѣ осадилъ этотъ городъ. Однако Басмановъ такъ стойко отбивался, что осада затянулась. Царское войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Мстиславскаго, между тѣмъ не спѣшило на выручку Басманова. Въ то время, какъ онъ началъ страдать отъ недостатка провіанта и дѣлалъ отчаянныя вылазки, чтобы завладѣть непріятельскимъ обозомъ, одинъ изъ московскихъ подначальныхъ воеводъ, князь Дмитрій Шуйскій, стоялъ весьма близко, у Брянска, и не думалъ идти къ нему на помощь [1]). Только въ исходѣ декабря Мстиславскій подошелъ наконецъ къ Новгороду-Сѣверскому. Прежде, чѣмъ этотъ медлительный воевода приготовился къ бою, самозванецъ быстро атаковалъ его войско и половину его обратилъ въ бѣгство: удержались только иноземные кавалеристы и лѣвое крыло; самъ Мстиславскій былъ раненъ. Такимъ образомъ геройскія усилія Басманова принесли мало пользы, между тѣмъ, какъ дѣла самозванца быстро улучшились: число перебѣжчиковъ изъ служилыхъ людей увеличилось, и жители Сѣверщины открыто стали на его сторону. Мстиславскій отступилъ къ Стародубу, гдѣ и нашелъ его посланный въ качествѣ втораго главнаго воеводы князь В. Шуйскій. Затѣмъ царское войско двинулось къ

[1]) Никон. лѣтоп., т. VIII, стр. 60.

Сѣвску. Собравъ все свое войско, Лжедимитрій напалъ на него близъ деревни Добрыничи, однако потерпѣлъ на этотъ разъ (21 января 1605 г.) рѣшительное пораженіе. Онъ потерялъ почти всю свою пѣхоту, оставивъ на мѣстѣ до 6 тысячъ убитыхъ, кромѣ плѣнныхъ [1]). Если-бы московскіе воеводы преслѣдовали его разбитое войско, оно все было бы истреблено, и самъ онъ былъ бы, вѣроятно, схваченъ [2]). Однако Мстиславскій и Шуйскій этого не сдѣлали, и самозванецъ успѣлъ уйти въ Путивль, куда изъ Польши прислали ему и людей, и денегъ; помогли также и взятые имъ русскіе города, такъ что онъ скоро оправился и снова могъ выставить хорошее войско. Между тѣмъ царская рать, не предпринимая ничего рѣшительнаго, безцѣльно двигалась съ одного мѣста на другое и къ половинѣ марта расположилась лагеремъ подъ крѣпостцой у Кромъ, стоявшей на горѣ. Лѣтомъ эта крѣпостца была почти недоступна, такъ какъ гору окружали болота, теперь замерзшія: на нихъ-то и стало московское войско. Было очевидно, что нужно непремѣнно занять эту крѣпость. Однако Мстиславскій не только этого не сдѣлалъ, но, когда одинъ изъ подначальныхъ ему иноземныхъ ротмистровъ, Ласъ Віуго, занялъ ее своимъ отрядомъ и водрузилъ знамя, онъ приказалъ ему оставить крѣпость и зажечь ее. Какъ разъ въ это время подходилъ передовой отрядъ самозванца, состоявшій изъ двухъ тысячъ пѣшихъ казаковъ. Увидя, что Кромы горятъ, а отрядъ Ласа Віуго

---

[1]) Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ, 1859 г.; Марьерстъ, I, 295.

[2]) Сказ. Массы, стр. 125.

возвращается въ лагерь, казаки съ необыкновенною ловкостію и быстротой овладѣли ими; потушили пожаръ, заняли крѣпостной ровъ, вырыли траншеи и могли обстрѣливать московскій лагерь, оставаясь неуязвимыми. Вскорѣ, благодаря перебѣжчикамъ, число ихъ возрасло до четырехъ тысячъ, и передъ этой горстью отважныхъ удальцовъ стояли Мстиславскій и Шуйскій со своими полками и равнодушно созерцали, какъ казаки, благодаря своей мѣткой стрѣльбѣ, ежедневно убивали у нихъ отъ 30 до 40 человѣкъ. Ясно, что въ московскомъ лагерѣ уже начиналась измѣна. Военачальники не только дѣйствовали вяло, но даже замѣтно поддерживали сношенія съ Лжедимитріемъ, хотя открыто перейти на его сторону еще не рѣшались.

13.

Въ то время, когда Мстиславскій и Шуйскій стояли у Кромъ, „гдѣ кучка казаковъ смѣялась имъ изъ-подъ гнилой ограды“, царь Борисъ томился и страдалъ въ Москвѣ. Онъ видѣлъ шатость главныхъ своихъ воеводъ и открытую измѣну тѣхъ, которымъ онъ довѣрялъ; въ то-же время онъ съ ужасомъ замѣчалъ всеобщее колебаніе умовъ, и передъ нимъ раскрывалась пропасть, въ которую должно было рухнуть его личное высокое положеніе и счастье любимой семьи. Подъ гнетомъ великихъ испытаній, онъ сталъ суевѣренъ и, какъ сынъ своего вѣка, желалъ, при помощи кудесниковъ и гаданій, заглянуть въ будущее, въ надеждѣ найти тамъ нѣкоторое успокоеніе своей душевной тревогѣ. Между тѣмъ, въ Москву ежедневно пріѣзжали одинъ гонецъ за другимъ, и каждый съ дурными вѣс-

тями. Одинъ говорилъ, что такой-то перешелъ на сторону самозванца; другой, что большое войско идетъ изъ Польши; третій, что всѣ царскіе начальники измѣнили.... Тогда Борисъ рѣшился испытать послѣднее средство: отозвать Мстиславскаго и Шуйскаго и ввѣрить свое войско Басманову, единственному человѣку, на котораго онъ могъ еще надѣяться. Упорная защита Новгорода-Сѣверскаго возвысила Басманова въ глазахъ царя, осыпавшаго его своими милостями; кромѣ того, онъ былъ человѣкъ худородный и потому естественно чуждъ боярскихъ традицій. Призвавъ его къ себѣ, Борисъ заклиналъ не вѣрить самозванцу и добыть его живаго или мертваго. Въ награду царь обѣщалъ выдать за него свою дочь и въ приданое за ней дать царства Казанское и Астраханское. Басмановъ поклялся или пожертвовать своею жизнію, или захватить и убить Лжедимитрія. Однако судьба была такъ жестока къ Борису, что даже этотъ искренній человѣкъ измѣнилъ ему въ душѣ, не выйдя изъ дворца. Встрѣтивъ въ передней Семена Никитича Годунова, Басмановъ разсказалъ ему объ обѣщаніяхъ царя, а тотъ, движимый завистію, замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ — не истинный ли царевичъ этотъ Димитрій? Эти слова самаго близкаго къ царю человѣка заронили глубокое сомнѣніе въ сердце Басманова и поколебали его. Однако Борису не было суждено испытать послѣднее огорченіе и пережить измѣну Басманова: прежде, чѣмъ тотъ отправился къ войску, царь скончался...

Четырехлѣтнее душевное томленіе, въ которомъ держала Бориса самозванческая интрига, подточило его организмъ. Онъ видимо изнемогалъ, но еще бодрился и принималъ участіе въ необходимыхъ дворцо-

выхъ церемоніяхъ. Въ воскресенье, 13 апрѣля 1605 г., былъ праздничный обѣдъ въ золотой палатѣ, за которымъ царь казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣда онъ поднялся на высокій дворцовый теремъ, съ котораго часто обозрѣвалъ всю Москву. Но вдругъ онъ поспѣшно сошелъ оттуда и жаловался на колотье и дурноту. Бросились за врачами и духовенствомъ. Между тѣмъ Борису становилось все хуже и хуже: у него пошла кровь изъ ушей и носа, и онъ сталъ терять сознаніе... Очевидно, его поразилъ ударъ съ кровоизліяніемъ въ мозгъ. Едва успѣли причастить царя Св. тайнъ и наскоро совершить постриженіе въ схиму, съ именемъ Боголѣпа, какъ онъ испустилъ духъ. Такъ скончался Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ на 53 году отъ рожденія, покинувъ престолъ и семью въ роковую для нихъ минуту. На слѣдующій день останки его были погребены въ Архангельскомъ соборѣ, общей усыпальницѣ московскихъ государей. Однако людская злоба преслѣдовала Бориса и за гробомъ. Не признавая при жизни права его на престолъ, бояре не хотѣли ему и мертвому дать мѣсто среди другихъ властителей Московскаго государства. Спустя два мѣсяца, когда сынъ его былъ свергнутъ съ престола и убитъ вмѣстѣ съ матерью, изъ Архангельскаго собора вынули гробъ Бориса и зарыли съ тѣлами жены и сына на „убогомъ домѣ“ [1]) близъ Варсонофіевскаго монастыря. Но и здѣсь кости Бориса не нашли еще себѣ вѣчнаго

---

[1]) Въ древней Руси убогими домами назывались особыя кладбища, на которыхъ ставились одна или нѣсколько клѣтей съ ямами, въ которыя складывались, отпѣвались и потомъ зарывались въ общую могилу тѣла людей, умершихъ внезапною смертію.

успокоенія. Воцарившійся Шуйскій, желая примириться съ прошлымъ, приказалъ въ сентябрѣ 1606 года перевезти гробы бывшаго царя, его жены и сына и похоронить въ Троицко-Сергіевѣ монастырѣ — въ трапезной паперти Успенскаго собора, начатаго Грознымъ и достроеннаго благодѣтелемъ Бориса, царемъ Ѳеодоромъ. Эта паперть была сломана въ 1781 году, а надъ могилою Годуновыхъ устроили небольшую каменную палатку. Здѣсь, противъ сѣверо-западнаго угла Успенскаго собора, покоится долгимъ сномъ вѣчности вся царственная семья Годуновыхъ [1]).

Годуновъ, выдвинувшись своими замѣчательными способностями изъ незнатнаго служилаго рода, по всенародному избранію, занялъ царскій престолъ въ такую эпоху, когда въ средѣ московскаго боярства были еще сильны родовыя традиціи и обнаруживалось стремленіе укрѣпить свое политическое положеніе,— достичь того, чтобы царь дѣлилъ власть съ боярами. И вотъ, когда на престолѣ, въ качествѣ самодержца, является незнатный чужеродецъ, родовая боярская гордость сильно возмущается, а сословныя притязанія подстрекаютъ бояръ къ недовольству, къ глухой оппозиціи: отсюда ропотъ и нареканія на представителя новой династіи. Не имѣя возможности открыто возстать противъ Годунова, бояре изощряются въ тайныхъ козняхъ: распускаютъ про него дурные слухи, обвиняютъ во всемъ, что дѣлается на Руси худаго, и всячески чернятъ пе-

---

[1]) Царевна Ксенія, въ иночествѣ Ольга, скончалась въ 1622 г.; „отходя сего свѣта“, она била челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы онъ пожаловалъ — тѣло ея велѣлъ похоронить у Живоначальныя Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, съ отцомъ ея и матерью вмѣстѣ. Желаніе царевны было исполнено. (Ак. Арх. Эксп., III, 176).

редъ народомъ. Однако ихъ коварныя усилія остаются безплодными: русскій народъ также охотно повинуется своему избраннику, какъ и прирожденнымъ государямъ, тѣмъ болѣе, что онъ правитъ имъ разумно и попечительно. Тогда къ боярамъ приходитъ помощь извнѣ, изъ Польши, откуда шепчутъ, что Годунова можно свергнуть *воскрешеннымъ* Димитріемъ. Изнывшіе въ безсильной злобѣ, бояре прилѣпляются всѣмъ сердцемъ къ этой иноземной затѣѣ... И вотъ выростаетъ могучій призракъ, воскресаетъ умершій царевичъ и привлекаетъ къ себѣ народное сердце. Передъ порывомъ народной любви и преданности къ древнему царскому роду не устоялъ тронъ Годунова: онъ пошатнулся и рухнулъ...

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, но хитросплетенія и ложь, посѣянныя боярской кривдой, все еще чернятъ память одного изъ лучшихъ правителей до-Петровской Руси. Будемъ надѣяться, что окончательный приговоръ исторіи не обвинитъ Годунова на основаніи однихъ пристрастныхъ показаній его враговъ, и тогда, быть можетъ, оправдается мнѣніе Константина Аксакова, видѣвшаго въ Борисѣ „одно изъ величавыхъ лицъ“ нашей исторіи.

III.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

1543 — 1612.

1.

Со временъ малолѣтства Грознаго, изъ московской придворной знати сталъ замѣтно выдаваться родъ князей Шуйскихъ. Составляя отрасль суздальскихъ удѣльныхъ князей, Шуйскіе происходили по прямой линіи отъ Андрея, старшаго сына Александра Невскаго, и приходились ближайшими родичами московскому царскому дому, какъ потомству Даніила Александровича — младшаго сына того-же Невскаго. По смерти великой княгини Елены, матери Грознаго (3 апрѣля 1538 г.), правителемъ государства сталъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, а затѣмъ братъ его, Иванъ Шуйскій. Спустя два года, онъ былъ свергнутъ Бѣльскимъ, но въ январѣ 1542 года самъ низвергнулъ Бѣльскаго и снова сдѣлался правителемъ. Однако по болѣзни онъ скоро удалился отъ двора, передавъ правленіе своимъ родственникамъ: Ивану и

Андрею Михайловичамъ Шуйскимъ и Ѳедору Ивановичу Скопину-Шуйскому. Не смотря на свое знатное происхожденіе, Шуйскіе были не богаты; находясь у власти, они расхищали великокняжескую казну, держали себя гордо и заносчиво и вообще сильно зазнавались. Впослѣдствіи Иванъ Грозный разсказывалъ, какъ князь Иванъ Шуйскій, приходя навѣстить его, клалъ свою ногу на постель отца государева и обращался съ нимъ „по-властелински“; какъ онъ изъ казны отца и дѣда государевыхъ набралъ серебра и золота, надѣлалъ себѣ разныхъ сосудовъ и вырѣзалъ на нихъ надписи, будто они — достояніе его родителей. „А при матери нашей, замѣчаетъ Грозный, у князя Ивана была одна кунья шуба, крытая зеленымъ мухояромъ, да и та ветха... Такъ лучше-бы ему вмѣсто того, чтобы сосуды устраивать, шубу-то перемѣнить, если было у нихъ такое богатство“ [1]). Заносчивость погубила Шуйскихъ. Будучи четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ, Грозный вознегодовалъ на нихъ за арестъ своего любимца Воронцова и приказалъ отдать князя Андрея на растерзаніе псарямъ. Вмѣстѣ съ этимъ кончилось и правленіе Шуйскихъ, которыхъ смѣнили Глинскіе. Понесшій такую лютую казнь, князь Андрей Михайловичъ Шуйскій, котораго Карамзинъ называетъ „ненавистнымъ олигархомъ“, былъ родной дѣдъ будущаго царя Василія Ивановича, родившагося въ 1543 году [2]), во время правленія государствомъ своихъ ближайшихъ родичей. Память о ихъ власти и силѣ была еще очень жива среди Шуйскихъ въ отроческіе годы князя Ва-

[1]) Русская Исторія въ жизнеоп. Костомарова, т. I, стр. 407.
[2]) Русская Старина за 1892 г., кн. 6, стр. 679.

силія и вмѣстѣ съ фамильными воспоминаніями о величіи болѣе отдаленныхъ предковъ могла укрѣплять въ немъ сознаніе знатности своего рода. Однако суровая дѣйствительность скоро нанесла сильный ударъ этимъ мечтаніямъ. Едва княжичъ Василій достигъ юношескихъ лѣтъ, какъ настала эпоха казней, и онъ съ горечью въ сердцѣ видѣлъ, какъ Грозный царь умышленно и съ вычурной жестокостью истязалъ и казнилъ самыхъ знатныхъ представителей боярства. Для спасенія головы, приходилось поступаться родовой честью, смиряться, лукавить и унижаться; дружить съ худородными любимцами царя и заискивать у окружавшихъ его „страдниковъ“. Эта тяжелая жизненная обстановка, въ которой прошла вся молодость князя Василія, наложила на него неизгладимые слѣды: она воспитала въ немъ двоедушіе и лживость, коварство и хитрость, но въ то же время пріучила его безстрашно смотрѣть въ глаза смерти и быть стойкимъ въ бѣдахъ и напастяхъ. Въ годъ смерти Грознаго князю Василію было уже 40 лѣтъ; за все это время онъ ничѣмъ не выдался изъ среды своей братьи, родовитыхъ бояръ, несъ на ряду съ ними придворную службу и исполнялъ иногда почетныя обязанности въ дворцовомъ обиходѣ. Такъ, онъ былъ дружкою со стороны жениха на послѣдней свадьбѣ Грознаго, гдѣ распредѣленіе свадебныхъ чиновъ было таково, что царь-женихъ, обладая предвѣдѣніемъ, могъ бы видѣть среди нихъ трехъ своихъ ближайшихъ преемниковъ [1]).

---

[1]) Посаженнымъ отцомъ жениха былъ царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ, а дружкою со стороны невѣсты бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

Въ первые годы правленія Бориса, при опалѣ, постигшей роднаго брата князя Василія, Андрея Ивановича, онъ не пострадалъ, хотя едва-ли былъ чуждъ замысламъ своихъ ближайшихъ родичей, желавшихъ устранить отъ власти Годунова, и при Ѳеодорѣ разыгрывать такую-же роль, какую ихъ отцы и дѣды играли въ малолѣтство Грознаго. Вѣроятно, онъ держалъ себя при этомъ такъ осторожно и являлъ Борису такіе знаки преданности, что тотъ нашелъ возможнымъ пощадить его, хотя, разумѣется, не довѣрялъ его искренности.

2.

Первымъ, исторически-важнымъ дѣломъ князя Василія былъ „углицкій обыскъ“. Когда, въ маѣ 1591 г., не стало царевича Димитрія, Годуновъ поставилъ Шуйскаго во главѣ слѣдственной комиссіи, посланной въ Угличъ. Н. И. Костомаровъ объясняетъ это назначеніе увѣренностью Бориса, что Шуйскій произведетъ слѣдствіе въ угоду ему [1]). Однако съ этимъ трудно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что Годуновъ былъ виною смерти Димитрія, то больше всего онъ долженъ былъ опасаться князя Василія, какъ человѣка изъ враждебнаго рода, который впослѣдствіи могъ очень повредить Борису, зная за нимъ такое гнусное дѣло. Напротивъ, гораздо правдоподобнѣе, что Борисъ послалъ Шуйскаго въ Угличъ съ тою цѣлію, чтобы онъ воочію убѣдился въ самоубійствѣ царевича и могъ свидѣтельствовать объ этомъ передъ своей братіей — боярами. Въ настоящее время тяготѣвшее

[1]) Русская Исторія, т. I, стр. 583.

на Борисѣ обвиненіе въ смерти Димитрія становится весьма шаткимъ, и потому мы можемъ оставить князя Василія внѣ подозрѣнія въ угодничествѣ ему и въ недобросовѣстномъ отношеніи къ слѣдственному дѣлу; тѣмъ не менѣе, угличское событіе имѣло такое-же роковое вліяніе на участь Шуйскаго, какъ и на судьбу Годунова. Ему также пришлось впослѣдствіи выдержать тяжелую борьбу съ тѣнью Димитрія и постыдно лишиться престола, а на его памяти позорнымъ пятномъ остались тѣ клятвопреступленія, связанныя со смертью царевича, къ которымъ онъ прибѣгалъ изъ желанія погубить Годуновыхъ и самому достигнуть трона. Объ этомъ онъ сталъ думать съ того времени, когда сдѣлался старшимъ представителемъ рода Шуйскихъ, и при всѣхъ перипетіяхъ своей жизни лелѣялъ эту завѣтную мечту. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ правахъ и считалъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ угасавшей съ Ѳеодоромъ династіи; также думала и поддерживавшая его боярская партія. Она видѣла въ немъ своего человѣка, желала доставить ему престолъ и, ограничивши царскую власть, надѣялась осуществить свои давнія стремленія, то-есть укрѣпить сильно пошатнувшееся политическое значеніе боярства. Въ царствованіе Ѳеодора эти надежды выросли и окрѣпли, такъ какъ было очевидно, что болѣзненный царь умретъ бездѣтнымъ. Единственнымъ препятствіемъ къ ихъ осуществленію являлся Годуновъ, стоявшій во главѣ служилой знати, которая была тогда уже довольно многочисленна и вліятельна. Приблизившись къ царю своимъ родствомъ, этотъ человѣкъ выказалъ замѣчательныя государственныя способности, пріучилъ народъ къ своей власти и пріобрѣлъ

его расположеніе. Было естественно предполагать въ немъ стремленіе къ престолу, а въ народѣ желаніе видѣть его царемъ по смерти Ѳеодора. Потому-то бояре старались заблаговременно дискредитировать Бориса, распускали про него самые дурные слухи и между прочимъ винили въ смерти Димитрія. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ ожиданіи прекращенія царскаго рода, въ Москвѣ образовались двѣ политическія партіи, и когда Ѳеодоръ умеръ, имъ пришлось помѣряться силами. Извѣстно, что партія Шуйскаго при этомъ проиграла, и царемъ былъ выбранъ Борисъ Годуновъ. По нашему мнѣнію, было бы большою ошибкою объяснять ея проигрышъ интригами Годунова; напротивъ, причины этого лежали гораздо глубже и заключались въ томъ, что политическіе принципы партіи Шуйскаго были антипатичны народу. Онъ искони не любилъ князей и боярства и не желалъ ограниченія царской власти, на которую привыкъ смотрѣть съ надеждою и довѣріемъ. Въ сущности народъ стоялъ за новую форму государственной власти, крѣпкой и единой, тогда какъ боярская партія пыталась вернуть порядки прошлаго времени и при самодержавномъ государѣ желала играть роль вліятельныхъ дружинниковъ княжескаго періода.

Горько и обидно было князю Василію Ивановичу избраніе Бориса, и онъ никогда не могъ помириться съ тѣмъ, что на престолѣ его предковъ сѣлъ потомокъ татарскаго мурзы. Однако снова, какъ при Грозномъ, ему пришлось смириться, схоронить глубоко въ душѣ завѣтныя мысли, хитрить, лукавить и кланяться Годунову. Безъ сомнѣнія, это было самое тяжелое время въ жизни князя Шуйскаго, великій искусъ, наложенный на него судьбою. Онъ такъ хорошо усвоилъ себѣ

двоедушіе, такъ привыкъ разыгрывать роль покорнаго холопа, что даже такой умный человѣкъ, какъ Годуновъ, повидимому, не подозрѣвалъ всей глубины его коварства. Въ противномъ случаѣ, онъ не послалъ-бы Шуйскаго противъ самозванца въ трудную минуту своего царствованія. Правда, главнымъ начальникомъ царскаго войска былъ князь Мстиславскій, но вѣдь Борисъ зналъ, что Василій, какъ болѣе способный и дѣятельный, будетъ руководить имъ. Какъ извѣстно, послѣ пораженія самозванца подъ Добрыничами, царскіе воеводы не преслѣдовали его разбитое войско, точно они боялись погубить претендента, дали ему возможность уйти въ Путивль и тамъ снова усилиться. Безъ сомнѣнія, такъ и было на самомъ дѣлѣ, ибо Шуйскій еще боялся открыто измѣнить Борису и въ тоже время желалъ мирволить самозванцу. Затѣмъ, когда царское войско, безцѣльно проблуждавъ по Сѣверщинѣ съ января до марта, стало бездѣйствовать у Кромъ, Борисъ понялъ шатость своихъ воеводъ, рѣшилъ отозвать ихъ и замѣнить Басмановымъ. Мстиславскій и Шуйскій вернулись въ Москву уже послѣ смерти Бориса и были дурно приняты царицей и молодымъ царемъ. Масса говоритъ [1]), что они „держали себя очень скромно“, слѣдовательно Шуйскій все еще не рѣшался снять съ себя личину смиренія и покорности предъ Годуновыми, потому что онъ не зналъ — какое направленіе дѣлу дастъ энергическій Басмановъ? Когда въ Москвѣ начало распространяться волненіе, и народъ сталъ роптать, настойчиво требуя возвращенія царицы-инокини Маѳы, отъ которой надѣялся узнать правду о Дими-

[1]) Сказаніе, стр. 139 — 140.

тріи, тогда князь Василій вышелъ на площадь, увѣрялъ народъ, что Димитрій дѣйствительно умеръ, произносилъ при этомъ страшныя клятвы и показывалъ свои руки, которыми онъ полагалъ во гробъ тѣло царевича. Затѣмъ онъ говорилъ, что человѣкъ, выдающій себя за Димитрія, разстрига, дѣйствующій по внушенію дьявола; увѣщевалъ народъ молиться Богу и быть вѣрнымъ царю Ѳедору Борисовичу.

Прошло не болѣе двухъ недѣль, и обстоятельства рѣзко измѣнились. Басмановъ съ царскимъ войскомъ перешелъ на сторону Лжедимитрія, а этотъ послѣдній шелъ уже къ Москвѣ. Было ясно, что Годуновымъ не удержаться на престолѣ. 1 іюня 1605 года въ столицу явились посланцы Лжедимитрія, Гаврило Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ, и прочитали на площади его привѣтную грамоту. Однако народъ былъ какъ-бы въ недоумѣніи и потребовалъ князя Василія. „Шуйскаго сюда! Онъ слѣдовалъ въ Угличѣ, когда царевича не стало: пусть повѣдаетъ намъ всю правду!“ Шуйскій явился и на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно увѣрялъ народъ въ смерти Димитрія, торжественно поклялся, что въ Угличѣ убитъ не царевичъ, котораго спасли, а поповъ сынъ. Горечь и озлобленіе противъ Годунова, накипѣвшіе въ душѣ князя Василія, наконецъ нашли себѣ исходъ: своимъ рѣшеніемъ вопроса о подлинности Димитрія онъ окончательно погубилъ его несчастное семейство. Вмѣстѣ съ Шуйскимъ злорадствовала и его партія, нетерпѣвшая Бориса: если ей не удалось провести въ цари своего кандидата, то и родъ всенароднаго избранника также не могъ удержаться на престолѣ! О сверженіи Годунова бояре стали думать съ самаго его воцаренія; однако всѣ ихъ умыслы

и козни были совершенно безплодны, какъ вдругъ помощь пришла къ нимъ изъ Польши, гдѣ задумали воскресить Димитрія и пустили его на Русь. Бояре ухватились за эту иноземную затѣю, видя въ самозванцѣ тотъ спасительный клинъ, которымъ можно было выбить Годунова, а затѣмъ и его выбросить за бортъ, какъ ненужный хламъ. И вотъ теперь этотъ загадочный человѣкъ стоялъ уже царскимъ станомъ въ Тулѣ.

3.

Туда и отправился князь Василій съ именитыми боярами на первый поклонъ новому царю, который принялъ ихъ сухо и попенялъ, что простой народъ скорѣе бояръ показалъ ему свою вѣрность и ранѣе ихъ отложился отъ Годуновыхъ. Что думалъ, глядя на этого человѣка, Шуйскій, лучше всѣхъ знавшій, что онъ — не сынъ Грознаго? Мы полагаемъ, что чувство ненависти, которую онъ питалъ къ Годунову, смѣнилось теперь глубокимъ презрѣніемъ, даже омерзеніемъ, къ этому проходимцу, державшему себя такъ властно и самоувѣренно: потому-то Шуйскій и рѣшилъ какъ можно скорѣе отъ него отдѣлаться. Дѣйствительно, вернувшись въ Москву, онъ сейчасъ-же воспользовался старинною фамильною связью Шуйскихъ съ московскими торговыми людьми и сталъ распространять среди нихъ слухъ, что новый царь — вовсе не Димитрій; что онъ измѣняетъ православію, нарушаетъ древніе благочестивые обычаи, хочетъ раззорить церкви и построить костелы. Объ этомъ скоро узналъ Басмановъ, вошедшій въ милость у Лжедимитрія, и напалъ на источникъ слуховъ въ лицѣ купца Ѳедора Конева съ товарищами. Тѣ сознались, что слышали все это отъ

князя Василія Ивановича, который давалъ имъ наставленіе — вооружать противъ царя народъ. Названный Димитрій не хотѣлъ самъ вершить дѣло Шуйскаго и передалъ его народному суду. Для этой цѣли былъ созванъ земскій соборъ изъ представителей всѣхъ сословій [1]), который приговорилъ Василія къ смертной казни. Совершеніе ея было назначено на 25 іюня 1605 года [2]). Въ этотъ день Шуйскаго вывели на Красную площадь, занятую восьмью стами стрѣльцовъ въ полномъ вооруженіи, подъ начальствомъ Басманова. Князь Василій шелъ на казнь съ мужествомъ и твердо сказалъ народу: „умираю за вѣру и правду!“ Когда палачъ, подведя осужденнаго къ плахѣ, хотѣлъ снять съ него рубашку, роскошно украшенную золотыми каймами и жемчугомъ, Шуйскій отстранилъ его, сказавъ, что въ ней онъ отдастъ Богу свою душу. Очевидно, онъ не чаялъ себѣ спасенія, какъ вдругъ прискакавшій изъ Кремля гонецъ объявилъ, что царь милуетъ Шуйскаго и замѣняетъ ему казнь ссылкою въ Вятку. Представляется вѣроятнымъ, что князь Василій получилъ прощеніе вслѣдствіе усиленнаго ходатайства братьевъ Бучинскихъ, изъ которыхъ Янъ былъ личнымъ секретаремъ самозванца. Масса [3]) называетъ его человѣкомъ въ высшей степени умнымъ и говоритъ, что онъ всегда совѣтовалъ своему повелителю быть великодушнымъ и ласковымъ къ боярамъ и тѣмъ упрочить свое положеніе на престолѣ. Василій былъ со-

---

[1]) В. Н. Латкинъ: Земскіе соборы, стр. 98.

[2]) Изборникъ А. Попова: 235, 270; Соловьевъ: т. VIII, 116—17.

[3]) Сказаніе, стр. 164, причемъ онъ замѣчаетъ, что Бучинскіе были нѣмцы, а не поляки.

сланъ въ Вятку со своими братьями, Дмитріемъ и Иваномъ, но оставался тамъ не болѣе полугода [1]). По настойчивымъ просьбамъ тѣхъ же Бучинскихъ, всѣ Шуйскіе были помилованы съ возвращеніемъ прежняго достоинства и вызваны въ Москву.

Неудача заговора не повліяла на рѣшимость князя Василія отдѣлаться отъ самозванца. Однако послѣ того, какъ смерть глянула ему въ очи, онъ сталъ осторожнѣе, ибо понялъ, что это не такъ легко сдѣлать, какъ ему казалось. Теперь онъ также притворно склонился предъ Лжедимитріемъ, какъ нѣкогда склонялся предъ Годуновымъ; скоро вошелъ въ милость у этого легкомысленнаго юноши и, повидимому, съумѣлъ даже стать близкимъ къ нему человѣкомъ. По крайней мѣрѣ Масса разсказываетъ [2]), что въ день прибытія въ Москву Марины Мнишекъ названный царь отправился переодѣтымъ полюбоваться на торжественный въѣздъ своей невѣсты въ сопровожденіи одного князя Василія, да слуги поляка; на свадьбѣ же его съ Мариною Шуйскій былъ тысяцкимъ [3]). Между тѣмъ въ это время новый заговоръ былъ имъ уже вполнѣ организованъ. Главными участниками его были, конечно, естественные союзники Шуйскаго — бояре, изъ которыхъ наиболѣе выдавались: князь Василій Голицынъ и Михаилъ Татищевъ. Къ нимъ примыкало большинство торговыхъ людей и незначительное число служилыхъ. Простой же народъ въ Москвѣ оставался совершенно чуждъ заговору, такъ какъ не имѣлъ причины быть недовольнымъ

---

[1]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. 16, стр. 31.

[2]) Сказаніе, стр. 184.

[3]) Карамзинъ, т. XI, стр. 223.

своимъ молодымъ царемъ; купцы-же, напротивъ, очень тяготились польскимъ постоемъ и возмущались дебоширствами поляковъ, а служилые были недовольны тѣмъ предпочтеніемъ, какое Лжедимитрій оказывалъ иноземцамъ. За всѣмъ тѣмъ, число заговорщиковъ было ничтожно, и ихъ легко было уничтожить, если бы носившій имя Димитрія не отличался тѣмъ удивительнымъ легкомысліемъ, какимъ можетъ обладать только истый полякъ. Именно вслѣдствіе своей малочисленности, заговорщики рѣшили натравить народъ на поляковъ именемъ царя, чтобы они не явились къ нему на помощь [1]), и воспользоваться даже преступниками изъ московскихъ тюремъ. Въ то же время Шуйскій нашелъ нужнымъ и возможнымъ, наканунѣ роковаго дня, уменьшить дворцовый караулъ, оставивъ изъ сотни нѣмецкихъ алебардщиковъ только тридцать человѣкъ

Въ два часа утра 17 мая 1606 г., въ Москвѣ, на Ильинкѣ, ударили въ набатъ, а затѣмъ зазвонили и въ другихъ церквахъ. Въ то время, какъ народъ со всѣхъ концовъ города началъ сбѣгаться на Красную площадь, здѣсь появился князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ толпою заговорщиковъ около двухъсотъ человѣкъ, вооруженныхъ топорами, бердышами, копьями, мечами и рогатинами. Самъ онъ ѣхалъ верхомъ на бѣломъ конѣ; въ одной рукѣ у него былъ крестъ, въ другой — мечъ. „Литва хочетъ убить царя, не пускайте ее въ Кремль“,— кричалъ онъ народу,— „идите бить Литву!“ То же кричали и разосланные имъ по всѣмъ улицамъ бирючи, такъ что вѣсть эта

[1]) Сказ. Массы, стр. 200.

быстро облетѣла всю Москву и воспламенила народъ. Онъ съ яростными криками бросился въ тѣ улицы, гдѣ стояли поляки, замыкалъ ихъ рогатками или заваливалъ бревнами, чтобы преградить возможность бѣгства, и врывался въ дома, отмѣченные наканунѣ по приказанію Шуйскаго. Защищавшіеся были безпощадно избиваемы; тѣхъ, которые допускали себя грабить, иногда щадили, но такъ обирали, что у нихъ не оставалось даже и рубашки. Возстаніе было поголовное. Масса [1]), какъ очевидецъ, разсказываетъ, что всѣ, даже подростки, бѣжали съ луками и стрѣлами, съ ружьями, топорами, саблями, копьями и палками, крича: „бейте поляковъ!“ Когда народъ разсыпался по Москвѣ, Шуйскій съ ближайшими пособниками въѣхалъ въ Кремль и направился ко дворцу. Было очевидно, что названнаго Димитрія защищать теперь некому. Дѣйствительно, тридцать караульныхъ алебардщиковъ стали было у наружнаго входа во дворецъ, но скоро увидѣли, что они не въ силахъ сопротивляться, и пропустили толпу въ дворцовыя сѣни. Басмановъ, пытавшійся уговорить бояръ, былъ убитъ, а Лжедимитрій бѣжалъ во внутреннія комнаты и рѣшился выскочить въ окно, чтобы спуститься по лѣсамъ, приготовленнымъ для иллюминаціи, и искать защиты въ средѣ народа. Извѣстно, что эта попытка была неудачна: онъ поскользнулся, упалъ, зашибъ себѣ голову и грудь и скоро былъ убитъ заговорщиками. Тогда Шуйскій сейчасъ же послалъ бояръ увѣщевать народъ прекратить грабежи и убійства; однако съ большимъ трудомъ удалось остановить кровопролитіе и всякія неистовства

[1]) Сказаніе, стр. 197.

Въ одномъ домѣ, на Покровкѣ, поляки упорно защищались и тѣмъ подзадоривали расходившихся москвичей. Сюда пріѣхалъ самъ Шуйскій и убѣждалъ поляковъ сидѣть смирно, дабы тѣмъ прекратить волненіе народа. Тѣ потребовали отъ Шуйскаго клятвы и выслали подъ ворота одного изъ своихъ для переговоровъ. Князь Василій, обнявъ и поцѣловавъ посланнаго, поклялся, что имъ ничего дурнаго не сдѣлаютъ [1]). Наконецъ, послѣ полудня, народное волненіе затихло. Вездѣ разставили караулы, и въ Москвѣ воцарилась тишина. Оказалось, что было убито около четырехъ сотъ поляковъ, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ пановъ. Однако всѣ члены польскаго посольства, воевода Сендомірскій съ сыномъ и братьями, Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, а также братья Бучинскіе и большинство знатныхъ пановъ остались цѣлы и невредимы, благодаря тщательной ихъ охранѣ, приставленной Шуйскимъ.

Такъ кончился этотъ удачный для князя Василія день. Московскій престолъ былъ снова свободенъ и снова возбуждалъ въ немъ надежду обладать имъ. Теперь Шуйскій былъ уже почти увѣренъ, что наконецъ достигъ завѣтной цѣли и не сегодня—завтра вступитъ на престолъ своихъ родичей и предковъ.

4.

Послѣ кроваваго дня 17 мая, народъ въ Москвѣ находился въ замѣтномъ смущеніи. Проявляя въ этотъ день худшія стороны своей природы, предаваясь пьянству и грабежу и совершая убійства, онъ тѣмъ

[1]) Сказ. Массы, стр. 203.

не менѣе сознавалъ, что избиваетъ ляховъ для защиты царя... И вдругъ оказалось, что этотъ царь все-таки былъ убитъ и притомъ не поляками, а своими—русскими боярами. Народъ молчалъ въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи, хотя и понималъ, что съ нимъ сыграли злую шутку, что его подвели. Эта мысль мало-по-малу овладѣвала умами и поселяла въ народѣ смутное недовольство противъ Шуйскаго. Его не обвиняли прямо, но сознавали, что онъ позволяетъ себѣ злоупотреблять народнымъ довѣріемъ и гнетъ туда, куда ему нужно. Народъ скоро почуялъ въ немъ ту ложь, которою было проникнуто все его существо, и тогда же отвернулся отъ него. Увлеченный своимъ стойкимъ стремленіемъ къ завѣтной цѣли, князь Василій или не замѣчалъ этого, или такъ низко смотрѣлъ на народъ, что не придавалъ значенія его симпатіямъ и антипатіямъ. Будущее показало, что онъ жестоко ошибался. Пятная себя клятвопреступленіемъ, онъ самъ помогъ разрости въ народѣ той лжи и тому легковѣрному шатанію умовъ, съ которыми долженъ былъ бороться съ первыхъ дней своего царствованія, и которыя сразу вплели въ его царскій вѣнецъ острые терновые шипы.

19 мая на Красной площади собрались бояре, служилые люди и духовенство для совѣта объ избраніи патріарха [1]), и сошлась толпа москвичей всякаго чина и званія [2]). Предполагалось, что новоизбранный

---

[1]) При самозванцѣ, на мѣсто сведеннаго Іова былъ поставленъ патріархомъ рязанскій архіепископъ, грекъ Игнатій, который послѣ убійства Лжедимитрія былъ лишенъ своего сана, какъ ставленникъ и завѣдомый угодникъ незаконнаго царя.

[2]) Г. Латкинъ называетъ это собраніе народіей на земскій избирательный соборъ. („Земскіе соборы“, стр. 99).

первосвятитель временно станетъ во главѣ правленія и созоветъ земскій соборъ для выбора царя. Это было такъ естественно, что повидимому не могло возбудить пререканій; однако Шуйскій и его ближайшіе сторонники вовсе не желали такого направленія дѣла. Они опасались, что земскій соборъ изберетъ въ цари другое лицо, минуя князя Василія, и тѣмъ разстроитъ всѣ ихъ мечты и планы. И вотъ, когда нѣкоторые изъ служилыхъ людей заговорили о выборѣ патріарха знатнѣйшіе бояре и сторонники Шуйскаго изъ собравшейся толпы закричали, что царь нужнѣе патріарха [1]), и что царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Въ отвѣтъ послышались голоса, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ разослать во всѣ города грамоты, чтобы съѣхались выборные люди для избранія царя. Однако бояре настояли, что этого не нужно, и тотчасъ-же повели Василія Ивановича въ Успенскій соборъ. Очевидно, между ними все уже было заранѣе улажено, и Шуйскій первый далъ присягу управлять во всемъ согласно боярскимъ приговорамъ; никого не казнить смертію и не отымать на себя имѣній осужденныхъ безъ воли бояръ. Позднѣе эти условія были точно формулированы въ ограничительной записи, взятой боярами съ Шуйскаго [2]). За-

---

[1]) Послѣ избранія и коронаціи Шуйскаго, на патріаршій престолъ былъ поставленъ казанскій митрополитъ Гермогенъ.

[2]) Собр. государств. грам. и догов., т. II, № 141, стр. 299: „... И поволилъ есми азъ, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи, цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, *не осудя истиннымъ судомъ съ боляры своими,* смерти не предати, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ

тѣмъ они присягнули ему въ вѣрности, и князь Василій сталъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Русіи, помимо всенароднаго избранія.

Новому государю шелъ уже 63-й годъ, слѣдовательно лучшія лѣта жизни были уже прожиты и лучшія силы утрачены. Въ его наружности не было ничего импонирующаго: низкаго роста, полный, нѣсколько сутуловатый старичекъ съ рѣдкою бородкою, горбатымъ носомъ и красноватыми больными глазами, онъ даже въ царскомъ облаченіи казался далеко не представительнымъ. Однако извѣстно, что наружность часто бываетъ обманчива, и подъ непривлекательною внѣшнею оболочкою иногда скрываются замѣчательныя духовныя силы, вполнѣ искупающія недостатокъ внѣшней представительности. Къ сожалѣнію, у царя Василія не было этой искупающей духовной доблести. Онъ былъ не глупъ и даже выдавался изъ современной ему боярской среды своимъ умомъ и грамотностію и въ тоже время былъ самымъ типичнымъ ея представителемъ. Въ его личности вполнѣ олицетворялись тѣ застывшія формы древне-русской жизни, которыя сложились подъ вліяніемъ азіатчины: рьяная приверженность къ установившимся обычаямъ, боязнь всякаго

ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ людей, хоти который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ, и лавокъ, и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное хрестьянство безвинно не гибло"...—Приводимъ этотъ отрывокъ въ доказательство того, что власть Шуйскаго ограничивалась именно боярами, а не земскимъ соборомъ.

новшества и глубокая ненависть ко всему иноземному. Все это совмѣщалось въ немъ съ родовой гордостью и симпатіями къ тѣмъ формамъ государственной жизни, которыя господствовали на Руси до установленія московскаго единодержавія. Его политико-общественные идеалы лежали далеко въ минувшемъ, и потому, давая боярамъ ограничительную запись, онъ думалъ, что возвращается лишь къ старымъ завѣтамъ Рюриковичей, судившихъ и рядившихъ Русскую землю съ думцами-боярами. Какъ человѣкъ, Шуйскій былъ лживъ и коваренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливъ и до того настойчивъ, что могъ безбоязненно лгать предъ крестомъ и евангеліемъ, если это вело его къ задуманной цѣли. Въ то-же время онъ отличался скупостью, былъ завистливъ и крайне подозрителенъ. Въ немъ не было хорошихъ сторонъ Годунова. Авторъ „Временника“ [1]) относится къ нему сурово: „нечестивъ бо всяко и скотолѣпенъ, царствова во блудѣ и пролитіи неповинныхъ кровей, къ симъ-же и во вражбахъ богомерзкихъ, ими же мня ся во царствіи утвердити“. Пока онъ былъ только княземъ Шуйскимъ, исподтишка стремившимся къ престолу, его непривлекательныя личныя качества замѣчались окружающими, но не бросались такъ рѣзко въ глаза, какъ съ высоты престола, когда онѣ стали всѣмъ ясно видимы, и ни въ какомъ случаѣ не могли пріобрѣсти ему любовь подданныхъ.

5.

Вслѣдъ за воцареніемъ, Шуйскій поспѣшилъ разослать во всѣ города окружную грамоту, извѣщав-

[1]) Дьякъ Иванъ Тимофеевъ. (XIII т. Рус. Ист. Библіотеки см. выше).

шую о вступленіи его на престолъ „по приговору всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“. Мы видѣли, какъ совершилось его избраніе, и знаемъ, что онъ былъ выбранъ не только безъ согласія всей Русской земли, но даже безъ вѣдома всѣхъ жителей Москвы: „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ, безъ общаго всея Русіи градовъ людцкаго совѣта себѣ составльша, но самоизвольна“, говоритъ современникъ [1]). Въ виду этого, мы имѣемъ полное основаніе сказать, что Шуйскій началъ свое царствованіе завѣдомой ложью. Одновременно съ его грамотой, была разослана также грамота отъ имени царицы-инокини Маѳы, въ которой она извѣщала, что ея сынъ убитъ въ Угличѣ, а она признала самозванца сыномъ по неволѣ, потому что онъ грозилъ ей и всѣму роду ея смертнымъ убійствомъ. За всѣмъ тѣмъ, Шуйскій долженъ былъ сознавать, что нелегко сразу убѣдить народъ въ ложности того, что онъ и царица Маѳа еще такъ недавно выдавали за истину. Вѣдь не могъ-же онъ забыть своей клятвы на лобномъ мѣстѣ въ томъ, что царевичъ спасся въ Угличѣ отъ смерти, а также трогательной встрѣчи царицы Маѳы съ сыномъ у села Тайнинскаго—на глазахъ всего народа?.. Въ самомъ дѣлѣ, это были весьма торжественные акты, которые произвели въ свое время сильное впечатлѣніе на народъ. И потому Шуйскій очень естественно пришелъ къ убѣжденію, что только такой-же всенародный и торжественный актъ можетъ возстановить пошатнувшееся довѣріе народа и убѣдить его въ смерти истиннаго царевича.

---

[1]) Дьякъ Тимофеевъ. О томъ же см.: Лѣтопись о мятежахъ, стр. 102; Никон. лѣтоп., т. VIII, № 120, стр. 75.

И вотъ онъ рѣшилъ канонизировать Димитрія въ качествѣ мученика, пріявшаго смерть отъ руки убійцы въ ранній, безгрѣшный періодъ своей жизни, и торжественно перенести его тѣло въ Москву. Въ концѣ того-же, обильнаго событіями, мая за нимъ были посланы въ Угличъ: митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ [1]), Григорій и Андрей Нагіе, князь Воротынскій и бояринъ Шереметевъ. Между тѣмъ царь Василій поспѣшилъ короноваться, чтобы тѣмъ достойнѣе встрѣтить мощи царевича въ качествѣ помазанника Божія. 1-го іюня совершилось его вѣнчаніе на царство, а 3-го іюня прибыла процессія съ тѣломъ Димитрія. Царь, инокиня Марѳа, бояре и духовенство съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи громадной толпы народа, встрѣтили его за городомъ. Мощи царевича лежали на носилкахъ, положенныхъ на колесницу. Василій самъ „совлекъ съ нихъ царскую червленую багряницу и цѣловалъ святаго любезно“ [2]), а бояре, старая царица и архіереи громко восклицали: „нынѣ видимъ мы истиннаго юнаго царевича Димитрія, убитаго въ Угличѣ! По волѣ Божіей, онъ такъ свѣжъ, какъ будто только что положенъ во гробъ“. Умиленный народъ сталъ благодарить Бога и молиться новому святому; затѣмъ мощи были снова покрыты, и къ нимъ никого не допускали, кромѣ знатнѣйшихъ

---

[1]) Возвращенный Лжедимитріемъ изъ своего заключенія въ Сійскомъ монастырѣ, онъ былъ тогда-же посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго.

[2]) „Повѣсть о обрѣтеніи и пренесеніи честныхъ и многочудесныхъ мощей благовѣрнаго царевича Димитрія отъ града Углича въ Москву“. (Пов. и Сказ. о Смутн. вр., Платонова, стр. 45).

*

бояръ и епископовъ [1]). На раменахъ самаго царя [2]), подъ звонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ, мощи были внесены въ Москву и поставлены въ Архангельскомъ соборѣ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала царская грамота, въ которой народу извѣщалось о явленіи новаго святого; еще разъ указывалось на всенародное раскаяніе царицы Маріы въ томъ, что она по неволѣ признавала самозванца своимъ сыномъ, а смерть царевича въ первый разъ была прямо приписана Годунову. Весьма замѣчательно, что это оффиціальное и категорическое обвиненіе совпало съ канонизаціей Димитрія, и что при этомъ именно случаѣ царь Борисъ былъ впервые выставленъ виновникомъ его мученической смерти.

Однако ни царскія грамоты, ни перенесеніе мощей царевича [3]) не могли искоренить въ народѣ вѣры въ двукратное спасеніе Димитрія. Настроеніе народа продолжало быть тревожнымъ и въ самой Москвѣ происходили волненія, а въ августѣ 1606 г. на югѣ началось открытое движеніе въ пользу Димитрія. Здѣсь разошелся слухъ, что онъ спасся въ Москвѣ отъ смерти и снова бѣжалъ въ Польшу. Путивльскій воевода, князь

---

[1]) Сказ. Массы, стр. 230; онъ повѣствуетъ о встрѣчѣ мощей, какъ очевидецъ.

[2]) Карамзинъ, т. XII, стр. 12 (изд. Суворина).

[3]) Масса (стр. 229 Сказ.) и Бэръ (Буссовъ),— Сказ. соврем. о Дмитріи Самозв., т. I, стр. 78,— передаютъ такіе слухи, ходившіе въ Москвѣ по поводу открытія мощей: „Прежде, чѣмъ открывать ихъ, въ могилѣ царевича зарыли другаго ребенка, десятилѣтняго поповскаго сына, котораго велѣно было вырыть изъ могилы, явить народу и привезти въ Москву“. Маржеретъ сообщаетъ, что „царя хотѣли побить каменьями, когда онъ вышелъ на встрѣчу гробу“. (Сказ. соврем., т. I, стр. 308).

Григорій Шаховскій, торжественно сообщилъ объ этомъ жителямъ своего города и далъ первый толчекъ къ возстанію въ Сѣверщинѣ. Въ ожиданіи вторичнаго появленія Димитрія, всѣ земли и города, перешедшіе къ нему при первомъ его появленіи во время Бориса, теперь не хотѣли подчиняться Шуйскому, убивали его гонцовъ, сжигали царскія грамоты, самого царя обзывали измѣнникомъ и грозили мстить ему за попытку убить прирожденнаго царя [1]). Скоро это народное движеніе нашло себѣ отважнаго руководителя въ лицѣ Ивана Исаева Болотникова. По рожденію этотъ человѣкъ принадлежалъ къ числу холоповъ князя Телятевскаго; въ дѣтствѣ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ въ Турцію, освобожденъ венеціанцами; жилъ нѣкоторое время въ Венгріи; затѣмъ перешелъ въ Польшу и здѣсь судьба столкнула его съ Молчановымъ, бѣжавшимъ изъ Москвы послѣ убійства Лжедимитрія. Этотъ человѣкъ былъ близокъ къ названному царю, а по характеру — отчаянный проходимецъ. Онъ сталъ выдавать себя Болотникову, никогда невидавшему перваго самозванца, за Димитрія и успѣлъ увѣрить его въ этомъ; нарекъ главнымъ воеводой и велѣлъ идти на Русь поднимать его именемъ народъ. Явившись въ Сѣверщинѣ, Болотниковъ разгласилъ, что самолично видѣлъ Димитрія, и сталъ дѣйствовать въ полной увѣренности, что защищаетъ законнаго царя. Потакая инстинктамъ массы, онъ въ своихъ грамотахъ возбуждалъ холоповъ противъ бояръ и возстановлялъ бѣдныхъ и худородныхъ противъ воеводъ и богачей. Мятежное движеніе быстро разросталось и, подвигаясь

[1]) Сказаніе Массы, стр. 219.

съ юга къ Москвѣ, захватило Тулу, Калугу и Владиміръ; распространилось по нижней Волгѣ и откинулось даже въ Пермскую землю. Вѣрными Шуйскому остались только сѣверныя области, да на западѣ Новгородъ и Псковъ, а на востокѣ Казань и Нижній. Къ Болотникову стекались массы народа, и въ томъ числѣ пришли ратные люди съ Истомою Пашковымъ во главѣ, собранные Лжедимитріемъ у Ельца для предполагавшейся войны съ Турціей и нехотѣвшіе служить Шуйскому. Все это скопище двинулось къ столицѣ и въ октябрѣ 1606 года расположилось лагеремъ подъ селомъ Коломенскимъ [1]). Въ Москвѣ усиленно готовились къ оборонѣ и тотчасъ-же поставили орудія на стѣны, а внѣ города укрѣпленный обозъ; сдѣлали перепись всѣмъ, находившимся въ столицѣ, молодымъ людямъ старше 16 лѣтъ, для отправленія ихъ противъ непріятеля, и во всѣ вѣрные города послали требованіе о помощи. Москвичи вторично цѣловали крестъ царю Василію въ томъ, что будутъ стоять за него, за своихъ женъ и дѣтей [2]). Между тѣмъ въ лагерѣ Болотникова началась рознь, происходившая главнымъ образомъ оттого, что тотъ, чьимъ именемъ были подняты народныя массы, то-есть Димитрій, не являлся. Поэтому многіе стали сомнѣваться въ его спасеніи и уходили по домамъ. Въ то-же время дворяне и дѣти боярскіе были недовольны господствовавшимъ въ станѣ Болотникова демократическимъ равенствомъ и начали склоняться къ Шуйскому. Такъ поступили между прочимъ братья Захаръ и Прокопій Ляпуновы, видные и

---

[1]) Арцыбашевъ: V, 153.

[2]) Сказ. Массы, стр. 225.

вліятельные дворяне Рязанской земли. Тѣмъ не менѣе, Болотниковъ 26 ноября сдѣлалъ приступъ къ столицѣ, но былъ отбитъ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ, который вслѣдъ затѣмъ ударилъ на Коломенское и заставилъ Болотникова бѣжать отъ Москвы. Онъ ушелъ въ Калугу.

Хотя на этотъ разъ Шуйскій избавился отъ грозившей ему бѣды, однако онъ понималъ опасное для своей власти настроеніе народа. Онъ ясно видѣлъ, что смута не только не унимается, но, напротивъ, усиливается, и возбужденныя массы ждутъ только появленія Димитрія, чтобы стать подъ его знамя. Царю Василію стало казаться, что такое умопомраченіе русскаго народа происходитъ не спроста, что оно ниспослано Богомъ за какой-нибудь тяжкій всенародный грѣхъ... И онъ вспомнилъ, что надъ его подданными тяготѣетъ клятва, наложенная патріархомъ Іовомъ за измѣну царю Борису. По совѣту съ патріархомъ Гермогеномъ, Василій пригласилъ въ Москву низведеннаго Іова, и тотъ, 20 февраля 1607 года, разрѣшилъ народъ отъ этой клятвы. Суевѣрный Шуйскій желалъ примирить съ Богомъ русскій народъ, забывая, что такое примиреніе гораздо нужнѣе ему самому, чѣмъ народу, у котораго онъ своими лживыми клятвами возмутилъ умъ и совѣсть. Подкапываясь подъ Годунова, губя его семью и убивая названнаго Димитрія, онъ руководился правиломъ, что цѣль оправдываетъ средства, и надѣялся, что какъ только онъ самъ достигнетъ престола, то всѣ смуты сейчасъ же улягутся и „древняя отрасль пречестнаго корене“ будетъ царствовать въ мирѣ и спокойствіи. Эти надежды оказались несбыточными, и Шуйскому по истинѣ пришлось пожинать то, что онъ самъ-же посѣялъ.

Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ 1607 года царское войско безуспѣшно осаждало Калугу, гдѣ засѣлъ и укрѣпился Болотниковъ. Не надѣясь взять городъ приступомъ, московскіе воеводы устроили вокругъ Калуги высокій валъ или приметъ изъ деревьевъ и хвороста, съ тѣмъ, чтобы зажечь его, когда вѣтеръ будетъ дуть къ городу, и такимъ образомъ погубить осажденныхъ. Но послѣдніе стали подводить подкопы подъ приметъ и взрывать его по частямъ, а также поджигать, когда вѣтеръ дулъ въ сторону московскаго лагеря. Раннею весною осажденные сдѣлали общую вылазку, напали на москвичей и обратили ихъ въ бѣгство, а лагерь зажгли [1]). Вслѣдъ затѣмъ Болотниковъ двинулся къ Тулѣ, гдѣ примкнулъ къ нему съ ватагою волжскихъ казаковъ самозванецъ Лжепетръ, выдававшій себя за небывалаго сына царя Ѳеодора Ивановича. Тогда Шуйскій, лично предводительствуя ратью, осадилъ ихъ обоихъ въ Тулѣ. Осажденные стойко отбивались. По совѣту сына боярскаго Сумина-Кравкова, москвичи запрудили рѣку Упу и затопили Тулу. Тогда Болотниковъ и Лжепетръ должны были сдаться. Первому изъ нихъ Шуйскій ранѣе обѣщалъ пощаду; однако теперь приказалъ выколоть глаза и утопить, а втораго повѣсить; простыхъ-же плѣнниковъ изъ ихъ скопища цѣлыми сотнями бросали въ воду. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что утопленіе, или — какъ тогда говорили — „сажаніе въ воду“ было любимою казнью Шуйскаго, которую онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ видамъ казни и практиковалъ ее во все свое царствованіе. Масса разсказываетъ, что въ это время каждую весну

---

[1]) Сказ. Массы, стр. 237 и 244.

рѣка Москва вмѣстѣ со льдомъ выбрасывала на берега массу труповъ. Покрытые раками и червями, точившими ихъ до костей, лежали они цѣлыми тысячами и гнили [1]).

6.

Тула была освобождена отъ Болотникова 10 октября 1607 года [2]), а 12 октября прибыли въ Москву польскіе послы — князь Друцкій-Соколинскій и Витовскій [3]). Необходимо сказать, что послѣ убійства Лжедимитрія и избіенія поляковъ, Шуйскій счелъ за лучшее задержать, въ видѣ заложниковъ, тогдашнихъ польскихъ пословъ, Олесницкаго и Гонсѣвскаго, и всѣхъ знатныхъ гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, а въ Польшу отправить своихъ пословъ, чтобы развѣдать, какъ отнесутся король и паны къ событію 17 мая 1606 года? Вслѣдствіе этого, воеводу Сендомірскаго съ Мариною, съ сыномъ и зятемъ и дворянами ихъ свиты выслали въ Ярославль, гдѣ содержали подъ крѣпкою стражею [4]); Бучинскихъ отправили въ Пустозерскъ, Домарацкаго въ Тотьму, Казановскаго въ Устюгъ; остальныхъ въ Бѣлозерскъ, Ростовъ и Тверь; Олесницкій и Гонсѣвскій оставлены въ Москвѣ подъ стражею. Въ Польшу Василій отправилъ (11 іюня 1606 г.) князя Григорія Волконскаго и дьяка Андрея Иванова. Тамъ этимъ посламъ трижды отказывали въ аудіенціи. Наконецъ, сенатъ призналъ полезнымъ ихъ выслушать.

---

[1]) Сказ. Массы, стр. 249 — 250.

[2]) Арцыбашевъ: V, 922.

[3]) Чт. въ общ. ист. и древн. за 1861 г., кн. 1, отд. II, стр. 85.

[4]) Чтен. въ общ. ист. и древн. за 1866 г., кн. 2, стр. 240. (Извѣстіе Петрея).

Въ отвѣтъ на ихъ объясненія относительно убійства самозваннаго царя, посыпались упреки со стороны пановъ въ нарушеніи мирнаго договора, въ убійствѣ ни въ чемъ неповинныхъ королевскихъ подданныхъ, пріѣхавшихъ въ Москву въ качествѣ гостей, и, наконецъ, въ задержаніи королевскихъ пословъ вопреки всякаго международнаго права. Однако паны не грозили войною, и для дальнѣйшихъ переговоровъ король отправилъ къ Василію вышеназванныхъ пословъ. Хотя Друцкій-Соколинскій и Витовскій держали себя довольно надменно, настойчиво повторяли обвиненія, высказанныя въ Польшѣ князю Волконскому, и грозили мщеніемъ короля, однако Шуйскій скоро понялъ, что при небольшихъ уступкахъ съ его стороны Сигизмундъ не пойдетъ на него войною. Дѣйствительно, король и паны не спѣшили воевать съ Москвою, зная, что противъ Василія скоро выступитъ второй самозванецъ. Въ виду этого, они находили удобнымъ повременить объявленіемъ войны до тѣхъ поръ, когда власть Шуйскаго будетъ значительно расшатана. Начались переговоры о мирѣ и затянулись до слѣдующаго года.

Пользуясь временнымъ затишьемъ, царь Василій рѣшилъ жениться на княжнѣ Маріи Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою былъ обрученъ еще въ царствованіе Лжедимитрія. Обрядолюбивые московскіе бояре находили, что царю гораздо пристойнѣе жить съ законною супругою; быть-можетъ, и самъ Шуйскій думалъ, что народъ будетъ вѣрнѣе служить ему, если онъ вступитъ въ бракъ и будетъ имѣть наслѣдниковъ. свадьба была отпразднована 17 января 1608 года [1]) въ

[1]) По чину вѣнчанія: Древн. Вивл., XIII, 122.

новыхъ царскихъ хоромахъ, устроенныхъ для себя Василіемъ [1]), такъ какъ онъ не хотѣлъ жить ни въ старомъ царскомъ дворцѣ, полномъ такихъ мрачныхъ воспоминаній, ни въ опальномъ дворцѣ названнаго Димитрія, гдѣ боялся, по словамъ Массы [2]), дьявольскаго навожденія и злыхъ сновидѣній. Однако недолго привелось новобрачному царю наслаждаться покоемъ: еще въ августѣ 1607 года въ Сѣверской землѣ, въ Стародубѣ, объявился, наконецъ, давно ожидаемый народомъ Димитрій. Происхожденіе его, какъ и перваго самозванца, остается загадочнымъ [3]), но въ ихъ характерахъ была большая разница. Во второмъ Лжедимитріи вовсе не было ни подкупающей самоувѣренности, ни внѣшней культурности перваго; какъ завѣдомый воръ чужого имени, онъ вѣчно колебался, мучился подозрѣніями и былъ довольно жалкимъ орудіемъ окружавшаго его польскаго сброда, а подъ конецъ своей карьеры сталъ предаваться безпробудному пьянству. Тѣмъ не менѣе, перезимовавъ въ Орлѣ, онъ весною 1608 года, съ польскою вольницею подъ начальствомъ Рожинскаго и казацкою голытьбою двинулся къ Москвѣ. Не смотря на то, что князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ выказалъ замѣчательныя военныя дарованія при отраженіи Болотникова, царь Василій не далъ ему начальства надъ войскомъ, посланнымъ противъ самозванца. Онъ видимо не довѣрялъ князю Михаилу и потому назначилъ воеводою своего неспособнаго брата Димитрія, который въ пер-

[1]) И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ русск. царей, I, 53.

[2]) Сказаніе, стр. 239.

[3]) По Карамзину, онъ былъ „сынъ поповскій Матвѣй Веревкинъ“. (Т. XII, стр. 53).

вой-же стычкѣ подъ Болховымъ былъ разбитъ и постыдно бѣжалъ въ Москву (13 апрѣля). Тогда дѣла самозванца пошли весьма успѣшно: царскіе ратные люди перебѣгали къ нему; города одинъ за другимъ принимали его сторону и давали подмогу и съѣстные припасы. Въ началѣ іюня [1]) онъ подошелъ къ Москвѣ и сталъ въ двѣнадцати верстахъ отъ нея — подъ селомъ Тушинымъ. Изъ окрестныхъ деревень стали свозить сюда лѣсъ и строить дома и хижины, такъ что скоро лагерь самозванца сталъ походить на огромное предмѣстье города.

Въ виду этой новой грозы, царь Василій поспѣшилъ закончить переговоры съ польскими послами, начатые въ октябрѣ 1607 года. Въ іюлѣ 1608 года было заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ, по которому Польша обязалась не поддерживать самозванцевъ, а Шуйскій отпускалъ всѣхъ задержанныхъ поляковъ съ тѣмъ, чтобы они не пристава-ли къ тушинцамъ, и Марина не называла-бы себя царицей. Вслѣдъ затѣмъ Мнишекъ съ дочерью, подъ охраною тысячи ратныхъ людей, были отправлены изъ Ярославля кружною дорогою на Тверь и Бѣлую, чтобы провезти ихъ подалѣе отъ Тушинскаго табора. Однако Мнишекъ далъ туда знать; 16 августа ихъ перехватили подъ деревней Любеницами, близъ польской границы, и привезли въ Тушино. Марина, увлекаемая честолюбіемъ, признала самозванца своимъ мужемъ, и это еще болѣе убѣдило народъ въ тождествѣ его съ первымъ Димитріемъ. Мы уже знаемъ, что при появленіи самозванца всѣ южные города встали за него;

[1]) Соловьевъ, т. VIII, стр. 205.

исключеніе составляла одна Рязань, удержанная въ повиновеніи Шуйскому вліяніемъ Ляпуновыхъ. Теперь приняли его сторону важнѣйшіе около-московные города: Тверь съ ея пригородами — Торжкомъ, Кашинымъ и Бѣжецкимъ Верхомъ; Владиміръ, Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, Шуя и Гороховецъ; Ярославль, Ростовъ, Угличъ и Романовъ; далѣе на сѣверъ — Вологда и Бѣлозерскъ, а на западѣ — Псковъ съ пригородами и пограничные города Иванъ-городъ и Орѣшекъ. Такимъ образомъ за Шуйскимъ оставались: крайній сѣверъ, Новгородъ, Смоленскъ, Рязанская земля, Казань и Нижній. Не говоря уже о томъ, что эти мѣстности составляли лишь незначительную часть Московскаго государства, онѣ и въ стратегическомъ отношеніи были расположены крайне невыгодно для царя Василія, отдѣляясь отъ Москвы областями, охваченными мятежнымъ движеніемъ. Въ такихъ, крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился просить помощи у шведскаго короля Карла IX и отправилъ въ Новгородъ, для переговоровъ объ этомъ, князя Михаила Скопина-Шуйскаго.

Ни одинъ изъ московскихъ государей, не исключая и царя Бориса, не находился въ такомъ печальномъ и унизительномъ положеніи, какое пришлось теперь переживать царю Василію. Въ самомъ дѣлѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ столицы стоялъ съ шестидесятитысячнымъ войскомъ претендентъ на его корону, а вокругъ Москвы, на цѣлыя сотни верстъ, народъ былъ въ открытомъ возстаніи и отказывалъ ему въ повиновеніи. Шуйскому оставалась только надежда на иноземную помощь, одна мысль о которой приводила его въ смущеніе, такъ какъ никто еще изъ царей москов-

скихъ не искалъ чужеземной помощи противъ своихъ недруговъ. При томъ-же и этой унизительной помощи нужно было еще ждать и томиться, быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ, а въ это время могли послѣдовать такія событія, послѣ которыхъ она становилась уже запоздалой и ненужной. Въ самой Москвѣ происходили частыя волненія, такъ какъ многіе изъ простонародья и служилыхъ людей не любили Василія и думали, что онъ не по праву занялъ царскій престолъ. Явились такъ называемые „перелеты“ — люди, которые сегодня увѣряли царя въ своей вѣрности, а завтра бѣжали въ Тушино искать милостей у самозванца; воротившись въ Москву, снова цѣловали крестъ Василію Ивановичу и затѣмъ опять уходили къ вору. Въ то-же время начались и боярскія козни. Одни изъ бояръ были лично недовольны Василіемъ; другіе, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, хотѣли воспользоваться общимъ нерасположеніемъ къ царю, чтобы занять его мѣсто. Находясь въ такомъ жалкомъ положеніи, Шуйскій то молился по церквамъ, то обращался къ кудесникамъ и вѣдунамъ, но не видно, чтобы онъ совсѣмъ падалъ духомъ: при этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ вполнѣ выказались присущія ему необыкновенное терпѣніе и удивительная стойкость, не покидавшія его до конца жизни.

Царское войско заняло оборонительное положеніе на Ходынкѣ — между Тушинымъ и Москвою. Тушинцы также не дѣлали нападеній, надѣясь взять столицу измѣною или голодомъ, который дѣйствительно сталъ ощущаться въ Москвѣ, когда съ наступленіемъ зимы войска самозванца заняли рязанскую дорогу и прекратили подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Вслѣдствіе этого,

смута въ Москвѣ стала усиливаться и, наконецъ, разразилась открытымъ мятежомъ. Въ февралѣ 1609 года, большая толпа служилыхъ людей, съ княземъ Романомъ Гагаринымъ и дворянами Григоріемъ Сумбуловымъ и Тимофеемъ Грязнымъ во главѣ, явилась на Красную площадь и потребовала патріарха и бояръ. Мятежники кричали, что нужно свести Шуйскаго съ престола, что онъ самовольствомъ сѣлъ на царство, изъ-за него идутъ всѣ распри, и льется кровь. Патріархъ Гермогенъ, самъ хорошо видѣвшій слабыя стороны Шуйскаго, однако горячо заступился за него, какъ за существующую уже предержащую власть, и заклиналъ народъ разойтись и повиноваться царю. Вліятельное слово патріарха подѣйствовало на москвичей: мятежники не встрѣтили поддержки и бѣжали въ Тушино. Между тѣмъ голодъ въ Москвѣ усиливался, такъ какъ она была кругомъ отрѣзана и лишена подвозовъ, а московскіе купцы ежедневно поднимали хлѣбную цѣну, и скоро четверть ржи дошла до семи рублей [1]). Царь и патріархъ убѣждали купцовъ и богачей не поднимать цѣнъ; призывали ихъ въ Успенскій соборъ и усовѣщевали — не торговать жизнью бѣдняковъ. Тѣ лицемѣрно увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, а сами думали только о своей выгодѣ, какъ и въ 1602 году. Подъ вліяніемъ голода, смута естественно усиливалась. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, царскій дворецкій, бояринъ Крюкъ-Колычевъ, составилъ заговоръ — убить Василія. Бояринъ Бутурлинъ раскрылъ этотъ умыселъ. Колычева пытали и всенародно каз-

[1]) Тогдашній рубль равнялся 12-ти нынѣшнимъ. (Изслѣдов. г. Ключевскаго).

нили. Между тѣмъ голодъ все усиливался; народъ сталъ приходить въ отчаяніе и открыто винилъ царя: „отъ него, безчастнаго, гибнемъ; отъ него — кровопролитье и голодъ“, такъ кричали на улицахъ; толпами врывались въ Кремль и вопили у дворца: „Когда избудемъ осады?.. Помираемъ голодною смертью!“ Положеніе Шуйскаго стало критическимъ: до него доходили слухи, что не сегодня-завтра его убьютъ. Однако онъ не скрывался отъ народа, выходилъ къ нему, увѣщевалъ и на время смирялъ. Между тѣмъ Василій убѣдилъ троицкаго келаря, извѣстнаго Авраамія Палицына, уступить для бѣдныхъ хлѣбъ изъ московскихъ монастырскихъ житницъ, и тогда цѣна его вдругъ упала съ семи до двухъ рублей [1]). Въ Москвѣ стало спокойнѣе, а въ то же время дѣла самозванца пошли неудачно. Казалось, судьба сжалилась надъ царемъ Василіемъ и хотѣла дать ему минуту отдыха.

7.

Мы замѣтили, что тушинцы не дѣлали на Москву нападеній, въ надеждѣ взять ее измором; однако они не бездѣйствовали у себя въ лагерѣ, а расходились отдѣльными отрядами въ тѣ мѣстности, гдѣ народъ еще оставался вѣренъ Шуйскому или, признавъ сначала Димитрія, измѣнялъ ему. Изъ такихъ предпріятій особенно выдавались: осада Троицко-Сергіевой лавры Яномъ Сапѣгой и экскурсіи — Лисовскаго

[1]) Карамзинъ: т. XII, стр. 127. — Палицынъ, какъ мы увидимъ въ очеркѣ его дѣятельности, принадлежалъ къ числу лицъ нерасположенныхъ къ Шуйскому. Потому-то царю Василію пришлось убѣждать его въ томъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать просто изъ христіанской любви къ ближнимъ.

къ Шуѣ и Кинешмѣ, Тышкевича къ Романову и Кернозицкаго къ Новгороду. Придя въ Тушино въ сентябрѣ 1608 года съ отрядомъ изъ семи тысячъ удальцовъ, Сапѣга скоро не поладилъ съ Рожинскимъ и двинулся къ знаменитому монастырю, въ надеждѣ поживиться его прославленными богатствами. Однако эта надежда оказалась несбыточной. Осажденные въ монастырѣ, царскіе воеводы князь Долгорукій - Роща и Алексѣй Голохвастовъ со своимъ отрядомъ, съ монахами и служками стойко выдерживали всѣ его приступы, а крѣпкія монастырскія стѣны устояли при безпрестанной пальбѣ по нимъ изъ 90 орудій. Простоявъ подъ лаврою съ конца сентября 1608 года до января 1610 года, Сапѣга принужденъ былъ безславно отступить. Между тѣмъ, эта осада сильно пошатнула народную вѣру во вновь явившагося Димитрія. Русскіе люди, видѣвшіе въ немъ своего прирожденнаго царя, недоумѣвали — почему онъ позволяетъ ляхамъ громить народную святыню, и мало-по-малу начали остывать отъ увлеченія его именемъ. Въ тоже время большіе и частые поборы запасовъ для Тушинскаго лагеря, крайнія безчинства и насилія набѣгавшихъ оттуда польскихъ и казацкихъ шаекъ, поруганіе ими церквей и явное пренебреженіе къ святынѣ, все это ожесточало народъ и оттолкнуло его отъ самозванца. И вотъ, тѣ города и земли, которые еще такъ недавно приняли его сторону, стали теперь обращаться къ Шуйскому, снова цѣловали ему крестъ и снаряжали ополченія для выручки Москвы изъ осады. Появились такъ называемые „шиши“,— шайки крестьянъ и посадскихъ людей, которыя стали хватать и убивать тушинцевъ. Въ виду такого неудачнаго оборота своего дѣла,

самозванецъ, подстрекаемый вновь прибывшимъ польскимъ удальцомъ паномъ Бобровскимъ, рѣшился взять Москву приступомъ. Первый натискъ (въ іюнѣ 1609 г.) былъ сдѣланъ подъ предводительствомъ этого Бобровскаго и кончился неудачей: царскіе воеводы не допустили его даже до городскихъ предмѣстій и разбили. Вскорѣ послѣдовалъ другой. Самъ Лжедимитрій, Рожинскій и казачій атаманъ Заруцкій, предводительствуя своими полками, быстрымъ натискомъ врѣзались въ средину московской рати, но были смяты фланговыми полками, подъ начальствомъ князей Куракина и Голицына, и вынуждены уйти въ Тушино.

А въ это время князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій со вспомогательнымъ шведскимъ отрядомъ шелъ уже отъ Новгорода къ Твери.

Конечно, не сосѣдское расположеніе побудило короля Карла IX оказать помощь царю Василію, а соперничество съ племянникомъ своимъ, королемъ Сигизмундомъ, оспаривавшимъ у него шведскую корону. Какъ въ свое время Годуновъ не желалъ, чтобы Сигизмундъ усилился на счетъ Швеціи, такъ теперь Карлъ не могъ допустить усиленія поляковъ на счетъ Россіи. Получивъ грамоту Василія съ просьбой о помощи, посланную изъ Новгорода княземъ Скопинымъ съ Семеномъ Головинымъ и дьякомъ Зиновьевымъ, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о сформированіи въ Финляндіи пятитысячнаго вспомогательнаго отряда. Союзный договоръ былъ заключенъ въ Выборгѣ 28 февраля 1609 года, по которому Карлъ предоставлялъ въ распоряженіе московскому государю двѣ тысячи конныхъ и три тысячи пѣшихъ ратниковъ за ежемѣсячную плату въ тридцать двѣ тысячи рублей,

съ обязательствомъ доставлять этому войску съѣстные припасы по умѣренной цѣнѣ. Кромѣ того, при вступленіи шведскаго отряда на русскую территорію, слѣдовало выдать ему единовременно, не въ счетъ помѣсячной платы, пять тысячъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ шведы обязывались, въ случаѣ надобности, увеличить вспомогательный отрядъ до 15 тысячъ, безъ прибавки жалованья, а русскіе за это должны были уступить имъ Корелу съ уѣздомъ. Въ концѣ марта шведское войско, подъ начальствомъ Іакова Делагарди, пришло къ Новгороду и было торжественно встрѣчено Скопинымъ, который выдалъ имъ условленные 5 тысячъ рублей и въ счетъ помѣсячной платы 3 тысячи рублей соболями. Между тѣмъ настала весенняя распутица, и потому походъ къ Москвѣ, куда такъ торопился князь Михаилъ, по необходимости замедлился; но вслѣдъ за спадомъ водъ, русско-шведское войско немедленно двинулось къ Твери. 5-го мая, въ Торопецкомъ уѣздѣ, подъ селомъ Каменкою, оно разбило отрядъ Кернозицкаго, а затѣмъ подъ Торжкомъ нанесло пораженіе Зборовскому. Въ Торжкѣ царское войско усилилось, такъ какъ князь Барятинскій привелъ сюда три тысячи ратныхъ людей изъ смоленскихъ уѣздовъ. Тогда Скопинъ и Делагарди напали на Тверь, гдѣ засѣли разбитые Кернозицкій и Зборовскій, и взяли ее 13 іюля. Теперь князь Михаилъ хотѣлъ идти прямо къ Москвѣ, но шведское войско взбунтовалось, требуя уплаты жалованья, и не хотѣло двигаться далѣе. Делагарди требовалъ сдачи Корелы. Платить было нечѣмъ, и Делагарди воротился къ Торжку. Однако Скопину удалось войти въ особое соглашеніе съ генераломъ Зоме, начальникомъ отдѣль-

*

наго шведскаго отряда, и удержать его при себѣ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ отошелъ къ Калязину и рѣшилъ выждать здѣсь присылки денегъ и войскъ. Монастыри Соловецкій, Печенгскій, Устюжскій-Архангельскій и Вологодскій Спасо-Прилуцкій скоро снабдили его деньгами, а вологжане и Строгановы изъ Соли-Вычегодской волости прислали много ратныхъ людей. Сюда-же царь Василій успѣлъ доставить свое одобрительное письмо, въ которомъ хваля и величая подвиги князя Михаила, говорилъ, что онъ надѣется на него, какъ на свою душу. Между тѣмъ, Сапѣга изъ-подъ Троицы со Зборовскимъ и Лисовскимъ двинулся на Скопина и остановился недалеко отъ Калязина — подъ селомъ Пироговымъ. Не выжидая нападенія, князь Михаилъ встрѣтилъ ихъ на берегу рѣки Жабны и разбилъ на голову. Это было въ августѣ 1609 года. Вслѣдъ за тѣмъ онъ послалъ Делагарди 5 тысячъ рублей деньгами и на 6 тысячъ соболей, а Ѳедора Чулкова отправилъ сдать шведамъ Корелу. Тогда Делагарди, шедшій уже къ шведской границѣ, вернулся отъ Крестцовъ и 16-го сентября снова соединился со Скопинымъ, который еще до него успѣлъ выгнать воровъ и поляковъ изъ Переяславля-Залѣсскаго. Желая поощрить ревность своихъ союзниковъ, Скопинъ выплатилъ имъ еще 15 тысячъ рублей мѣхами и двинулся къ Александровской слободѣ, которую занялъ въ октябрѣ. Здѣсь уцѣлѣли отъ временъ Грознаго глубокіе рвы и высокія стѣны, и потому это было вполнѣ удобное для стоянки мѣсто, которое въ то же время представляло возможность удобнаго сообщенія съ Москвой, находившейся къ югу отъ слободы въ 105 верстахъ, и съ Владиміромъ, гдѣ въ это время

стояло низовское ополченіе Шереметева [1]), а черезъ Переяславль давало возможность сноситься съ одной стороны съ Ярославлемъ и всѣмъ Сѣверомъ, а съ другой съ Нижнимъ и всею поволжскою стороною. Князь Михаилъ рѣшился здѣсь перезимовать и только тогда идти къ Москвѣ, когда окрестности ея будутъ очищены отъ воровъ и поляковъ. Понимая, какой важный стратегическій пунктъ занялъ Скопинъ, Сапѣга со Зборовскимъ и Рожинскимъ рѣшили выгнать его оттуда и двинулись къ слободѣ. Произошла жестокая схватка; русскіе и шведы снова одержали верхъ, и поляки ушли съ большою потерею. Сапѣга воротился подъ Троицу, а Рожинскій въ Тушино. Однако положеніе ихъ здѣсь становилось затруднительнымъ, такъ какъ, съ одной стороны Скопинъ изъ Слободы и Шереметевъ изъ Владиміра, а съ другой—царь Василій изъ Москвы стали безпокоить ихъ своими разъѣздами, прерывали сообщеніе между Лаврою и Тушинымъ и не допускали къ нимъ ни гонцовъ, ни подвоза хлѣба. Такъ шло дѣло до декабря 1609 года, когда въ Тушинскій лагерь явились послы Сигизмунда: Стадницкій, князь Збораскій и Тишкевичъ. Не объявляя войны царю Василію, король, вопреки мирнаго договора 1608 года, подступилъ къ Смоленску и осадилъ его въ сентябрѣ 1609 года. Своимъ посламъ онъ поручилъ отвлечь Рожинскаго отъ самозванца и убѣдить его стать подъ королевское знамя для завоеванія

---

[1]) Шереметевъ сначала стоялъ подъ возмутившеюся Астраханью, не могъ ее взять и затѣмъ двинулся къ Москвѣ, очищая отъ мятежниковъ понизовые города, но подъ Суздалемъ былъ разбитъ Лисовскимъ и отступилъ во Владиміръ.

всего Московскаго государства. Не имѣя никакой надежды взять Москву, боясь Скопина и опасаясь недостатка въ хлѣбѣ, Рожинскій былъ непрочь служить королю, но запросилъ съ него 20 милліоновъ злотыхъ, обѣщанныхъ ему самозванцемъ. Начались переговоры и кончились отправленіемъ къ Сигизмунду особыхъ уполномоченныхъ для заключенія окончательнаго условія. Съ ними поѣхали и тѣ изъ русскихъ, находившихся въ Тушинскомъ лагерѣ, которые отрекались отъ Шуйскаго и отъ вора и желали имѣть царемъ королевича Владислава. Во главѣ ихъ стоялъ бояринъ Михайло Салтыковъ. Теперь Рожинскій сталъ обращаться съ самозванцемъ грубо и дерзко, и тотъ въ концѣ декабря убѣжалъ ночью въ Калугу, куда вскорѣ явилась и Марина. Между тѣмъ, Сапѣга, все еще осаждавшій Троицу, наконецъ, вынужденъ былъ отступить отъ нея, и въ началѣ января 1610 года ушелъ въ Дмитровъ. Вслѣдствіе этого, Тушино оказалось открытымъ со стороны Александровской слободы, и Рожинскому со дня на день нужно было ждать нападенія Скопина. Тогда онъ объявилъ своимъ воинамъ, что они могутъ уходить, куда хотятъ; затѣмъ зажегъ свой лагерь и ушелъ въ Волокъ-Ламской. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ марта 1610 года, Скопинъ и Делагарди вступили торжественно въ Москву.

8.

Народъ въ Москвѣ встрѣтилъ князя Михаила какъ своего избавителя и кланялся ему земно. Его храбрость и ратные подвиги возбуждали восторгъ и умиленіе. Молодой, статный и красивый, съ открытымъ лицомъ и характеромъ, онъ производилъ на толпу

обаятельное впечатлѣніе и являлся прямымъ контрастомъ некрасивому, угрюмому и нерѣшительному царю Василію. Еще во время стоянки Скопина въ Александровской слободѣ, къ нему явились гонцы Прокопія Ляпунова, который, какъ мы сказали, удержалъ въ повиновеніи Шуйскому всю Рязанскую землю. Въ своей грамотѣ Ляпуновъ извѣщалъ князя Михаила, что вся Русская земля желаетъ избрать его въ цари, и что онъ одинъ достоинъ сидѣть на престолѣ. Скопинъ, конечно, не сталъ разсуждать объ этомъ съ гонцами, однако не задержалъ ихъ и не сообщилъ объ этомъ царю. Между тѣмъ чувства, высказанныя Ляпуновымъ, дѣйствительно раздѣлялись народомъ, который не скрывалъ этого и постоянно выказывалъ Михаилу Васильевичу знаки своего искренняго расположенія. Царь Василій зналъ объ этомъ и, всенародно обнимая и цѣлуя своего талантливаго родича, въ душѣ таилъ къ нему зависть и страхъ, которые стали наконецъ такъ сильны, что онъ высказалъ Скопину свои опасенія. Тотъ увѣрялъ его, что не помышляетъ о царскомъ вѣнцѣ, но трудно было убѣдить въ этомъ Василія, который такъ часто лгалъ своимъ бывшимъ властителямъ. Однако самъ царь не такъ ненавидѣлъ князя Михаила, какъ братъ его Димитрій, открыто обвинявшій Скопина въ самовольной сдачѣ шведамъ Корелы. Обвиненіе было злостное и явно недобросовѣстное, разсчитанное лишь на то, чтобы уронить князя Михаила въ глазахъ народа. Въ виду этого, представляется несомнѣннымъ, что при дворѣ его не любили и боялись. Между тѣмъ въ Москвѣ праздновали освобожденіе отъ осады. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было недавно, настоящее представлялось вполнѣ радостнымъ, и потому давались

пиры за пирами. Князь Михаилъ разсчитывалъ пробыть въ столицѣ до просухи и затѣмъ идти къ Смоленску на Сигизмунда, но судьба готовила ему иное. Въ апрѣлѣ царскій своякъ, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, пригласилъ его принять отъ купели своего сына съ Катериной Григорьевной Шуйской, женой царскаго брата Димитрія. По этому случаю у Воротынскаго былъ богатый крестинный пиръ, на которомъ Михаилъ Васильевичъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, такъ что домой его отнесли уже на рукахъ, и затѣмъ скончался, едва успѣвъ принять послѣднее напутствіе. Какъ только въ Москвѣ узнали о его смерти, народъ сильно заволновался, приписывая ее отравѣ, поднесенной Екатериной Шуйской во время пира — „въ чашѣ на перепиваніи“. Онъ съ яростными криками бросился ко двору Дмитрія Шуйскаго и, безъ сомнѣнія, разнесъ бы его, еслибы царь не охранилъ братнина дома и самихъ хозяевъ военною силою. Похоронили Михаила Васильевича съ большою честію въ Архангельскомъ соборѣ, однако отдѣльно отъ царей и великихъ князей московскихъ, — въ предѣлѣ Іоанна Крестителя. Царь Василій при этомъ громко стенялъ и плакалъ, но народъ не вѣрилъ его горести и слезамъ, считая ихъ притворными. Онъ былъ убѣжденъ, что его любимецъ отравленъ, если не по прямому приказанію царя, то все-таки съ его вѣдома, и прямо высказалъ это въ своихъ пѣсняхъ, называя царскую невѣстку „кумой крестной — змѣей подколодной“. Эта смерть ускорила паденіе Василія и чернымъ, несмываемымъ пятномъ легла на памяти его и всей семьи Шуйскихъ.

Недальновидность царя Василія и ограниченность его кругозора ясно выказались въ назначеніи Дими-

трія Шуйскаго главнымъ предводителемъ войска, посылаемаго противъ Сигизмунда. Этого человѣка, успѣвшаго обнаружить всю свою неспособность въ ратномъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордаго и заносчиваго, никогда не любили въ Московскомъ государствѣ, а послѣ павшаго на него подозрѣнія въ смерти Скопина — просто ненавидѣли. Поэтому было большою ошибкою, именно теперь, назначить его главнымъ воеводою. Царское войско, тысячъ въ тридцать, шло вяло и неохотно, безъ всякаго воодушевленія, и это не предвѣщало ничего хорошаго. На встрѣчу ему Сигизмундъ выслалъ изъ-подъ Смоленска небольшой отрядъ подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго, который у Царева-Займища успѣлъ соединиться съ остатками тушинскаго войска, приведеннаго Зборовскимъ, но и теперь у него было не болѣе одиннадцати тысячъ человѣкъ. Именно въ виду своей малочисленности, гетманъ рѣшился напасть на непріятеля врасплохъ. Оставивъ свой обозъ у Займища, онъ, ночью на 24 іюня 1610 года, съ десятью тысячами всадниковъ, быстро двинулся навстрѣчу Шуйскому, и на разсвѣтѣ подошелъ къ его спящему лагерю подъ селомъ Клушинымъ — между Москвой и Можайскомъ. Подъ звукъ боевыхъ трубъ, поляки ринулись на московскую конницу; она побѣжала и смяла пѣхотную рать; шведы отступили, а другіе иноземцы изъ отряда Делагарди стали передаваться полякамъ. Смятеніе было полное. Димитрій Шуйскій съ подначальными ему воеводами бѣжалъ въ лѣсъ, оставивъ на мѣстѣ битвы 11 пушекъ, свою карету, деньги и дорогіе мѣха. Делагарди съѣхался съ Жолкѣвскимъ и заявилъ ему о своемъ намѣреніи уйти изъ Московіи. „Не то было бы съ русскими,

сказалъ онъ гетману, если бы ими предводительствовалъ доблестный Скопинъ... Но его извели, и счастье измѣнило московскимъ людямъ"! [1]). Послѣ этой побѣды, Жолкѣвскій вернулся къ своему обозу подъ Займищемъ. Сидѣвшіе здѣсь царскіе воеводы, князь Елецкій и Валуевъ, перешли на его сторону, и гетманъ вмѣстѣ съ ними двинулся къ Можайску, который сдался ему безъ сопротивленія. Отсюда онъ послалъ свои грамоты въ Москву, предлагая въ нихъ русскимъ избрать царемъ королевича Владислава. Эти грамоты разбрасывались тамъ на улицахъ и площадяхъ и читались всенародно на сходкахъ.

Между тѣмъ самозванецъ, сидѣвшій въ Калугѣ со времени бѣгства изъ Тушина, узнавъ о пораженіи царскаго войска подъ Клушинымъ, двинулся также къ Москвѣ. Войскомъ его предводительствовалъ Янъ Сапѣга, который за нѣсколько тысячъ рублей, доставленныхъ ему изъ Калуги, предпочелъ служить вору, а не своему королю. Шуйскій выслалъ противъ него своихъ воеводъ, князей Лыкова и Воротынскаго, въ авангардѣ которыхъ находились крымскіе татары, пришедшіе на помощь Василію. Въ Боровскомъ уѣздѣ они побились съ войсками Сапѣги и ушли въ степь, а воеводы прибѣжали въ Москву. Забирая попутные города, самозванецъ подошелъ къ столицѣ и сталъ подъ селомъ Коломенскимъ.

Только два мѣсяца прошло со смерти Скопина, и Москва очутилась внѣ власти царя Василія. Онъ еще сидѣлъ во дворцѣ и отдавалъ повелѣнія, но ихъ уже никто не слушалъ и не исполнялъ. Его палаты опу-

---

[1]) Русская Исторія Костомарова, т. I, стр. 675.

стѣли и казались опальными, а онъ самъ съ молодой царицей являлся жалкимъ, всѣми покинутымъ старикомъ. Теперь его положеніе было совершенно тождественно съ послѣдними минутами семьи Годуновыхъ; но тогда онъ былъ вершителемъ ея судьбы, а теперь самъ съ тупымъ спокойствіемъ ждалъ рѣшенія своей участи, зная однако, что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ.

Возбужденная грамотами Жолкѣвскаго и появленіемъ самозванца, Москва страшно волновалась. Въ домахъ происходили совѣщанія, на улицахъ и площадяхъ собирались сходки. Судили и рядили — какъ быть и что дѣлать? Большинство москвичей, съ вліятельными и энергичными братьями Ляпуновыми во главѣ, находили, что нужно свести царя Василія, который сѣлъ на престолъ не по всенародному избранію и не умѣетъ царствовать, и избыть самозванца, а затѣмъ выбрать всею землею другаго царя изъ русскихъ бояръ. Есть основаніе полагать, что Ляпуновы имѣли теперь въ виду на этотъ высокій постъ князя Василія Голицына [1]). Въ этихъ видахъ, они съѣхались за Даниловымъ монастыремъ съ наиболѣе видными русскими сторонниками самозванца, князьями Сицкимъ и Засѣкинымъ, Сумбуловымъ, Плещеевымъ и другими, и уговорились съ ними, подъ взаимною клятвою, что они сведутъ царя Василія, а тѣ выдадутъ своего самозванца; затѣмъ вмѣстѣ выберутъ новаго царя и ударятъ на поляковъ. Объ этомъ уговорѣ Захаръ Ляпуновъ и Хомутовъ объявили народу съ Лобнаго мѣста и пригласили патріарха, бояръ и всенародное множе-

[1]) И. Е. Забѣлинъ: Мининъ и Пожарскій, стр. 9.

ство на сходку къ Серпуховскимъ воротамъ. Было это 17 іюля 1610 года. „Вотъ,— говорили тамъ народу,— Шуйскій уже четвертый годъ сидитъ на царствѣ, а счастья ему нѣтъ. Земля раздѣлилась изъ-за него, и кровь льется, а все оттого, что неправдою сѣлъ на престолъ... Надо его отставить и выбрать иного царя". Патріархъ и нѣкоторые бояре пробовали было замолвить слово за Шуйскаго, но, видя общую рѣшительную волю, замолчали, а Гермогенъ уѣхалъ. Тогда народное собраніе [1]) приговорило: бить челомъ Василію, чтобы оставилъ царство, и никогда не возвращать ему престола; всею землею выбрать въ цари, кого Богъ дастъ, а до тѣхъ поръ править Русью князю Мстиславскому съ товарищи, и всѣмъ міромъ цѣловать крестъ въ томъ, чтобы крѣпко стоять противъ ляховъ и вора [2]). Бояре и служилые люди пошли къ царю. Захаръ Ляпуновъ выступилъ впередъ и сказалъ: „Василій Ивановичъ! Ты не умѣлъ царствовать; сжалься надъ нами, положи посохъ свой и сойди съ царства! Мы будемъ промышлять сами о себѣ". Василій вышелъ изъ себя, обнажилъ свой поясной ножъ и закричалъ: „Какъ ты, смердъ, смѣешь говорить это, когда бояре мнѣ того не говорятъ?" Тогда царскій свояк, князь Воротынскій, сказалъ ему: „Вся земля бьетъ тебѣ челомъ: оставь свое государство ради междоусобной брани, затѣмъ, что тебя не любятъ и служить тебѣ не хотятъ" [3]). Шуйскій долженъ былъ подчиниться

[1]) Г. Латкинъ называетъ его quasi — земскимъ соборомъ. (Земскіе соборы", стр. 106—7). Мы думаемъ, что правильнѣе было бы назвать его вѣчемъ.

[2]) Карамзинъ: т. XII, стр. 194 — 95.

[3]) Русская Исторія Костомарова, т. I, стр. 677.

общей волѣ и переѣхалъ изъ дворца въ свой княжій домъ.

Такъ былъ сведенъ съ русскаго престола послѣдній государь изъ династіи Рюрика.

9.

Политическая карьера Шуйскаго была кончена, но не кончились его униженія и страданія. Всѣми оставленный и многимъ ненавистный, сидѣлъ онъ теперь въ своемъ домѣ подъ крѣпкою стражею. О сведеніи его съ престола извѣстили, по уговору, тушинцевъ, которые только посмѣялись надъ москвичами. „Вы хорошо сдѣлали, что свели своего незаконнаго царя; мы же за своего прирожденнаго государя рады умереть“, сказали они. Тогда инымъ въ Москвѣ стало жаль Шуйскаго; самъ онъ, провѣдавши объ этомъ, послалъ денегъ стрѣльцамъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу, а патріархъ сталъ открыто говорить о возстановленіи его на престолѣ. Но этого не могли допустить Ляпуновы съ ихъ многочисленными сторонниками, сколько изъ опасенія мести Василія, столькоже и по искреннему убѣжденію въ его неспособности къ царственному дѣлу и замиренію земли. И вотъ, 19-го іюля Захаръ Ляпуновъ съ толпою вооруженныхъ единомышленниковъ, въ сопровожденіи чудовскихъ іеромонаховъ, явился въ домъ Василія. Его разлучили съ женой и велѣли готовиться къ постриженію. Шуйскій твердо заявилъ, что не хочетъ быть монахомъ и укорялъ московскихъ людей въ неблагодарности и забвеніи его заслугъ. Его не слушали и велѣли монахамъ начинать обрядъ постриженія. Сопротивлявшагося Василія Ляпуновъ держалъ за руки, а князь Ту-

ренинъ произносилъ за него установленные обѣты. Затѣмъ Василія одѣли въ иноческую одежду и отвезли въ Чудовъ монастырь. Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ постригли его супругу, а братьевъ, Дмитрія и Ивана, оставили въ ихъ домахъ подъ стражею. Патріархъ Гермогенъ вопіялъ противъ насильнаго постриженія бывшаго царя и не признавалъ его инокомъ, но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Послѣ избранія въ цари Владислава [1]), въ Москвѣ начались волненія: многіе были недовольны выборомъ иноземца и желали вернуть Шуйскому престолъ. Это такъ раздражило бояръ, что они хотѣли перебить всѣхъ Шуйскихъ, но Жолкѣвскій не допустилъ этого. Братьевъ Василія онъ отправилъ въ Польшу, самаго свержениаго царя въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, а его жену въ Суздальско-Покровскій женскій монастырь. Онъ не признавалъ ихъ постриженія и дозволилъ имъ носить мірское платье.

Въ концѣ октября 1610 года, Жолкѣвскій былъ отозванъ изъ Москвы Сигизмундомъ. Направляясь къ королю подъ Смоленскъ, онъ завернулъ въ Іосифовъ монастырь и взялъ съ собою царя Василія; супруга же его осталась въ монастырѣ [2]). Быть можетъ, самъ Василій не желалъ подвергать ее тягостямъ продолжительнаго путешествія и пребыванія на чужбинѣ. Въ королевскомъ станѣ подъ Смоленскомъ Шуйскіе оставались до взятія поляками этого города въ іюнѣ 1611 года; тогда, вслѣдъ за отъѣздомъ Сигизмунда въ

---

[1]) 17 августа 1610 года.

[2]) Карамзинъ: т. XII, стр. 223.— Марія Петровна, въ иночествѣ Елена, скончалась въ 1625 г. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Польшу, Жолкѣвскій повезъ ихъ въ Варшаву. Между тѣмъ вѣсть о торжествѣ польскаго оружія надъ Русью и о плѣненіи Московскаго царя облетѣла всю Польшу и собрала много любопытныхъ въ столицу, куда гетманъ прибылъ уже позднею осенью. Ему устроили торжественный въѣздъ. Утромъ 19 октября 1611 года, по Краковскому предмѣстью къ королевскому замку двигался великолѣпный поѣздъ. Впереди ѣхалъ Жолкѣвскій въ богато убранной коляскѣ, на шестеркѣ бѣлыхъ лошадей, окруженной коннымъ эскортомъ изъ отборнаго польскаго рыцарства. Далѣе, въ шестидесяти каретахъ, слѣдовали вельможи Рѣчи Посполитой и великаго княжества Литовскаго; за ними, въ открытой королевской каретѣ, запряженной также шестью бѣлыми конями, везли плѣннаго царя съ братьями. На Василіи былъ длинный кафтанъ изъ серебристой парчи, а на головѣ высокая шапка изъ черной лисицы. Въ концѣ поѣзда, въ особыхъ каретахъ, слѣдовали знатнѣйшіе смоленскіе плѣнники и послы Голицынъ и Филаретъ съ товарищами. Король ждалъ ихъ, сидя на тронѣ, окруженный всѣмъ дворомъ и сенаторами. Гетманъ ввелъ Василія въ тронную залу. Лицо плѣнника было печально, но безъ стыда и робости; войдя и держа въ одной рукѣ шапку, онъ легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на него и ловили мрачный взглядъ его красноватыхъ, больныхъ глазъ. Жолкѣвскій произнесъ цвѣтистую рѣчь, въ которой восхвалялъ дѣянія Сигизмунда и, указывая на царя и его братьевъ, просилъ короля о великодушіи и милосердіи къ плѣнникамъ. При этихъ словахъ, Василій наклонился и пальцами руки коснулся пола, а

братья его поклонились королю земно. Затѣмъ слѣдовали рѣчи канцлера и маршала посольской „избы“, прославлявшія короля и гетмана. Въ заключеніе поднялся со своего мѣста Мнишекъ и произнесъ обвинительную рѣчь, въ которой напоминалъ о коварномъ убійствѣ своего зятя и предательскомъ избіеніи польскихъ гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу. Но онъ тщетно взывалъ къ правосудію: никто не обратилъ на него вниманія, и всѣ съ видимымъ участіемъ смотрѣли на сверженнаго царя. Художникъ Далабелла увѣковѣчилъ на полотнѣ знаменательную сцену представленія Шуйскаго Сигизмунду, такъ много говорящую польскому національному самолюбію. Впослѣдствіи король польскій Августъ II подарилъ эту картину своему вѣрному союзнику Петру Великому.

Мѣстопребываніемъ семьѣ Шуйскихъ назначили Гостынскій замокъ — въ 139 верстахъ отъ Варшавы. Здѣсь ихъ содержали подъ стражею, но нескудно, и оказывали уваженіе, приличное ихъ знатности. Неволя и тоска скоро свели въ могилу царя Василія: онъ скончался 12 сентября 1612 года, впрочемъ уже на семидесятомъ году своей жизни. Спустя нѣсколько дней, за нимъ послѣдовалъ братъ его Димитрій [1]), а въ ноябрѣ того-же года умерла и жена Димитрія — Екатерина. Всѣ они были погребены подъ замковою башнею. Въ 1620 году король Сигизмундъ приказалъ съ почестями перевезти останки Шуйскихъ изъ Гостынина въ Варшаву и похоронить въ такъ называемой московской часовнѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, близъ

[1]) Иванъ Шуйскій, пережившій своихъ братьевъ, впослѣдствіи воротился въ Россію.

костела св. Креста. На могилѣ ихъ былъ поставленъ мраморный памятникъ съ пышною, велерѣчивою надписью, восхвалявшею великодушіе Сигизмунда [1]). Здѣсь кости Шуйскихъ оставались до 1634 года, когда былъ заключенъ между Польшей и Россіей такъ называемый „вѣчный“, Поляновскій миръ. Тогда царь Михаилъ Ѳедоровичъ просилъ короля Владислава прислать въ Москву гробы царя Василія и его родныхъ. Паны сначала воспротивились этому, ибо считали славою для республики, что тѣло московскаго царя лежитъ въ польской землѣ; но когда московскіе послы одарили ихъ соболями, то они согласились. Когда вскрыли каменный склепъ подъ памятникомъ, то оказалось, что гробъ Василія стоялъ одиноко, а гробъ Димитрія былъ поставленъ на гробъ его жены. По приказанію Владислава, были изготовлены новые гробы, покрытые бархатомъ, атласомъ и камкою: въ нихъ поставили старые и повезли въ Москву. Отъ Дорогомилова до Кремля тѣло царя Василія несли дворяне и дѣти боярскіе. Царь Михаилъ съ боярами, въ траурномъ платьѣ, встрѣтилъ его у Успенскаго собора и затѣмъ оно было погребено, 11-го іюня 1635 года, въ Архангельскомъ соборѣ [2]).

10.

Все четырехлѣтнее царствованіе Василія было наполнено безпрерывною военною борьбою, и у него не было времени заниматься внутреннимъ строеніемъ государства. Однако мы должны отмѣтить, что въ мартѣ

---

[1]) Русская Старина за 1890 г., кн. I, стр. 91 — 92.

[2]) Такимъ образомъ, прахъ Шуйскаго подвергался *тройнымъ* похоронамъ, какъ и прахъ царя Б. Ѳ. Годунова.

1607 года имъ была издана соборная грамота о бѣглыхъ крестьянахъ, которыхъ велѣно возвращать къ тѣмъ владѣльцамъ, за коими они значились въ 1592 г.; слѣдовательно пятилѣтняя давность, съ которой помѣщики могли отыскивать своихъ бѣглыхъ судомъ, установленная указомъ 1597 года, была теперь замѣнена пятнадцатилѣтнею. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну штрафъ въ 10 рублей съ человѣка, а владѣльцамъ ихъ по 3 рубля за каждое лѣто; за сманиваніе-же крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому положено виновнаго бить кнутомъ. Затѣмъ установленъ извѣстный въ свое время законъ: „по рабу — раба, и по рабѣ — рабъ“, то-есть, что женщина, вышедшая за бѣглаго, и мужчина, женившійся на бѣглой, становятся рабами ихъ законныхъ владѣльцевъ. Въ заключеніе узаконено, что владѣлецъ, не женившій своего раба до 20 лѣтъ, или невыдавшій замужъ рабы до 18, обязанъ объявить ихъ свободными [1]). Въ свое время подлинность этого законодательнаго акта была сильно заподозрѣна Погодинымъ [2]). Дѣйствительно, въ сопоставленіи съ предыдущими и послѣдующими узаконеніями относительно крестьянъ, онъ является весьма страннымъ. Въ настоящее время представляется вѣроятнымъ, что указъ 1592 года имѣлъ въ виду не прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а лишь возвращеніе къ помѣщикамъ тѣхъ изъ нихъ, которые ушли самовольно, не исполнивъ обязательствъ по своимъ „ряд-

[1]) Карамзинъ: т. XII, стр. 61 — 62.

[2]) Статья г. Гутьяра: „Какъ объясняютъ русскіе историки происхожденіе крѣпостнаго права?“ (Истор. Вѣстн. 1892 г., кн. 3, стр. 785 — 786).

нымъ“ записямъ, а указъ 1597 года установлялъ лишь пятилѣтній срокъ для такого возврата. Между тѣмъ въ грамотѣ Шуйскаго прямо заявляется, что царь Ѳеодоръ, „по наговору Бориса Годунова, выходъ крестьянамъ заказалъ“. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ 1616 году, срокъ для возвращенія самовольно вышедшихъ крестьянъ продолженъ до 10 лѣтъ. Отсюда весьма естественно возникаютъ вопросы: 1) Для чего понадобилось это послѣднее узаконеніе, если уже въ 1607 году была установлена 15-лѣтняя давность? 2) Съ какою цѣлію въ грамотѣ Шуйскаго указывается на Бориса Годунова, какъ на виновника прикрѣпленія крестьянъ навсегда? Мы не думаемъ, чтобы грамота 1607 года была подложна, и объясняемъ ея противорѣчія тѣмъ, что Шуйскій, подъ вліяніемъ бояръ, хотѣлъ существовавшее до него временное прикрѣпленіе превратить въ постоянное; однако, изъ опасенія нареканій со стороны народа за такую мѣру, самъ не сдѣлалъ прямого распоряженія въ этомъ смыслѣ, а приписалъ таковой указамъ 1592 и 1597 годовъ, хотя въ дѣйствительности они его вовсе не имѣли. Въ этихъ же видахъ была расширена и давность для отысканія бѣглыхъ; но какъ царствованіе Василія было шатко, и власть его не вездѣ признавалась, а потомъ настало такое глубокое потрясеніе всѣхъ житейскихъ отношеній въ Московскомъ государствѣ, что грамота 1607 г., вѣроятно, никогда не исполнялась. Поэтому послѣдующее правительство вынуждено было издать относительно „давности“ другое узаконеніе, не справляясь съ забытымъ закономъ Шуйскаго.

Изъ другихъ распоряженій царя Василія, касавшихся внутренняго распорядка, слѣдуетъ упомянуть

*

о приказаніи его перевести на русскій языкъ „Воинскую книгу“, гдѣ объяснялось приготовленіе пороха и излагались правила, какъ стрѣлять изъ ружей и пищалей. Переводъ былъ сдѣланъ двумя переводчиками посольскаго приказа. По его же распоряженію былъ составленъ по иностраннымъ книгамъ „Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки“ [1]). Изъ этого видно, что при всемъ своемъ нерасположеніи къ иностранцамъ, Шуйскій желалъ воспользоваться плодами ихъ науки о ратномъ дѣлѣ, хотя и не держалъ ихъ самихъ въ своемъ войскѣ. При Годуновѣ въ Москвѣ было до 2,500 иноземцевъ въ русскомъ войскѣ, разныхъ національностей; съ воцареніемъ-же В. Шуйскаго иноземная дружина разсѣялась, такъ что въ Москвѣ оказалось всего 137 выходцевъ изъ Литвы и Германіи [2]).

Василій Ивановичъ Шуйскій игралъ въ нашей исторіи не славную, но знаменательную роль: подъ его знаменемъ московское боярство сдѣлало попытку ограничить царское самодержавіе и прибавить себѣ воли и власти, устроивъ около государя вліятельную думу на подобіе дружины удѣльнаго князя. По своему происхожденію онъ являлся наслѣдникомъ угасшей династіи Рюрика, а по традиціямъ своего рода не сочувствовалъ новой формѣ государственной власти, установившейся въ Москвѣ, и находилъ естественнымъ и согласнымъ со стариною участіе бояръ въ управленіи государствомъ. Потому-то они „прилѣпились“ къ Ва-

---

[1]) „Московская старина“, А. Н. Пыпина. (Вѣстн. Европы за 1885 г., кн. 3, стр. 317).

[2]) Русская Старина за 1883 г., кн. 10, стр. 21.

силію и помогли ему достигнуть престола помимо всенароднаго избранія. Однако, ставши царемъ, Шуйскій скоро убѣдился, что онъ находится въ ложномъ положеніи. Земля сразу его не возлюбила и открыто заявляла, что онъ неправдою сѣлъ на царство, а бояре скоро стали заводить крамолы противъ своего-же ставленника. Ихъ расходившіеся аппетиты властолюбія и самовольства не знали уже удержу, а знатнѣйшіе изъ нихъ стали сами подыскиваться на царство. Мы думаемъ именно этимъ объяснить ту „глубокую партійную раздробленность боярства“ по отношенію къ царю Василію, о которой говоритъ г. Рождественскій [1]). Онъ замѣчаетъ, что вообще боярство руководилось „не столько политическими идеями, сколько узкимъ эгоизмомъ дѣйствующихъ лицъ“, а потому и не слѣдуетъ „мысль и чувства отдѣльныхъ группъ бояръ распространять на все сословіе“. Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что бояре en masse не желали ограниченія царской власти. Но къ чему-же сводился ихъ узкій эгоизмъ? Несомнѣнно къ вопросу о *кормленіи*, т. е. къ возможности нахватать себѣ побольше помѣстій и вотчинъ и посмѣлѣе (т. е. посытнѣе) кормиться на воеводствахъ, на манеръ псковскаго намѣстника Андрея Шуйскаго въ малолѣтство Грознаго. А это становилось возможнымъ только тогда, когда у боярства прибывало воли и власти. Слѣдовательно на почвѣ личнаго эгоизма весьма удобно обобщались интересы всего боярскаго сословія и побуждали его упрочить за собой положеніе вліятельныхъ дружинниковъ княжескаго періода.

---

[1]) „Царь В. И. Шуйскій и боярство“. (Историч. Обозр., т. 5 1892 г., стр. 48).

Въ этомъ стремленіи боярства нельзя даже видѣть нарожденіе новой политической идеи: это было просто *переживаніе* старыхъ формъ государственной жизни, пытавшихся отстоять свое право на существованіе при новомъ укладѣ этой жизни. Однако онѣ были совершенно несвоевременны и, являясь неудобными путами для крѣпкой и единой власти государя, возбуждали къ нему недовѣріе народа. Шуйскій, ставши царемъ, скоро понялъ это и дѣлалъ слабыя попытки поступать самовластно [1]), но онѣ только раздражали бояръ, не усиливая его авторитета въ глазахъ народа, и это неизбѣжно привело его къ позорному сведенію съ престола и смерти на далекой, вражеской чужбинѣ.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, онъ желалъ облегчить участь холоповъ и издалъ указъ 21 мая 1609 г. о необращеніи кабальнаго наймита (работника по договору) въ полнаго, или *обѣльнаго* холопа ранѣе пятилѣтняго срока; однако уже 12 сентября того-же года царь долженъ былъ отмѣнить этотъ законъ именно потому, что вотчинники желали превращать кабальныхъ въ обѣльныхъ холоповъ черезъ полугодовой срокъ. (Древн. Вивл., XX, 255).

IV.

БЕЗГОСУДАРНОЕ ВРЕМЯ.

1610 — 1613.

„Безъ государя Московское государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется".
(Изъ окружной грамоты 1612 г.).

I.

Мы раскрываемъ любопытнѣйшую страницу нашей исторіи, разсказывающую о томъ времени, когда искони-монархическая Москва очутилась безъ государя, когда ея правительство передалось польскому королю, а русскій народъ со всѣхъ концовъ государства шелъ къ столицѣ — спасать ее и свою національную самобытность.

Это время называется „лихолѣтьемъ".

17-го іюля 1610 года, царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ сведенъ съ престола: одна Москва, безъ участія выборныхъ людей изъ другихъ областей и городовъ Русской земли, избрала его на царство,— она одна же и развѣнчала его. По приговору „всенароднаго московскаго множества", составленному въ тотъ же день на сходкѣ за Серпуховскими воротами, правленіе государствомъ перешло въ руки князя Ѳ. И. Мсти-

славскаго съ шестью товарищами — именитѣйшими изъ бояръ. Это было временное правительство, однако ему предстояла тяжелая задача: уничтожить второго самозванца, угрожавшаго Москвѣ изъ Коломенскаго; раздѣлаться съ поляками, стоявшими на Сѣтуни подъ начальствомъ Жолкѣвскаго; умирить внутреннюю смуту и подготовить избраніе царя „всею землею“ изъ родовитыхъ бояръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ упомянутомъ приговорѣ. Между тѣмъ, ни способъ избранія этого правительства, ни составъ его не обезпечивали ему необходимой устойчивости и прочнаго вліянія на страну. Въ самомъ дѣлѣ, одна Москва не могла создать законной власти для всей земли, а чисто олигархическая форма новаго правительства являлась необычной для Московскаго государства и была антипатична народу, искони нелюбившему князей и бояръ. Бояре-правители хорошо сознавали свое положеніе и ясно видѣли, что они будутъ не въ состояніи умирить государство. И вотъ, въ средѣ ихъ весьма естественно возникла мысль начать свою дѣятельность не борьбою съ самозванцемъ и поляками, а избраніемъ царя, и при данныхъ обстоятельствахъ они не находили ничего лучшаго, какъ предложить власть королевичу польскому Владиславу. Въ общегосударственныхъ цѣляхъ, избраніе его представлялось желательнымъ потому, что превращало поляковъ изъ враговъ въ союзниковъ и при помощи ихъ сулило скорое избавленіе отъ самозванца и внутреннихъ крамольниковъ. Въ интересахъ же чисто боярскихъ, избраніе Владислава обѣщало достиженіе завѣтной цѣли этого сословія — ограниченія царской власти — и прекращеніе боярскихъ козней изъ-за обладанія престоломъ. Дѣйствительно, представ-

лялось вполнѣ естественнымъ, что иноземецъ и иновѣрецъ не можетъ занять московскаго престола безъ ограничительныхъ условій, чего могло и не быть при выборѣ царя всею землею изъ русскихъ бояръ, а королевское происхожденіе Владислава совершенно удовлетворяло родовую боярскую гордость. Инициативу этого замысла Карамзинъ [1]) приписываетъ князю Мстиславскому, „одушевленному чистымъ усердіемъ“. Мы полагаемъ, что такой ограниченный и медлительно-тяжелый человѣкъ, какъ князь Ѳедоръ Ивановичъ, едва-ли могъ быть иниціаторомъ этого дѣла; естественнѣе допустить, что онъ былъ только истолкователемъ общаго боярскаго желанія. За всѣмъ тѣмъ, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ Карамзинъ стоитъ ближе къ исторической истинѣ, чѣмъ Н. И. Костомаровъ [2]), представляющій бояръ какимъ-то пассивнымъ стадомъ, „которые волей-неволей должны были соглашаться на избраніе Владислава“. Почтенный историкъ какъ бы упускаетъ изъ вида, что въ боярской средѣ имѣли тогда вѣсъ и силу такіе искренніе приверженцы польщизны, какъ Салтыковъ и Валуевъ, сторона которыхъ, по свидѣтельству Карамзина [3]), „превозмогла сторону братьевъ Ляпуновыхъ, рѣшительныхъ противниковъ и ляховъ и самозванца“. И вотъ, князь Мстиславскій заявилъ патріарху и духовенству, боярамъ и и всякихъ чиновъ людямъ, находившимся въ Москвѣ, что для спасенія царства надо цѣловать крестъ Владиславу. Большинство москвичей, съ патріархомъ Гер-

---

[1]) — — — Т. XII, стр. 200.

[2]) Русская Исторія въ жизнеоп., т. I, стр. 678.

[3]) — — Т. XII, стр. 201.

могеномъ во главѣ, отнеслись несочувственно къ этому предложенію. Столичное духовенство желало имѣть царемъ князя Василія Голицына; къ тому-же склонялись и многочисленные сторонники Ляпуновыхъ изъ служилыхъ людей; простой народъ также не желалъ въ цари иноземца, однако открыто протестовалъ противъ боярскаго предложенія одинъ Гермогенъ. Въ его замѣчательной личности, какъ въ фокусѣ, вполнѣ выразилась та беззавѣтная стойкость въ охраненіи своей вѣры и народности, которая была присуща лучшимъ русскимъ людямъ того времени. Гермогенъ понималъ, что въ основѣ боярской затѣи лежали фальшь и ложь; онъ сознавалъ, что иноземный королевичъ не спасетъ гибнущее русское царство, если сами русскіе люди не сплотятся воедино и не встанутъ крѣпко за домъ Пресвятой Богородицы и за московскихъ чудотворцевъ. Это была его основная идея, которой онъ ни разу не измѣнилъ въ самые тяжкіе дни народной невзгоды и въ жертву которой принесъ свою жизнь. Печать глубокаго трагизма лежитъ на доблестномъ патріархѣ: онъ кончилъ свой тяжкій подвигъ въ самый безотрадный моментъ русской жизни; ему не суждено было увидѣть даже проблески народнаго освобожденія, но тѣмъ нисколько не затмѣвается ореолъ славы, окружающій его мученическое чело. Его протестъ противъ избранія Владислава не встрѣтилъ стойкой поддержки: простой московскій народъ оставался въ какомъ-то уныломъ недовѣріи; „ляпуновцы“ стушевались въ толпѣ служилаго люда, тянувшаго за боярами, а эти послѣдніе настойчиво твердили, что все спасеніе въ Владиславѣ. Скрѣпя сердце, Гермогенъ соглашался признать его царемъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ,

чтобы онъ принялъ православіе. Начались переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, продолжавшіеся три недѣли. Замѣчательно, что обѣ договаривавшіяся стороны не имѣли на то законныхъ полномочій. Русскіе (князья Мстиславскій, Голицынъ и Мезецкій съ думными дьяками Телепневымъ и Луговскимъ), дѣйствовавшіе лишь по порученію бояръ, являлись какъ-бы представителями всѣхъ чиновъ Московскаго государства, а Жолкѣвскій договаривался отъ лица короля и польской республики безъ королевскаго наказа и безъ вѣдома своего правительства. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ была ложь, не обѣщавшая ничего хорошаго въ будущемъ, тѣмъ не менѣе договоръ былъ подписанъ 17 августа. Въ немъ было постановлено, что русскіе отправятъ къ Сигизмунду, осаждавшему Смоленскъ, посольство просить его сына себѣ въ цари и разрѣшенія принять ему православіе; въ дѣлахъ внутренняго управленія власть Владислава ограничивалась боярскою думою; въ законодательствѣ — земскою думою, а въ дѣла духовныя и святительскія онъ не долженъ былъ вовсе вступаться. Затѣмъ положено было: королю Сигизмунду отступить отъ Смоленска и немедленно вывести свои войска изъ всѣхъ русскихъ городовъ; гетману отвести Яна Сапѣгу и другихъ поляковъ отъ самозванца, вмѣстѣ съ русскими уничтожить этого послѣдняго и затѣмъ отойти къ Можайску, а до того времени стоять съ войскомъ у Дѣвичьяго монастыря, не вступая въ Москву. Такимъ образомъ, самый важный и существенный вопросъ о перемѣнѣ религіи остался открытымъ и представлялся какъ-бы на усмотрѣніе Сигизмунда, между тѣмъ, какъ условія, ограничивавшія власть будущаго царя, были

весьма точно формулированы и являлись для него вполнѣ обязательными. Отсюда мы вправѣ заключить, что бояре интересовались гораздо болѣе вторыми, чѣмъ первымъ, и были не прочь имѣть даже иновѣрнаго, но не самодержавнаго царя. По заключеніи договора, произошла торжественная присяга въ двухъ шатрахъ, поставленныхъ на Дѣвичьемъ полѣ. Въ одномъ гетманъ Жолкѣвскій поклялся на крестѣ и евангеліи за короля и королевича въ вѣрномъ соблюденіи условій, а въ другомъ русскіе присягали на вѣрность государю Владиславу. Затѣмъ посланы были гонцы съ извѣстіемъ объ избраніи новаго царя во всѣ города, гдѣ они собирали жителей и заставляли цѣловать ему крестъ. Между тѣмъ, въ это самое время Жолкѣвскій получилъ отъ Сигизмунда двѣ грамоты, въ которыхъ король настойчиво приказывалъ ему занять Москву, какъ завоеванный городъ, его именемъ, а не именемъ Владислава. Становилось очевиднымъ, что Сигизмундъ просто желаетъ присоединить Москву къ своимъ владѣніямъ, не входя ни въ какіе переговоры съ русскими. Это обстоятельство поставило гетмана въ большое затрудненіе. Онъ, только-что клявшійся въ вѣрномъ соблюденіи договора, долженъ былъ сейчасъ-же нарушить его, во исполненіе королевской воли, и дѣйствовать противъ цѣлаго народа со своимъ малочисленнымъ войскомъ; такая политика казалась ему и постыдной, и непрактичной, и потому онъ рѣшилъ, на свой страхъ и рискъ, оставаться, пока возможно, вѣрнымъ договору 17 августа. За всѣмъ тѣмъ несомнѣнно, что заявленная воля Сигизмунда дурно повліяла на дальнѣйшія дѣйствія Жолкѣвскаго. Онъ понялъ, что король не раздѣляетъ его взглядовъ и третируетъ рус-

скихъ, какъ побѣжденный народъ, а это, по мнѣнію его, было большою ошибкою. Гетманъ, хорошо знавшій положеніе дѣлъ, приписывалъ слабость русскихъ междоусобной войнѣ и предвидѣлъ, что, какъ только Русь будетъ насильно присоединена къ Польшѣ, междоусобная война перейдетъ въ національную: русскіе сплотятся противъ чужеземцевъ, и съ ними придется потягаться. Потому-то онъ находилъ выгоднѣе и цѣлесообразнѣе не посягать на самостоятельность Россіи, дать ей въ цари Владислава и, сблизивъ ее съ Польшей, упрочить вліяніе на нее этой послѣдней посредствомъ болѣе высокой польской культуры. Зная упрямство короля, Жолкѣвскій видѣлъ, что его ловкозадуманнымъ планамъ не суждено осуществиться, и у него невольно стали опускаться руки. Отъ такого энергическаго и рѣшительнаго человѣка, какъ Клушинскій побѣдитель, слѣдовало ожидать, что теперь онъ быстро раздѣлается съ Тушинскимъ воромъ: окружитъ его въ Коломенскомъ, принудитъ Сапѣгу встать подъ королевское знамя и добудетъ самозванца живымъ или мертвымъ. Онъ-же, напротивъ, унизился до переговоровъ съ бродягой и даже обѣщалъ ему въ удѣлъ Гродно, или Самборъ, если онъ сдастся на милость Сигизмунда... И только наглыя насмѣшки вора и нахальныхъ сапѣжинцевъ побудили гетмана взяться за оружіе. Худо организованное и малочисленное войско самозванца, разумѣется, не могло разсчитывать на побѣду, и потому Сапѣга поспѣшилъ примкнуть къ Жолкѣвскому; однако воръ съ Мариной успѣлъ убѣжать въ Калугу и могъ оттуда снова мутить государство. Такимъ образомъ одно изъ важныхъ договорныхъ условій было выполнено Жолкѣвскимъ только на половину.

Между тѣмъ русскіе снаряжали условленное посольство къ Сигизмунду. Во главѣ его, по указанію Жолкѣвскаго, были поставлены два выдающіеся дѣятеля: князь Василій Голицынъ и митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Въ виду замысловъ короля, гетманъ находилъ пребываніе ихъ въ Москвѣ весьма опаснымъ, такъ какъ оба они стояли на виду у народа и могли руководить его движеніемъ противъ польскаго порабощенія. Къ великимъ посламъ назначены были восемь товарищей: четыре свѣтскаго и четыре-же духовнаго чина[1]). Съ большою свитою и охраннымъ воинскимъ отрядомъ, посольство выѣхало изъ Москвы 11-го сентября, напутствуемое строгимъ увѣщаніемъ Гермогена — непоколебимо стоять за православіе и крѣпко держать всѣ договорныя статьи. Въ то время, какъ патріархъ такъ горячо ратовалъ за соблюденіе договора, бояре-правители нарушали его съ легкимъ сердцемъ. Вмѣсто того, чтобы требовать отступленія войскъ Жолкѣвскаго къ Можайску, они согласились впустить ихъ въ Москву. Быть можетъ, гетманъ дѣйствительно былъ „одинъ изъ благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ людей Польши того времени“, какъ говоритъ Н. И. Костомаровъ[2]), тѣмъ не менѣе, угождая видамъ короля, онъ рѣшился, вопреки только что заключеннаго договора, покрѣпче прибрать къ рукамъ Москву и сталъ настаивать передъ боярами на пропускѣ своего войска въ столицу. Желаніе гетмана

[1]) Князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ и дьяки Луговскій и Сыдавной; новоспасскій архимандритъ Евфимій, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, угрѣшскій игуменъ Іона и вознесенскій протопопъ Кириллъ.

[2]) Русская Исторія, т. I, стр. 678.

не встрѣтило съ ихъ стороны отпора, однако они видимо боялись народа и потому впустили поляковъ не днемъ, а ночью на 22 сентября 1610 года. Не въ качествѣ отважныхъ побѣдителей или желанныхъ союзниковъ, а какъ ночные воры, безмолвно, со свернутыми знаменами, вошли дружины гетмана въ Кремль и заняли въ немъ, а также въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ, всѣ укрѣпленія, башни и ворота. Вслѣдъ затѣмъ Жолкѣвскій также занялъ своими отрядами всѣ города, лежавшіе на смоленской дорогѣ, чтобы обезпечить себѣ безопасное сообщеніе съ королевскимъ станомъ.

Патріархъ былъ глубоко удрученъ такимъ оборотомъ дѣла и громко порицалъ слабодушіе бояръ. Будучи ловкимъ дипломатомъ, Жолкѣвскій старался успокоить старца; однако ни его вѣжливыя письма, ни личныя завѣренія не могли убѣдить Гермогена въ доброжелательствѣ поляковъ, тѣмъ болѣе, что скоро пришло извѣстіе отъ великаго посольства, отправленное съ дороги, что вопреки договора поляки по прежнему грабятъ Русскую землю. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ декабря, тѣ-же послы, дурно принятые Сигизмундомъ, прислали грамоту патріарху и боярамъ, въ которой извѣщали, что король не хочетъ дать въ цари своего сына, ссылаясь на его молодость; требуетъ присяги на свое имя и настаиваетъ на сдачѣ ему Смоленска. Послы спрашивали, какъ имъ поступать въ этомъ случаѣ? Такимъ образомъ становилось очевиднымъ, что король вовсе не признаетъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ, и поступаетъ по своему усмотрѣнію, въ надеждѣ на преданность ему московскаго правительства, первенствующій членъ котораго, князь Мстиславскій, „за вѣрныя и добрыя его службы“ только-что получилъ

отъ Сигизмунда важный санъ „слуги“ и конюшаго. Дѣйствительно, тотчасъ-же по полученіи посольской грамоты, боярская клика въ Москвѣ нахально заявила патріарху, что слѣдуетъ во всемъ положиться на королевскую милость и отписать объ этомъ посламъ. Преслѣдуя свои мелкіе, эгоистическіе интересы, эти жалкіе люди не вѣдали, что именно въ это время въ русскомъ народѣ просыпалось сознаніе необходимости защищать до послѣднихъ силъ свою вѣру и самобытность, первымъ носителемъ котораго былъ Гермогенъ. Въ нашей старой письменности сохранился весьма любопытный памятникъ, извѣстный подъ названіемъ „Новой повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ“ [1]), написанный именно въ то время, когда занятіе Москвы поляками и поведеніе боярскаго правительства, подчинявшагося незаконнымъ притязаніямъ Сигизмунда, оттолкнуло отъ нихъ русскихъ людей. Неизвѣстный авторъ „Новой повѣсти“ самъ служилъ этому правительству, отъ котораго былъ даже „зѣло пожалованъ“; тѣмъ не менѣе, онъ глубоко возмутился замыслами Сигизмунда овладѣть Русью и готовностью бояръ подчинить ему все Московское государство. И вотъ, онъ составилъ свое „письмо“, въ которомъ страстно нападалъ на безчинства поляковъ и двоедушіе бояръ; выставляя въ тоже время истинными защитниками вѣры и государства патріарха Гермогена, великихъ пословъ къ Сигизмунду и оборонителей Смоленска, онъ призывалъ москвичей послѣдовать ихъ примѣру и возстать

[1]) Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени, С. Ѳ. Платонова, стр. 86—102; въ XIII т. Русск. Историч. Библіотеки „Повѣсть“ занимаетъ четвертое мѣсто въ числѣ Сказаній о Смутномъ времени.

противъ бояръ и поляковъ. Въ виду этого, мы можемъ смотрѣть на „Новую повѣсть“, какъ на современный памфлетъ, выражающій первые проблески того настроенія въ русскихъ массахъ, которое повело къ изгнанію чужеземцевъ и къ возвращенію національной самобытности. По справедливому мнѣнію проф. Платонова, въ немъ выражается „живой голосъ русскаго человѣка, возмущеннаго иноземнымъ господствомъ и поведеніемъ боярства“, показывающій вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ первыхъ-же моментовъ своего крѣпко-стоятельства Гермогенъ нашелъ откликъ въ русскихъ людяхъ. Первымъ отозвался пылкій и порывистый Прокопій Ляпуновъ. Онъ послалъ боярамъ укоризненное письмо, спрашивая ихъ, когда прибудетъ въ Москву королевичъ, и почему король нарушаетъ договоръ, заключенный Жолкѣвскимъ? Бояре-правители отослали это письмо королю, а предводитель поляковъ, Александръ Гонсѣвскій, съ конца октября замѣнившій Жолкѣвскаго, отозваннаго Сигизмундомъ, потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ образумилъ Ляпунова. Вслѣдъ затѣмъ явились къ Гермогену бояре и предъявили ему для подписи составленную ими-отвѣтную грамоту къ великимъ посламъ, въ которой имъ предлагалось исполнить королевскую волю; вмѣстѣ съ тѣмъ бояре также просили патріарха усмирить Ляпунова. Гермогенъ рѣзко отказалъ имъ въ томъ и другомъ и прямо заявилъ, что если король не отпуститъ сына на Московское государство, и королевичъ не приметъ православія, а поляковъ не выведутъ изъ столицы, то онъ будетъ писать по городамъ, чтобы шли къ Москвѣ. Бояре были такъ раздражены противъ Гермогена, что одинъ изъ нихъ, Салтыковъ, замахнулся на него ножемъ. Муже-

ственный старецъ, не смотря на свои восемдесятъ лѣтъ, обладалъ несокрушимой энергіей. „Я не боюсь твоего ножа и противопоставлю ему святой крестъ, сказалъ онъ, а ты будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“. На другой день Гермогенъ оповѣстилъ москвичей, чтобы они шли въ Успенскій соборъ слушать его слово. Гонсѣвскій приказалъ окружить церковь войскомъ и никого не впускать. Однако нѣкоторые все-таки успѣли войти туда и слышали патріарха, убѣждавшаго ихъ стоять за православную вѣру и сообщить объ этомъ въ города. За это смѣлое воззваніе къ Гермогену приставили стражу. Однако сѣмя народнаго возстанія, брошенное рукою доблестнаго патріарха, разросталось. Ляпуновъ разсылалъ по городамъ свои грамоты, убѣждая „встать крѣпко и двинуться всею землею къ царствующему граду, чтобы биться до послѣдняго за вѣру православную и за всѣ страны россійскія державы“. Эти грамоты читались по городамъ, и списки съ нихъ отсылались въ другіе, сосѣдніе города. Въ уѣзды бѣжали посыльщики за помѣщиками и ратными людьми; на городскихъ и сельскихъ площадяхъ собирались сходки и постановлялись приговоры съ крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы идти дружно на выручку Москвы, не присягать королю и не слушаться бояръ, какъ измѣнниковъ и враговъ креста Христова. Мы думаемъ, что народъ не ошибался, называя бояръ измѣнниками. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не измѣною русскому дѣлу, объясняется то, что для разстройства похода Ляпунова, они подозвали [1]) черкасъ (малороссійскихъ каза-

[1]) Мининъ и Пожарскій, И. Е. Забѣлина, стр. 60.

ковъ) воевать Рязанскую землю — его родину, гдѣ были у него обширныя помѣстья? Однако это не могло помѣшать народному движенію, охватившему значительную часть Русской земли. Всѣ поволжскіе города до Казани [1]), Владиміръ и Новгородъ съ пригородами, на сѣверѣ Вологда и Устюгъ — собрали ополченія и выслали ихъ къ Москвѣ; даже Калуга, бывшая недавно резиденціей Тушинскаго вора [2]), послала бывшія его дружины на общее дѣло. Между тѣмъ Ляпуновъ, при дѣятельной помощи зарайскаго воеводы, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, быстро раздѣлался съ черкасами, бѣжавшими на Украйну, и въ началѣ марта 1611 года пошелъ къ Москвѣ, соединяясь по дорогѣ съ ополченіями разныхъ городовъ.

Москва глухо волновалась, и москвичи задирали поляковъ, которые стали сдержанны и осторожны. Бояре-правители были въ ужасѣ и пришли къ Гермогену. „Ты писалъ по городамъ, вотъ и идутъ на Москву... Отпиши имъ, чтобы не ходили“. Патріархъ отвѣчалъ: „когда вы, измѣнники, и поляки выйдете изъ Москвы, тогда напишу, чтобы воротились, а если не уйдете, то буду писать, чтобы они начатое свершили“.

Пасха тогда приходилась 24 марта. Въ началѣ страстной недѣли русскія ополченія съ разныхъ сторонъ стали приближаться къ Москвѣ. Отношенія поляковъ и русскихъ въ столицѣ обострились до крайности. Поминутно происходили стычки и ссоры, и вдругъ во вторникъ, 19 марта, разразилось поголов-

---

[1]) Она выслала свое ополченіе гораздо позже.

[2]) Онъ былъ убитъ 10 декабря 1610 года въ частной ссорѣ княземъ Урусовымъ.

*

ное возстаніе москвичей. Очевидецъ и участникъ этихъ событій, полякъ Маскѣвичъ [1]), говоритъ: „по совѣсти не умѣю сказать, кто началъ ссору: мы-ли, они-ли? Кажется, однако, наши подали первый поводъ къ волненію“. Битва завязалась сначала въ Китай-городѣ, гдѣ поляки вскорѣ перебили торговыхъ людей, а затѣмъ въ Бѣломъ городѣ. Здѣсь полякамъ стало труднѣе, потому что русскіе стащили съ башенъ пушки и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали ихъ огнемъ. Когда поляки бросались на нихъ съ копьями, они тотчасъ загораживали улицы столами, лавками, дровами; желая выманить ихъ изъ засады, поляки притворно отступали; русскіе преслѣдовали ихъ, неся въ рукахъ столы и лавки, и лишь замѣчали, что тѣ хотятъ биться, снова заваливали улицы и стрѣляли изъ своихъ загородокъ, а другіе били ихъ съ кровель, съ заборовъ и изъ оконъ камнями и дубьемъ. Полякамъ приходилось весьма жутко; они не знали, какъ имъ избавиться отъ перекрестнаго огня, въ которомъ они гибли, какъ мухи, какъ вдругъ кто-то изъ нихъ закричалъ: огня! жги дома! Занявшійся пожаръ выгналъ русскихъ изъ засадъ, и поляки вздохнули свободнѣе. Въ этой первой битвѣ принялъ дѣятельное участіе зарайскій воевода, князь Д. М. Пожарскій, пришедшій первымъ со своимъ полкомъ и ставшій на Срѣтенкѣ. Это именно онъ съ московскими пушкарями громилъ поляковъ изъ пушекъ и успѣлъ наскоро заложить острожекъ у Введенской церкви. На другой день поляки зажгли весь Бѣлый городъ и Замоскворѣчье. Маскѣвичъ говоритъ, „что они дѣйствовали такъ по совѣту бояръ, которые при-

[1]) Сказанія современ. о Димитріи Самозванцѣ, V.

знавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у русскихъ всѣ средства укрѣпиться". Когда поляки кинулись снова на Срѣтенку, Пожарскій загородилъ имъ дорогу у своего Введенскаго острожка. Здѣсь онъ бился цѣлый день и не пропустилъ ихъ за Бѣлый городъ. Князь былъ весь израненъ, истекалъ кровью, и его наскоро отвезли въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Пожаръ длился три дня. Замоскворѣчье и Бѣлый городъ сгорѣли до тла, и поляки съ боярами заперлись въ Китай-городѣ и Кремлѣ. Спустя нѣсколько дней, подошли къ Москвѣ городовыя ополченія со своими воеводами. Первыми пришли Заруцкій и Трубецкій съ бывшими дружинами Тушинскаго вора, а Ляпуновъ съ рязанцами; затѣмъ нижегородцы, арзамасцы, муромцы, владимірцы, костромичи, ярославцы, вологжане, романовцы, угличане, каширяне: всѣ стянулись къ первому апрѣля 1611 года и осадили накрѣпко бояръ и поляковъ. Начались ежедневныя, ожесточенныя схватки. Тогда Гонсѣвскій съ боярами снова напалъ на Гермогена и, грозя ему злою смертію, требовалъ, чтобы онъ приказалъ Ляпунову и воеводамъ отойти отъ Москвы. „Смерти я не боюсь, сказалъ патріархъ, и давно желаю пострадать за правду, а писать не буду". Его заточили въ тѣсной кельѣ въ Чудовѣ монастырѣ и подвергли всяческимъ лишеніямъ и униженіямъ.

Въ то время, когда въ Москвѣ начались страданія Гермогена, подъ Смоленскомъ король и его канцлеръ, Левъ Сапѣга, энергично принялись за великихъ пословъ. Мы уже знаемъ, что всѣхъ пословъ было десять; изъ нихъ только князь Голицынъ, митрополитъ Филаретъ и дьякъ Луговскій остались до конца вѣрными строгому напутственному внушенію Гермогена —

крѣпко стоять за договорныя статьи. Остальные поколебались, обольщенные королевскими наградами, и одинъ за другимъ отъѣхали къ Москвѣ. Житье въ королевскомъ станѣ было трудное: не смотря на зимнее время, посольство было размѣщено въ шатрахъ и испытывало даже недостатокъ въ пищѣ. Главныя пререканія происходили изъ-за Смоленска. Король настаивалъ, чтобы послы приказали смоленскому воеводѣ Шеину сдать городъ, а тѣ находили это противнымъ договору, заключенному съ Жолкѣвскимъ, и никакія принужденія и угрозы поляковъ не могли заставить ихъ исполнить королевскую волю. Когда бояре-правители прислали свою грамоту, въ которой приказывали посламъ сдать Смоленскъ и присягать королю вмѣстѣ съ сыномъ, Филаретъ съ двумя товарищами замѣтилъ Сапѣгѣ, что грамота не подписана патріархомъ и потому не имѣетъ никакой силы: „хотя бы намъ смерть принять, а безъ патріаршаго согласія никакими мѣрами ничего не будемъ дѣлать“. Канцлеръ пригрозилъ имъ ссылкою въ Вильну. Когда началось Ляпуновское движеніе, Левъ Сапѣга обвинилъ пословъ въ поджигательствѣ народа къ мятежу противъ короля и приказалъ взять ихъ подъ стражу. Послѣ московскаго пожара, Сапѣга еще разъ пытался подѣйствовать на пословъ. Онъ призвалъ Филарета и грозно потребовалъ, чтобы тотъ написалъ Ляпунову съ товарищами объ отступленіи отъ Москвы, а Шеину о сдачѣ Смоленска. Филаретъ рѣшительно отказалъ. Тогда, въ половинѣ апрѣля, пословъ, какъ военно-плѣнныхъ, отправили въ Польшу.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1611 года положеніе дѣлъ, въ общихъ чертахъ, было таково: всѣ выдаю-

щіеся борцы за русское дѣло — патріархъ Гермогенъ, митрополитъ Филаретъ, князь Василій Голицынъ и дьякъ Луговскій — очутились подъ стражею и были лишены свободной дѣятельности на пользу родины; Шеинъ изнемогалъ въ Смоленскѣ отъ продолжительной польской осады [1]), а Ляпуновъ съ русскими воеводами только что осадилъ боярское правительство, предавшееся Сигизмунду, и польскій гарнизонъ въ Кремлѣ. Становилось очевиднымъ, что главный узелъ событій находится подъ Москвой. Въ самомъ дѣлѣ, если Ляпуновъ успѣетъ взять ее до сдачи Смоленска, то онъ не замедлитъ выручить этотъ городъ, и тогда польское дѣло проиграетъ; если же подмосковныя ополченія потерпятъ неудачу и Смоленскъ падетъ, тогда перевѣсъ склонится на сторону Сигизмунда. Поэтому вполнѣ понятно, съ какимъ глубокимъ интересомъ русскіе люди того времени слѣдили за ходомъ дѣлъ въ ополченіяхъ, и съ какимъ ужасомъ убѣждались въ томъ, что среди нихъ господствуютъ разладъ и рознь. Причина этого печальнаго явленія заключалась въ самомъ составѣ ополченій и въ характерѣ главныхъ начальныхъ людей, выбранныхъ по приговору земскаго совѣта [2]), находившагося при ополченіи. Прокопій Петровичъ Ляпуновъ былъ человѣкъ прямой, честный, искренно пре-

---

[1]) Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ въ сентябрѣ 1609 г., слѣдовательно, осада продолжалась одинъ годъ и девять мѣсяцевъ.

[2]) По всей вѣроятности, этотъ совѣтъ состоялъ не изъ нарочито-выборныхъ людей, а изъ служилыхъ людей, входившихъ въ составъ ополченія, и казацкихъ атамановъ. Духовенства и посадскихъ людей на немъ не было. Тѣмъ не менѣе, на этомъ совѣтѣ находились представители отъ 25 русскихъ городовъ, кромѣ Москвы. (В. Н. Латкинъ: „Земскіе соборы“, стр. 115).

данный русскому дѣлу, но пылкій и крутой нравомъ; по происхожденію-же своему онъ являлся представителемъ помѣстнаго служилаго люда, пришедшаго къ Москвѣ со всѣхъ концовъ государства и дѣйствительно тянувшаго къ нему, видѣвшаго въ немъ своего человѣка. Этотъ элементъ преобладалъ во всѣхъ дружинахъ, высланныхъ городами и, по выраженію г. Забѣлина[1]), составлялъ „дворянское земство“ русской земли, желавшее очищенія ее отъ иноземцевъ и возстановленія государственнаго порядка. Совсѣмъ другаго пошиба былъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. Въ грамотахъ того времени онъ писался „бояриномъ“, но это боярство, полученное отъ Тушинскаго вора, было весьма сомнительнаго свойства, а потому справедливѣе именовать его атаманомъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Человѣкъ алчный и жадный до наживы, онъ готовъ былъ служить всякому, отъ кого могъ нахватать помѣстій и денегъ. Никакихъ нравственныхъ принциповъ у него не было; возстановленіе государственнаго порядка вовсе не входило въ его планы, и онъ передвинулся со своимъ таборомъ къ Москвѣ только потому, что надо-же было гдѣ нибудь ему стоять и „кормиться“. Такимъ образомъ Заруцкій являлся истымъ представителемъ того бродячаго и безпокойнаго элемента въ Московскомъ государствѣ, который извѣстенъ подъ именемъ „казачества“. Въ него входили бѣглые боярскіе холопы, помѣщичьи крестьяне и посадскіе люди, донскіе казаки (т. е. потомки такихъ-же бѣглецовъ, утекшихъ нѣкогда на Донъ), поволжская вольница, черкасы и частію даже инородцы. Все это были

[1]) „Мининъ и Пожарскій“, стр. 72.

люди буйные и своевольные, грабившіе русскую землю нисколько не хуже поляковъ и литовцевъ: они-то именно и составляли дружину Заруцкаго. Третій набо́льшій человѣкъ, князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкій, принадлежалъ къ исконнымъ боярамъ и являлся типичнымъ представителемъ тѣхъ изъ нихъ, которые скоро стали брезговать своимъ-же ставленникомъ — царемъ Василіемъ Шуйскимъ; ихъ расходившіеся аппетиты властолюбія и самовольства не знали удержу, и они уходили на службу Тушинскаго вора, предпочитая быть первыми у него, чѣмъ послѣдними въ Москвѣ. Къ Трубецкому тянули тѣ изъ служилыхъ людей, которые въ свое время пристали къ вору и были не въ почетѣ у московскаго правящаго боярства; такихъ было не мало, и они-то главнымъ образомъ составляли княжескую рать, приведенную изъ Калуги. Какъ истый московскій бояринъ того времени, Трубецкій не болѣлъ душою о возстановленіи государственнаго порядка; онъ желалъ только вездѣ играть первенствующую роль и обогащаться. За всѣмъ тѣмъ, онъ былъ чище Заруцкаго: по своей боярской чести, онъ невольно удерживался отъ многаго, что позволялъ себѣ этотъ отчаянный проходимецъ.

Разнородность состава ополченія и разнохарактерность его вождей сказались съ первыхъ дней стоянія подъ Москвой. Казаки ненавидѣли служилыхъ, Заруцкій и Трубецкій не терпѣли Ляпунова. Между ними начались пререканія и козни. Горячій Ляпуновъ иногда разражался попреками противъ ратниковъ Трубецкаго, служившихъ вору, и круто преслѣдовалъ своевольства казаковъ; отнималъ помѣстья, данныя Заруцкимъ и Трубецкимъ „тушинцамъ“ и раздавалъ ихъ людямъ

изъ своего лагеря, незапятнаннымъ службою самозванцу. Видя такое нестроеніе своихъ воеводъ, ратные люди написали имъ челобитную, въ которой просили ихъ жить въ любви и совѣтѣ, а ихъ, ратныхъ, жаловать по заслугамъ, а не по личному воеводскому усмотрѣнію, да и на себя брать вотчины „въ мѣру“, чтобы было чѣмъ и послѣ служилыхъ людей жаловать. Эта челобитная въ высшей степени не понравилась Трубецкому и Заруцкому; Ляпуновъ-же, напротивъ, одобрилъ ее и приказалъ составить приговоръ о правильномъ разверстаніи помѣстій. Это окончательно вооружило противъ него товарищей-воеводъ, нахватавшихъ вотчинъ „не въ мѣру“, и они рѣшили отъ него отдѣлаться. Случай къ тому не замедлилъ представиться. Какъ мы уже замѣтили, казаки Заруцкаго дозволяли себѣ всякія безчинства и своевольства: они воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали, а на большихъ дорогахъ не давали спуску проѣзжимъ, особенно торговымъ людямъ. Случилось такъ, что нѣкто Матвѣй Плещеевъ, у Николы на Угрѣши, схватилъ 28 человѣкъ такихъ удальцовъ и утопилъ. Товарищи привезли ихъ трупы къ Москвѣ и въ казацкомъ кругу обвиняли въ этомъ дѣлѣ Ляпунова. Казацкое полчище заволновалось. Избывая бѣды, Ляпуновъ ушелъ изъ стана, направляясь въ родную Рязань, однако служилые упросили его и воротили. Тогда Заруцкій рѣшилъ воспользоваться озлобленностью казаковъ противъ Ляпунова и погубить его. Для этого онъ вошелъ въ сношеніе съ Гонсѣвскимъ, который поддѣлалъ подъ руку Ляпунова „измѣнную грамотку“ и отправилъ ее въ русскій станъ съ плѣннымъ казакомъ. Въ ней Ляпуновъ предлагалъ полякамъ дѣйствовать съ ними за-

одно и въ тоже время ругалъ казаковъ, называя ихъ врагами и раззорителями Московскаго государства. Его потребовали въ казацкій кругъ для „земскаго дѣла“. Заручившись обѣщаніями атамановъ, что ему ничего худого не сдѣлаютъ, Ляпуновъ отправился туда. Трубецкаго и Заруцкаго въ кругу не было. Ему показали „грамотку“ и спросили: онъ-ли ее писалъ? „Не я, отвѣчалъ Ляпуновъ, рука похожа на мою, но я не писалъ“. Казаки однако не стали слушать его оправданій, бросились на него съ саблями и изрубили. Это было 22 іюля 1611 года. Такъ кончилъ свою жизнь этотъ замѣчательный человѣкъ. Руководимый единственно горячимъ желаніемъ помочь гибнущей родинѣ, онъ дѣйствовалъ на массу силою своей воли и приводилъ ее въ движеніе. Чуждый своекорыстія, онъ искренно желалъ общаго блага, но увлекаемый своимъ горячимъ темпераментомъ, часто впадалъ въ ошибки и дѣйствовалъ недостаточно осмотрительно. Однако его прямота и искренность, его готовность жертвовать собою на общее благо и громадная энергія — несомнѣнны и придаютъ ему обликъ эпическаго богатыря.

Смерть Ляпунова была громадною потерею для русскаго дѣла. Пока онъ былъ живъ, ополченіе, несмотря на господствовавшіе въ немъ раздоры, каждый день крѣпко билось съ поляками, окончательно вытѣснило ихъ изъ Бѣлаго города и укрѣпило этотъ послѣдній: поляки были заперты въ стѣнахъ Кремля и Китай-города, и имъ отрѣзано сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Янъ Сапѣга, пытавшійся проложить къ нимъ дорогу, былъ отбитъ. Вслѣдъ за гибелью Ляпунова, дѣятельная осада прекратилась. Потерявъ въ немъ своего главу, перенося отъ казаковъ всяческія неистовства и

наругательства, опасаясь и себѣ смерти отъ нихъ, служилые люди стали разбѣгаться по домамъ, и скоро подъ Москвой остались одни казацкіе таборы. Когда Сапѣга возобновилъ свою попытку доставить запасы осажденнымъ въ Кремлѣ, казаки не устояли и были даже вытѣснены имъ изъ укрѣпленій Бѣлаго города. Съ этого времени дорога въ Кремль оставалась только полуприкрытой. Чувствуя себя господиномъ положенія, Заруцкій провозгласилъ тогда царемъ полугодоваго сына Марины Мнишекъ отъ второго самозванца.

Если мы приведемъ теперь себѣ на память, что 3-го іюня 1611 года, т. е. за семь недѣль до смерти Ляпунова, палъ, наконецъ, истомленный Смоленскъ, и доблестный Шеинъ былъ взятъ въ плѣнъ поляками, а спустя мѣсяцъ (8 іюля), шведскій генералъ Делагарди взялъ Новгородъ, провозгласивъ здѣсь государемъ шведскаго королевича Карла-Филиппа, то мы вполнѣ поймемъ, въ какомъ безотрадномъ положеніи очутилось тогда Московское государство. Представлялось вѣроятнымъ, что оно утратитъ свою самостоятельность и будетъ расчленено между Польшей и Швеціей.

Внутри страны царила полнѣйшая анархія. Не было ни суда, ни управленія: господствовало только право сильнаго. Изъ конца въ конецъ Русской земли, отъ „дикаго поля“ до Холмогоръ, отъ Урала до Новгорода, бродили польскія и казацкія шайки, внося всюду гибель и опустошеніе. Не только города и монастыри, не только села дворцовыя, боярскія и владычныя, но и самыя глухія лѣсныя деревушки страдали отъ этихъ жадныхъ искателей приключеній и золота. Они жгли селенія, убивали и мучили жителей: поджаривали на медленномъ огнѣ, вырѣзали ремни изъ спины, съ жи-

выхъ сдирали кожу, вырывали волосы, отрубали руки и ноги. Крестьяне и посадскіе бѣжали въ лѣса; укрывались въ пещерахъ и шалашахъ, питались лѣсными ягодами и кореньями, боясь показаться на родныхъ пепелищахъ. Когда наступила зима 1612 года, одни изъ нихъ тысячами замерзали по полямъ и лѣсамъ; другіе,— босые, нагіе, изувѣченные,— окольными путями брели, куда глаза глядятъ, и погибали отъ голода и лишеній. Въ это-то безотрадное время яркимъ лучемъ евангельской любви сіяла высокая дѣятельность Троицкаго архимандрита Діонисія, этого „истиннаго брата милосердія“. Онъ всюду разсылалъ своихъ служекъ, приказывалъ имъ, съ опасностью для собственной жизни, подбирать калѣкъ, голодныхъ и холодныхъ и привозить ихъ въ построенные имъ больницы и странноприимные дома. Здѣсь ихъ кормили, одѣвали и лѣчили. Не зная покоя ни днемъ, ни ночью, Діонисій самъ надзиралъ надъ всѣмъ: смотрѣлъ за пищей, давалъ лѣкарства, причащалъ умирающихъ. Хоронили по 15 и болѣе труповъ въ одну могилу, и бывали дни, когда зарывали болѣе 800 труповъ.

Русская земля безлюдѣла и пустѣла...

Настало время, когда, по образному выраженію поэта,

..... на святой Руси
Не покрикивали пахари,
Только вороны, на трупахъ сидя, каркали.

2.

Какъ ни тяжело жилось народу въ злые дни „Лихолѣтья“, однако, и въ это ужасное время въ немъ не изсякалъ источникъ живой нравственной силы,

яркимъ выразителемъ которой былъ патріархъ Гермогенъ. Страдая вмѣстѣ съ народомъ, подъ стражею, въ тѣсной кельѣ Чудова монастыря, онъ не переставалъ взывать къ нему о спасеніи вѣры и государства. Послѣ смерти Ляпунова, когда Заруцкій надумалъ огласить царемъ „Маринкина сына“, Гермогенъ написалъ грамоту въ Нижній Новгородъ, приказывая списки съ нея немедля послать въ Казань, Вологду и Рязань и „во всѣ городы“, чтобы тамъ крѣпко стояли за православную вѣру и писали бы подъ Москву „казацкой атаманьѣ“, что „отнюдь сынъ Маринкинъ на царство не надобенъ: проклятъ отъ св. собора и отъ насъ“. Двое безстрашныхъ [1]) людей, Родіонъ Мосѣевъ и Ратманъ Пахомовъ, доставили эту грамоту въ Нижній въ концѣ августа 1611 года; затѣмъ списки съ нея очень скоро разошлись по всѣмъ поволжскимъ городамъ и вездѣ производили сильное впечатлѣніе. Города сносились другъ съ другомъ, негодуя на казаковъ за смерть Ляпунова и за желаніе ихъ посадить на царство Маринкина сына. Все Поволжье сильно взволновалось, и нуженъ былъ только толчокъ, чтобы воспользоваться этимъ движеніемъ для спасенія государства. Этотъ толчокъ и данъ былъ Мининымъ.

По поводу этой замѣчательной личности, въ свое время происходили пререканія между двумя нашими историками, равно достойными уваженія,—Н. И. Костомаровымъ и И. Е. Забѣлинымъ [2]). Первый, не от-

[1]) Такъ называлъ ихъ самъ Гермогенъ.

[2]) См. статьи перваго: „Вѣстн. Европы“ 1871 г., кн. 6.: Личности Смутнаго времени и „Вѣстн. Европы“ 1872 г. кн. 9.: Кто виноватъ въ Смутномъ времени? Статьи втораго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г., тетради: 2, 3, 4, 5, 6 и 12-ая.

рицая великихъ заслугъ Минина передъ русскимъ народомъ, набрасывалъ нѣкоторую тѣнь на его личный характеръ, находя его человѣкомъ жесткимъ, крутымъ и самовластнымъ. Второй спокойно и весьма вѣско защищалъ великаго нижегородца отъ этихъ нареканій. Мы думаемъ, уже одно то, что Мининъ могъ стать во главѣ крупнаго народнаго движенія, умѣло руководилъ имъ и довелъ до желаннаго конца,— весьма много говоритъ въ пользу его личнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, непремѣнно нужно обладать въ высшей степени отзывчивымъ сердцемъ, чтобы глубоко проникнуться страданіями народа и всецѣло отдаться дѣлу спасенія родины при весьма печальныхъ обстоятельствахъ, вовсе необѣщавшихъ успѣха. Люди съ жесткимъ сердцемъ менѣе всего бываютъ способны на такіе подвиги. Эту „жесткость“ Минина Костомаровъ, главнымъ образомъ, усматриваетъ въ томъ, что онъ не стѣснялся отдавать въ кабалу неимущихъ людей тѣмъ, кто за нихъ платилъ, хотя тутъ-же прибавляетъ, что крутое время требовало и крутыхъ мѣръ. Мы думаемъ, что почтенный историкъ придалъ этой мѣрѣ слишкомъ общее значеніе, какого она въ дѣйствительности не имѣла. Очевидно, въ кабалу отдавались только тѣ изъ посадскихъ неимущихъ („худыхъ“ по тогдашнему выраженію)[1]) людей, которые были неспособны къ ратной службѣ; слѣдовательно эта мѣра касалась очень ограниченнаго числа людей и не могла повлечь за собой зловредныхъ послѣдствій для всего государства. Что касается самовластныхъ

[1]) Посадскіе люди въ до-Петровской Руси раздѣлялись на лучшихъ, среднихъ и худыхъ людей.

(диктаторскихъ) замашекъ Минина, то при самомъ тщательномъ изученіи его дѣйствій, мы не могли ихъ подмѣтить. Правда, что онъ не допускалъ никого вмѣшиваться въ свое дѣло, но нельзя-же въ самостоятельномъ исполненіи своихъ обязанностей видѣть самовластіе. За то онъ и дѣлалъ свое дѣло умѣючи: не только поилъ, кормилъ и одѣвалъ ратныхъ людей, но можно сказать „покоилъ“ ихъ, и такъ хорошо поставилъ денежную часть, что ополченіе ни въ чемъ не видѣло недостатка: напротивъ, во всемъ былъ избытокъ. Козьма Захаровичъ Мининъ былъ тогда въ Нижнемъ земскимъ старостой. Это была выборная должность: старосты выбирались „для государева и земскаго дѣла“ всѣмъ посадомъ и смѣнялись погодно. По своему занятію онъ былъ торговецъ рыбою и мясомъ, а по имущественному положенію принадлежалъ къ числу „лучшихъ людей“ нижегородскаго посада, такъ какъ его торговые обороты доходили до 300 рублей въ годъ, что по тогдашней цѣнности денегъ составляло не малую сумму [1]). Это былъ человѣкъ съ крѣпкою волею и яснымъ разумомъ и въ тоже время необыкновенно впечатлительный. Грамота патріарха Гермогена нашла въ немъ самый живой откликъ; онъ „заскорбѣлъ“ душою, много думалъ и волновался и наконецъ, ощутилъ въ себѣ тотъ-же подъемъ духа, какъ и молодая пастушка въ Домъ-Реми. Тогда-то, на одной изъ сходокъ у Нижегородскаго собора, онъ заговорилъ къ народу. „Поможемъ, православные, Московскому государству, не пожалѣемъ самихъ себя,

---

[1]) Русскій рубль въ 1612 году равнялся 12-ти нынѣшнимъ. (См. изслѣдованіе В. О. Ключевскаго).

найдемъ набо́льшаго человѣка и поднимемся на великое дѣло; за нами встанутъ другіе города и, коли Богъ поможетъ, выгонимъ литовскихъ людей". Нижегородцамъ были любы рѣчи ихъ старосты; нѣсколько разъ собирались они на сходки слушать его и, наконецъ, порѣшили: „будь ты у насъ старшій человѣкъ: сдаемся во всемъ на твою волю". Тогда Мининъ прежде всего сталъ думать съ нижегородскимъ міромъ о будущемъ предводителѣ ратныхъ людей и „облюбовали" они князя Д. М. Пожарскаго.

Мы уже говорили, что князь Пожарскій первый пришелъ къ Москвѣ въ мартѣ 1611 года, храбро бился съ поляками на Срѣтенкѣ и израненный отвезенъ къ Троицѣ, откуда перебрался въ свою суздальскую вотчину Линдеху, въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Туда-то и отправились посланцы нижегородцевъ— печерскій архимандритъ Ѳеодосій и старѣйшій изъ служилыхъ людей Жданъ Болтинъ съ выборными посадскими людьми просить его въ начальники задуманнаго ополченія. Князь, еще худо оправившійся отъ ранъ, не сталъ однако отказываться и заявилъ, что „онъ радъ страдать до смерти за православную вѣру". Онъ посовѣтовалъ нижегородцамъ выбрать изъ своей среды посадскаго человѣка для завѣдыванія казною и указалъ на Минина, какъ на человѣка въ такомъ дѣлѣ бывалаго. Тотъ сначала отказывался но, наконецъ, согласился и потребовалъ заручнаго приговора въ томъ, чтобы слушаться во всемъ его и князя Пожарскаго и давать деньги на ратныхъ людей. По составленіи такого приговора, Мининъ обложилъ всѣхъ „пятою деньгою", т. е. каждый долженъ былъ пожертвовать на общее дѣло пятую часть имущества,

оцѣнку котораго производили особые выборные люди, цѣловавшіе крестъ въ томъ, чтобы разверстывать этотъ окладъ правильно и безобидно. Взносы требовались немедленно, потому-что дѣло не терпѣло отлагательства. Нашлись при этомъ, какъ всегда бывало на Руси, и добровольные жертвователи, охотно дававшіе на благое дѣло болѣе, чѣмъ требовалось. Такимъ образомъ, начала скопляться земская казна, легшая въ основаніе великаго народнаго предпріятія для спасенія государства.

Н. П. Костомаровъ, дѣлая общую характеристику личностей Смутной эпохи [1]), говоритъ, что по скудности современныхъ источниковъ трудно представить ихъ въ рельефныхъ образахъ. Конечно, наши лѣтописцы не оставили историческихъ характеристикъ отдѣльныхъ личностей, но за то они сообщаютъ факты, относящіеся къ ихъ дѣятельности. Будучи критически провѣрены, эти факты даютъ полную возможность отличить людей храбрыхъ отъ трусливыхъ, прямыхъ и крѣпкихъ отъ гибкихъ и фальшивыхъ. Не бѣда, если при этомъ второстепенныя черты и незначительныя подробности стушуются и пропадутъ: для исторіи онѣ не важны. Отъ этого только немного пострадаетъ ея художественное изложеніе, но отнюдь не научная сторона. Обращаясь въ частности къ личности Пожарскаго, уважаемый историкъ говоритъ, что его образъ освободителя и спасителя Руси созданъ нашимъ воображеніемъ; что въ сущности онъ — не болѣе, какъ неясная тѣнь, и затѣмъ недоумѣваетъ — почему ниже-

[1]) Въ упомянутой уже статьѣ „Личности Смутнаго времени“.

городцы выбрали его въ воеводы. Между тѣмъ отвѣтъ на этотъ вопросъ вполнѣ ясенъ, и именно въ немъ находится ключъ къ разгадкѣ нравственной личности князя Пожарскаго. „Онъ былъ къ ратному дѣлу обыченъ и ни въ какой измѣнѣ не явился“, говоритъ лѣтописецъ. Это значитъ, что князь хорошо зналъ воинское дѣло и ни разу не измѣнилъ законной власти. А такихъ чистыхъ людей оставалось тогда немного были люди, болѣе его заявившіе о своихъ способностяхъ, но болѣе чистыхъ, по истинѣ, не было. Въ этомъ человѣкѣ дѣйствительно не было ничего яркаго и эффектнаго, но за то была та древне-русская крѣпкостоятельность, которою строилось наше государство; за нимъ не числилось выдающихся военныхъ подвиговъ, но онъ зналъ ратное дѣло и обладалъ въ немъ большою опытностію.

Въ сентябрѣ 1611 года Пожарскій прибылъ въ Нижній, и вслѣдъ затѣмъ во всѣ города посланы были гонцы съ грамотами, въ которыхъ жители призывались „стать за одинъ и промышлять надъ польскими и литовскими людьми“. Эти грамоты вызывали такое-же движеніе, какъ во времена Ляпунова: происходили народныя сходки, составлялись приговоры, собирались деньги на жалованье ратнымъ людямъ и формировались ополченія. Поволжскіе города, населенные народомъ торговымъ, бойкимъ и смышленнымъ, живѣе другихъ откликнулись на призывъ нижегородцевъ, и скоро въ Нижній стали подходить ополченія изъ ближнихъ городовъ. Однако Мининъ и Пожарскій не спѣшили походомъ къ Москвѣ, очень хорошо понимая, что прежде всего слѣдуетъ заняться устройствомъ ополченія и дѣйствовать при этомъ осмотрительно и

*

осторожно. Нужно было сдружить людей, сплотить ихъ воедино, уничтожить всякую рознь; подобрать надежныхъ подручныхъ воеводъ, запастись оружіемъ и провіантомъ и устроить пушкарскій снарядъ. На все это понадобилось немалое время, и только въ концѣ февраля 1612 года ополченіе выступило въ походъ, направляясь вверхъ по Волгѣ — къ Ярославлю.

Замѣчательно, что почти одновременно съ выступленіемъ ополченія изъ Нижняго окончилъ свои дни патріархъ Гермогенъ, этотъ великій патріотъ, успѣвшій еще разъ поднять русскій народъ для спасенія своей вѣры и самобытности. Когда слухъ о сформированіи нижегородскаго ополченія дошелъ до Москвы, бояре и Гонсѣвскій снова приступили къ нему, требуя чтобы онъ написалъ въ Нижній и остановилъ возстаніе. Гермогенъ рѣзко отказалъ: „да будетъ надъ ними милость отъ Бога и наше благословеніе, а на васъ, измѣнниковъ, да изліется гнѣвъ Божій и да будете вы прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“. Тогда его заперли еще тѣснѣе, перестали давать ему пищу, и 17-го февраля Гермогенъ скончался отъ голода. Въ эти скорбные дни онъ всетаки имѣлъ утѣшеніе сознавать, что не попусту раздавался его призывъ по Русской землѣ, и что русскіе люди еще постоятъ за свою вѣру и народность.

Дѣйствительно, это чувство одушевляло народъ, который повсюду съ истинною радостью встрѣчалъ нижегородское ополченіе, доставлялъ ему деньги и ратныхъ людей и въ тоже время требовалъ избранія царя [1]). Въ Ярославль ополченіе пришло во второй

[1]) Письмо Массы. (Вѣстн. Европы за 1868 г., кн. 1).

половинѣ марта. Мининъ и Пожарскій рѣшили здѣсь остановиться и выяснить обстоятельства, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать. Еще на дорогѣ къ Ярославлю они услышали, что подъ Москвой творится недоброе: тамъ цѣловали крестъ третьему самозванцу — псковскому вору Сидоркѣ, и Заруцкій послалъ своихъ казаковъ занять Угличъ и Пошехонье. Они хотѣли захватить и Ярославль, но не успѣли: передовой отрядъ нижегородской рати, подъ начальствомъ князя Пожарскаго-Лопаты, предупредилъ ихъ. Въ тоже время стало извѣстно, что близъ Бѣжецка стоитъ большая рать черкасъ, а Тихвинъ занимаютъ шведы. Двигаться къ Москвѣ было весьма рискованно когда въ тылу ополченія и съ правой его стороны все было враждебно. Пожарскій и Мининъ рѣшили собрать земскій совѣтъ [1]) и въ началѣ апрѣля разослали грамоты по городамъ, призывая выборныхъ [2]). Часть ихъ, вѣроятно, изъ ближайшихъ городовъ, явилась въ Ярославль и вмѣстѣ съ начальными людьми ополченія они стали думать, какъ лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ? Рѣшено было на черкасъ, казаковъ и гетмана Ходкѣвича, бродившаго по Русской землѣ для сбора запасовъ, осажденнымъ въ Кремлѣ полякамъ, послать ратныхъ людей, а въ города, уже примкнувшіе къ нижегородцамъ, воеводъ съ отрядами, чтобы не явилось тамъ какой-либо шатости;

---

[1]) Мы не рѣшаемся назвать его земскимъ соборомъ по отсутствію на немъ достаточнаго числа выборныхъ людей, которые могли-бы представлять всю Русскую землю.

[2]) В. Н. Латкинъ: Зем. Соборы, стр. 118.

къ шведамъ-же, предлагавшимъ въ цари королевича Карла Филиппа, отправить посланцевъ для переговоровъ. Очевидно, земскій совѣтъ, по отсутствію на немъ достаточнаго числа выборныхъ, чувствовалъ себя некомпетентнымъ для рѣшенія этого послѣдняго вопроса и потому въ іюнѣ 1612 г. снова разослалъ грамоты по городамъ о присылкѣ выборныхъ для рѣшенія его [1]). Профессоръ Маркевичъ [2]) допускаетъ, что князь Пожарскій серьёзно думалъ тогда объ избраніи царя изъ иноземныхъ владѣтельныхъ родовъ и кромѣ шведскаго королевича имѣлъ также въ виду эрцгерцога Максимиліана австрійскаго, о чемъ и велъ переговоры съ императорскимъ посломъ Юсуфомъ, возвращавшимся изъ Персіи чрезъ Ярославль. Быть можетъ, лично у Пожарскаго и были такія мысли въ виду отсутствія подходящихъ кандидатовъ изъ русскихъ родовъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что народъ не желалъ избранія въ цари иноземца. Кромѣ свидѣтельства новаго лѣтописца [3]), что у выборныхъ людей въ Ярославлѣ „и въ думѣ не было взяти на московское государство иноземца“, это подтверждается грамотою соловецкаго игумена Антонія шведскому королю Карлу IX, отъ 12 марта 1611 г., въ которой онъ прямо заявляетъ, что „у святѣйшаго патріарха, у бояръ и у всѣхъ го-

---

[1]) Изъ сибирскихъ городовъ, по отдаленности ихъ, требовались письменные совѣты; тѣмъ не менѣе, выборныхъ прибавилось все-таки немного, ибо совокупность ихъ не называется земскимъ соборомъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ. (Т. I, стр. 1).

[2]) Его статья: „Избраніе на царство М. Ѳ. Романова“. (См. выше).

[3]) Никон. лѣтоп., VIII, стр. 181—5.

родовъ... совѣтъ единомышленный: не хотимъ никого иновѣрцевъ на Московское государство" [1]). Въ виду этого, необходимо допустить, что мысль Пожарскаго не могла найти сочувствія въ земскомъ совѣтѣ, и потому его посланцы только поманили шведовъ надеждою, что нижегородское ополченіе готово заодно съ Новгородомъ выбрать въ цари королевича, если онъ приметъ православную вѣру, и въ томъ заключили съ ними договоръ 26 іюля 1612 года [2]). Очевидно, необходимость заставляла на время поддержать со шведами миръ и любовь, чтобъ они не мѣшали движенію къ Москвѣ, куда немедленно и выступилъ Пожарскій. Собравшіеся въ Ярославлѣ выборные люди послѣдовали за ополченіемъ.

Выжидательное положеніе, въ которомъ оставалось ополченіе до конца іюля, несомнѣнно принесло большую пользу общему дѣлу. Еще до заключенія договора со шведами, воеводы Пожарскаго разбили черкасъ и выгнали казаковъ изъ Углича и Пошехонья. Трубецкій и Заруцкій, убѣдившись, что нижегородское возстаніе разрослось, окрѣпло и остановить его невозможно, рѣшили раскаяться въ своей присягѣ третьему вору и 6-го іюня прислали въ Ярославль повинную грамоту. Правда, что они дѣлали это неискренно: эти казацкіе воеводы никогда не могли всей душой примкнуть къ земскому дѣлу. Однако такой ихъ поступокъ служитъ показателемъ времени: очевидно, смута стала уже истощать свои силы, и въ народѣ крѣпло единенье въ одной мысли: утишить государство и изгнать

---

[1]) Акты Арх. Эксп., II, № 180.

[2]) Нов. Лѣтоп., 150.

поляковъ. Заруцкій понялъ, что приходитъ конецъ его позорному властелинству. Наружно онъ показывалъ смиреніе, а внутри таилъ желаніе погубить Пожарскаго, и въ іюлѣ подослалъ къ нему убійцъ. Однако покушеніе не удалось. Казакъ Стенька хотѣлъ ударить князя ножемъ въ тѣсной толпѣ, но промахнулся и ранилъ только другого казака, Романа, поддерживавшаго подъ руку Пожарскаго. Стенька былъ схваченъ и указалъ товарищей. Они всенародно покаялись въ своей винѣ и были отпущены княземъ на всѣ четыре стороны. Послѣ этого Заруцкому было уже зазорно оставаться подъ Москвой: онъ взялъ своихъ казаковъ и ушелъ сначала въ Коломну къ Маринѣ Мнишекъ, а затѣмъ бѣжалъ съ нею на югъ. Въ Ростовѣ явились къ Пожарскому посланцы Трубецкаго съ просьбою идти поскорѣе къ Москвѣ; однако это была только показная цѣль ихъ посольства, а на самомъ дѣлѣ они пришли развѣдать — какъ настроены къ казакамъ земскіе воеводы и все ополченіе? Самъ Трубецкій и его атаманы знали свои вины и опасались теперь возмездія за смерть Ляпунова, грабежи и раззореніе Русской земли и за дружбу съ явнымъ измѣнникомъ Заруцкимъ. Дѣйствительно, Мининъ и Пожарскій не довѣряли казакамъ и даже опасались ихъ, тѣмъ болѣе, что они очень недружелюбно встрѣтили подъ Москвой два передовые полка земскаго ополченія, посланные изъ Ярославля до выступленія самого князя. Однако ничего худого казацкіе посланцы отъ земскихъ людей не увидѣли: ихъ одарили деньгами и сукнами и отпустили. 14-го августа ополченіе пришло къ Троицѣ и было встрѣчено съ честію архимандритомъ Діонисіемъ съ братіею. Пожарскій имѣлъ въ виду пробыть

здѣсь нѣсколько времени, чтобы договориться обо всемъ накрѣпко съ Трубецкимъ и его атаманами, но получивъ вѣсть, что гетманъ Ходкѣвичъ подходитъ къ Москвѣ, тронулся снова въ походъ. Вечеромъ 20-го августа ополченіе пришло къ Москвѣ и остановилось въ пяти верстахъ отъ нея, а на утро вступило въ городъ. Трубецкій выѣхалъ на встрѣчу Пожарскому и приглашалъ стать вмѣстѣ съ его таборами, но Мининъ и Пожарскій по общему совѣту всей рати, отказались, опасаясь „казацкаго развратья“. Трубецкій съ казаками стоялъ у Яузкихъ воротъ — на восточной сторонѣ города; земское ополченіе расположилось на западной — вдоль Бѣлгородской стѣны до Алексѣевской башни; у Арбатскихъ воротъ Пожарскій заложилъ свой станъ и наскоро окопался. 22 августа Ходкѣвичъ началъ свое наступленіе отъ Поклонной горы. Въ его войскѣ преобладала конница; кромѣ поляковъ были венгры и малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ Наливайки; сзади слѣдовалъ обозъ изъ четырехсотъ возовъ съ запасами для осажденныхъ въ Кремлѣ. Гетманъ переправился черезъ Москву рѣку у Новодѣвичьяго монастыря, смялъ русскій отрядъ, охранявшій переправу, и ударилъ на полки Пожарскаго. Завязалась горячая битва, длившаяся отъ перваго часа дня до осьмаго. Пожарскому приходилось жутко потому что у него было мало конницы, а казаки не оказывали никакой помощи. Они даже злорадствовали надъ земскими ратниками: „богаты-де пришли изъ Ярославля, и одни отобьются отъ гетмана“. Трубецкій, выпросившій у него наканунѣ битвы пять конныхъ сотенъ, не только не шелъ самъ на подмогу, но не отпускалъ и сотенъ Пожарскаго. Однако сотенные

головы не выдержали и безъ его приказа бросились на выручку своихъ, а ихъ примѣръ увлекъ и четырехъ атамановъ. Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ къ Донскому монастырю, такъ что его станъ теперь приходился противъ таборовъ Трубецкаго. Быть можетъ, онъ замѣтилъ, что казаки дѣйствуютъ вяло, и надѣялся встрѣтить здѣсь меньшее сопротивленіе. 24-го августа Ходкѣвичъ возобновилъ свою атаку, разсчитывая пройти черезъ Замоскворѣчье, хоть это было нелегко вслѣдствіе множества рвовъ, загораживавшихъ путь, въ которыхъ залегли казаки. Однако конница гетмана скоро выгнала ихъ оттуда и, спѣшившись, расчищала путь для медленно-подвигавшагося обоза. Такимъ образомъ Ходкѣвичъ дошелъ до островка у церкви св. Климента, выбилъ оттуда остальныхъ казаковъ и сталъ здѣсь укрѣпляться. Между тѣмъ Трубецкій отошелъ со своими таборами къ устью Яузы и не хотѣлъ болѣе драться съ поляками. Русское дѣло проигрывало. Тогда Пожарскій послалъ къ казакамъ Троицкаго келаря, Авраамія Палицына, который пообѣщалъ имъ за подмогу „всю Сергіеву казну“. Это подѣйствовало на нихъ. По предварительному уговору, они одновременно съ Пожарскимъ бросились на Климентовскій острожекъ; поляки, поражаемые съ двухъ сторонъ, не устояли и побѣжали, оставивъ весь свой обозъ. Между тѣмъ Мининъ, взявъ нѣсколько сотъ дѣтей боярскихъ, бросился за Москву-рѣку и быстро напалъ на двѣ резервныя роты гетмана, смялъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Пораженіе Ходкѣвича было полное: у него осталось всего четыреста лошадей, и онъ быстро ушелъ отъ Москвы.

Русскимъ ратнымъ людямъ стало свободнѣе и легче.

Но если между казаками и земцами обнаруживалась рознь даже въ виду врага, то тѣмъ болѣе сказалась она теперь. Величаясь своимъ боярствомъ, князь Дмитрій Тимофеевичъ требовалъ, чтобы Пожарскій ѣздилъ къ нему на совѣты, а тотъ не ѣхалъ, опасаясь участи Ляпунова. Между тѣмъ „старые заводчики всякаго зла — Иванъ Шереметевъ, князь Григорій Шаховской, Плещеевъ и князь Засѣкинъ съ товарищи учали научать атамановъ и казаковъ на всякое зло, чтобы развратье и ссору въ землѣ учинить“ [1]). Безъ сомнѣнія, они дѣйствовали такъ по внушенію старѣйшихъ бояръ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ, которые очень желали разсѣять земское ополченіе и не теряли надежды, при помощи короля Сигизмунда, повернуть дѣло въ свою сторону. Однако, къ счастью, до открытаго столкновенія все-таки не дошло. Трубецкій и Пожарскій поладили между собою и рѣшили съѣзжаться на совѣты на Трубѣ (на Неглинной), — почти на срединѣ между обоими лагерями. Въ этихъ совѣтахъ участвовалъ и Мининъ, какъ выборный отъ всей земли человѣкъ. Здѣсь установили „разрядъ“ и другіе приказы и сообща стали вѣдать земское и ратное дѣло, при содѣйствіи и участіи земскаго совѣта изъ выборныхъ людей, прибывшихъ въ Москву вмѣстѣ съ ополченіемъ. Грамоты писались отъ имени обоихъ воеводъ и въ города дано было знать, чтобы тамъ исполнялись только тѣ грамоты, которыя писаны отъ обоихъ князей, а если придетъ грамота отъ одного, то ее не слушать. Между тѣмъ, поляки были накрѣпко осаждены въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Русскіе сдѣлали туры и съ нихъ палили по городу.

---

[1]) Акты юридич. быта, изд. Н. В. Калачова, т. 2, стр. 601.

Гонсѣвскаго въ это время уже не было въ Кремлѣ: еще въ маѣ 1612 г. онъ былъ отозванъ Сигизмундомъ и замѣненъ Струсемъ. Въ половинѣ сентября Пожарскій отправилъ польскимъ начальникамъ письмо: убѣждалъ ихъ сдаться, обѣщая отпустить въ отечество. Однако поляки еще надѣялись на выручку ихъ гетманомъ и послали надменный отвѣтъ. Между тѣмъ запасы у нихъ истощались, а Ходкѣвичъ не шелъ. Въ началѣ октября насталъ голодъ, а за нимъ явились болѣзни и усиленная смертность. 22 октября Трубецкій пошелъ на приступъ Китай-города. Поляки были не въ состояніи защищать его и ушли въ Кремль, откуда выслали боярскихъ женъ, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ. Казаки возъярились и хотѣли ограбить боярынь, однако Пожарскій защитилъ ихъ и отправилъ въ свой станъ. Прошелъ еще одинъ день, и поляки, окончательно истомленные голодомъ, рѣшили сдаться. Струсь написалъ Пожарскому, прося пощадить ихъ жизнь, что и было ему обѣщано отъ имени обоихъ предводителей. 24 октября поляки отворили кремлевскія ворота, выходившія на Неглинную, и выпустили сначала русскихъ — бояръ и купцовъ, сидѣвшихъ въ осадѣ, а затѣмъ и сами побросали оружіе. Казаки хотѣли перебить бояръ, какъ измѣнниковъ, а животы ихъ подѣлить между собою, но земскіе люди охранили ихъ и увели къ себѣ. Плѣнные поляки были подѣлены между обоими лагерями, имущество-же ихъ взято въ казну, и Мининъ роздалъ его алчнымъ казакамъ. Многіе изъ плѣнниковъ, попавшихъ въ казацкіе таборы, были убиты; доставшіеся-же Пожарскому всѣ уцѣлѣли: они были разосланы по городамъ и посажены въ тюрьмы для охраненія отъ народной ярости. На слѣдующій

день, 25 октября, крестный ходъ, съ Троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ во главѣ, вошелъ въ Кремль, а за нимъ двинулись туда и русскія ополченія. Князь Трубецкій занялъ домъ Бориса Годунова, а Пожарскій остановился въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Теперь, когда польское дѣло было окончательно проиграно, король Сигизмундъ, вмѣстѣ съ сыномъ Владиславомъ, поднялся походомъ на Москву и въ ноябрѣ придвинулся къ Волоколамску [1]). Отсюда онъ послалъ двухъ членовъ бывшаго великаго посольства, князя Мезецкаго и дьяка Грамотина, въ сопровожденіи военнаго отряда, склонять московское войско къ признанію Владислава царемъ. Воеводы выслали войско и заявили, что слышать не хотятъ о Владиславѣ: съ тѣмъ польскій отрядъ и пошелъ къ королю, а князь Мезецкій убѣжалъ въ Москву. Сигизмундъ сдѣлалъ затѣмъ попытку взять Волоколамскъ, но не успѣлъ въ этомъ и повернулъ въ Польшу.

Въ началѣ ноября 1612 года [2]), по всей Русской землѣ разосланы были грамоты, извѣщавшія объ очищеніи Москвы отъ польскихъ и литовскихъ людей и о необходимости немедленнаго выбора царя, такъ какъ „безъ государя Московское государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется“ [3]). Бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, составлявшіе земскій совѣтъ при временномъ правленіи двухъ князей-воеводъ, при-

---

[1]) 147 верстъ отъ Москвы.

[2]) Дополн. къ Акт. Истор., I, № 166, стр. 294.

[3]) Дворц. Разряды, т. I, стр. 10.

глашали, чтобы изъ всѣхъ городовъ Россійскаго царства „митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены были къ нимъ, боярамъ и воеводамъ, къ Москвѣ, и изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ людей, и изъ посадскихъ, и изъ уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по сколько человѣкъ пригоже [1]), для земскаго великаго совѣту и для государскаго выбора прислали къ Москвѣ-же, и чтобы власти и выборные люди ѣхали, договорясь въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ выборѣ полные договоры“ [2]). Большая часть выборныхъ людей собралась въ Москву въ декабрѣ 1612 г., и тогда-же начались засѣданія избирательнаго собора. „О государскомъ обираніи мыслили многое время“ [3]) и прежде всего постановили: „литовскаго и свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей (т. е. иностранныхъ принцевъ) на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть“ [4]). Затѣмъ разсуждали о выборѣ государя изъ служилыхъ царевичей татарскаго происхожденія, но среди ихъ подходящихъ кандидатовъ не оказалось. Тогда заговорили о представителяхъ видныхъ боярскихъ родовъ: „кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ?“ Именитѣйшимъ изъ нихъ былъ, конечно, князь Ѳедоръ

---

[1]) Г. Латкинъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ грамоту, гдѣ сказано, чтобы изъ городовъ присылали *по десяти человѣкъ*. („Земскіе Соборы“, 124, прим. 1).

[2]) Собр. Государ. Грам. и Договоровъ, т. I.

[3]) Дворц. Разряды, т. I, стр. 20.

[4]) Ibid., стр. 13.

Ивановичъ Мстиславскій, но помимо того, что онъ былъ уже не молодъ и безроденъ, его дѣятельность, послѣ сверженія Шуйскаго, обнаружила польскія симпатіи. Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій приходился своякомъ царю Василію, слѣдовательно стоялъ въ водоворотѣ боярскихъ козней, и на него невольно ложилась тѣнь минувшихъ печальныхъ событій. Наиболѣе виднымъ представителемъ третьяго именитаго рода, Голицыныхъ, былъ князь Василій Васильевичъ, находившійся плѣнникомъ въ Польшѣ. По выраженію Пожарскаго, это былъ „столпъ, котораго всѣ-бы держались и слушались“. Въ виду этого, можно не безъ основанія предполагать, что будь онъ тогда въ Москвѣ, его кандидатура была-бы самой выдающейся, тѣмъ болѣе, что твердость, выказанная имъ въ качествѣ посла подъ Смоленскомъ, еще болѣе усилила его популярность. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что на соборѣ говорили именно о немъ, какъ это допускаетъ и Н. И. Костомаровъ, а не о князѣ Иванѣ Васильевичѣ Голицынѣ, какъ предполагаетъ г. Маркевичъ, хотя, разумѣется, не могли его избрать, ибо тогда не достигалась-бы самая главная цѣль — скорѣе имѣть государя. Въ числѣ кандидатовъ упоминались также два князя Димитрія — освободители Москвы — Трубецкій и Пожарскій. Родъ перваго изъ нихъ въ знатности не уступалъ Голицынымъ, но самъ князь Дмитрій Тимофеевичъ запятналъ себя тушинскою службою и якшаніемъ съ Заруцкимъ. Пожарскій былъ рюриковичъ, но происходилъ изъ захудалаго рода; его личныя заслуги были велики, а служба чиста и безупречна, но судьба поставила его въ товарищество съ Трубецкимъ. Можно предполагать, что за него были-бы не малые

голоса, но избрать его помимо Трубецкаго — значило возбудить зависть этого послѣдняго, человѣка весьма вліятельнаго въ качествѣ казацкаго предводителя, а это грозило новымъ „развратьемъ“. Такимъ образомъ мы видимъ, что соборъ имѣлъ передъ собой нѣсколько кандидатовъ, и вслѣдствіе этого шли большія пререканія: „многое было волненіе всякимъ людемъ, кійждо бо хотяше по своей мысли дѣяти“, говоритъ Новый Лѣтописецъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что все это происходило на предварительныхъ засѣданіяхъ собора: къ рѣшительному избранію царя еще не приступали. Такъ прошли декабрь и январь мѣсяцы, а въ началѣ февраля на соборѣ сильно заговорили о кандидатурѣ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова [1]). Изъ хронографа князя Оболенскаго [2]) видно, что нѣкоторые изъ членовъ собора возбудили вопросъ: „есть-ли у насъ царское прирожденіе?“ Въ отвѣтъ на него, одинъ галичскій дворянинъ и какой-то донской атаманъ предложили выписи „о сродствѣ царевѣ“, въ которыхъ значилось, что „той Михаилъ Ѳедоровичъ царю Ѳедору Ивановичу, по матери его благовѣрной царицѣ Анастасіи Романовнѣ, племянникъ“ [3]). Мы соглашаемся съ г. Маркевичемъ, что это родство — не близкое, однако нельзя отрицать, что оно имѣло извѣстное значеніе для выборныхъ, тѣмъ болѣе, что Никита Романовъ, въ качествѣ царскаго родственника, пользовался популярностью, сохранившеюся даже въ народныхъ

---

[1]) А. И. Маркевичъ, Журн. Мин. Нар. Пр. за 1891 г., кн. 9, стр. 193.

[2]) Прилож. къ кн. г. Забѣлина: „Мининъ и Пожарскій“, № XVI

[3]) Однако двоюродный.

пѣсняхъ. Въ пользу выбора Михаила говорило также то обстоятельство, что Романовы, послѣ Мстиславскаго и Воротынскаго, были наиболѣе древнимъ, виднымъ и богатымъ боярскимъ родомъ; другіе старые и богатые боярскіе роды стояли уже ниже Романовыхъ и притомъ были болѣе или менѣе скомпрометированы въ Смутное время, а Михаилъ, по своимъ лѣтамъ, конечно, былъ совершенно чуждъ всякой вражды и козней и являлся представителемъ не печальнаго прошлаго, а свѣтлаго будущаго. Совокупность этихъ условій дѣлала выборъ Михаила пріятнымъ народу и въ тоже время удовлетворяла бояръ, желавшихъ имѣть такого государя, за котораго, по его молодости, они могли бы править царствомъ. 7-го февраля 1613 года выборъ Михаила ясно обозначился, однако окончательное рѣшеніе было отложено на двѣ недѣли: ждали пріѣзда остальныхъ выборныхъ, и въ тоже время соборъ хотѣлъ вывѣдать мнѣніе народа на счетъ избранника, для чего въ ближніе города посланы были надежные люди. Оказалось, что избраніемъ Михаила вездѣ были довольны. 21-го февраля состоялось окончательное голосованіе собора [1]). Голоса подавались по сословіямъ, и всѣ единодушно высказались за Романова. Тогда соборъ рѣшилъ спросить о своемъ выборѣ мнѣніе московскаго народа, заливавшаго Красную площадь. Для этого на лобное мѣсто вышли: рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ, келарь Авраамій и бояринъ Морозовъ. Но прежде, чѣмъ они предложили свой вопросъ, раздались крики: „Михаилъ

[1]) Передъ этимъ днемъ по всей Русской землѣ наложенъ былъ строгій, трехдневный постъ.

Ѳедоровичъ Романовъ будетъ намъ царь-государь!“ Немедленно въ Успенскомъ соборѣ пропѣли молебенъ съ многолѣтіемъ нареченному царю, и тутъ же присягнули ему всѣ, начиная отъ бояръ до простыхъ казаковъ. Вслѣдъ затѣмъ во всѣ города разосланы были извѣстительныя грамоты о выборѣ государя, а въ Ипатьевскій монастырь отправилось посольство для приглашенія Михаила Ѳедоровича на царство.

Г. Маркевичъ [1]) говоритъ, что избраніе Михаила было дѣломъ лицъ, „овладѣвшихъ народнымъ движеніемъ“ 1612 года. Это выраженіе кажется намъ не совсѣмъ точнымъ. Во главѣ этого движенія, какъ извѣстно, стояли Мининъ и Пожарскій, дѣйствовавшіе отъ имени земскаго совѣта, и, конечно, не ихъ разумѣетъ здѣсь уважаемый профессоръ, а бояръ, которые достигли избранія угоднаго имъ кандидата, приспособившись къ народному желанію. Однако трудно допустить, чтобы люди, подобные Ѳедору Ивановичу Шереметеву, въ которыхъ современники видѣли „заводчиковъ всякаго зла“, могли стать господами положенія. Нельзя отрицать ихъ желанія „довести свое дѣло до конца“, то-есть прибавить воли и власти боярству, но нѣтъ основаній полагать, что этого имъ удалось достигнуть. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы эти бояре были такъ вліятельны на земскомъ соборѣ, какъ допускаетъ г. Маркевичъ, то они не преминули бы утвердить такія-же ограничительныя условія для новаго царя, на какія присягнулъ Шуйскій. Между тѣмъ, разобравъ критически всѣ извѣстія о записи, предложенной Михаилу Ѳедоровичу, г. Маркевичъ пришелъ къ тому за-

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. за 1891 г., кн. 9, стр. 199.

ключенію, что она не имѣла ограничительнаго характера и выражала лишь рядъ пожеланій со стороны избирательнаго собора, которыя были необязательны для государя. Какъ извѣстно, самой записи въ русскихъ источникахъ не сохранилось, и содержаніе ея цитируется по шведскому писателю Страленбергу, жившему въ первой четверти XVIII вѣка, который приводитъ [1]) слѣдующіе пункты: 1) религію блюсти и охранять; 2) все, что случилось съ отцомъ государя, забыть и простить, и не помнить ни о какой частной враждѣ; 3) не создавать новыхъ законовъ и не отмѣнять старыхъ; важныя дѣла по закону и не по собственному усмотрѣнію, а правильнымъ судомъ рѣшать; 4) ни войны, ни мира съ сосѣдями одному и по собственному усмотрѣнію не предпринимать, и 5) свои имѣнія, для проявленія справедливости и во избѣжаніе всякихъ процессовъ съ частными лицами, или своимъ родственникамъ уступить, или ихъ къ государственнымъ имуществамъ присоединить. Трудно судить, насколько точно передалъ Страленбергъ содержаніе записи, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что въ приведенныхъ условіяхъ нѣтъ ничего такого, что было-бы несовмѣстно съ возможными пожеланіями со стороны собора. Напротивъ, ихъ полная объективность, чуждая какихъ бы то ни было сословныхъ интересовъ, показываетъ, что они были продиктованы не одними боярами, какъ запись Шуйскаго [2]). Отсюда мы вправѣ за-

[1]) Русскій переводъ изъ V главы — въ приложеніи къ статьѣ г. Маркевича. (Ж. М. Н. Пр. за 1891 г., кн. 10, стр. 407).

[2]) Въ которой напр. прямо сказано: „Не осудя истиннымъ судомъ *съ бояры своими* смерти не предати и вотчинъ и животовъ (осужденныхъ) не отъимати“. (См. выше, стр. 124, примѣч.).

*

ключить, что олигархическія стремленія бояръ не встрѣтили себѣ поддержки на избирательномъ соборѣ. Быть можетъ, именно въ виду этого бояре нашли необходимымъ заручиться, помимо земскаго собора, клятвеннымъ обѣщаніемъ Михаила, передъ самой его коронаціей, что онъ не будетъ казнить за вины ихъ смертію, а только „разсылать въ затоки“. Объ этомъ обстоятельствѣ находится характерный разсказъ въ прибавленіи къ первой Псковской лѣтописи, который приводитъ въ своемъ изслѣдованіи г. Маркевичъ [1]). Авторъ разсказа сильно порицаетъ бояръ за то, что они „лестью уловиша царя и къ ротѣ (присягѣ) его приведоша“, и этимъ объясняетъ ихъ самовольства въ первые годы царствованія Михаила.

Съ избраніемъ его, безгосударное время кончилось, но смута еще долго давала знать о себѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ волны народнаго движенія улеглись окончательно, и русская жизнь вошла въ обычную колею.

Дорого обошлось народу увлеченіе призракомъ Димитрія. Много было слезъ и горя во время „лихолѣтья“; Русская земля замутилась, обезлюдѣла, запустѣла... Но вотъ народъ какъ-бы опомнился, одумался и уразумѣлъ свою ошибку. Царевича Димитрія нѣтъ въ живыхъ, это стало наконецъ ясно народу. Его обманывали и морочили разные плуты-проходимцы, мутили бояре, били и грабили поляки. Это сознаніе электрическимъ токомъ пробѣжало по разлагавшемуся народному тѣлу, сплотило и оживило его. Волга и тогда была уже главной артеріей народнаго организма; весьма

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. за 1891 г., кн. 10, стр. 380.

естественно, что здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ-либо, обнаружилась живая самодѣятельность народа, его стремленіе — постоять за свою землю. Послышались отголоски древняго, вѣчеваго уклада: каждый городъ, каждый уѣздъ начинаетъ *вѣчевать*, причемъ думаетъ не о себѣ только, а о нестроеніи и невзгодѣ всей земли, о спасеніи общей религіозной святыни въ Москвѣ и о возстановленіи царской власти. Люди всякаго чина и званія сходятся на городскихъ и сельскихъ площадяхъ; судятъ про общее дѣло, собираютъ жертвы; выслушиваютъ гонцовъ отъ сосѣднихъ городовъ и уѣздовъ, сами пишутъ отвѣтныя грамоты; снаряжаютъ ратниковъ и принимаютъ мѣры къ самооборонѣ. Въ сопоставленіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ нашей исторіи, это явленіе весьма замѣчательно. Послѣ упраздненія вѣчевыхъ порядковъ и собранія Руси въ одно государственное тѣло подъ властью царя, народу представилась теперь возможность свободно высказаться относительно того и другаго уклада жизни. Мы видимъ, что въ то время онъ еще не забылъ старыхъ формъ своего государственнаго быта и, будучи предоставленъ самъ себѣ, сейчасъ-же воспользовался ими для выраженія своихъ завѣтныхъ желаній спасти, во что-бы то ни стало, Русскую землю и выбрать царя. Такимъ образомъ народъ ясно выказалъ свое предпочтеніе формамъ государственной жизни, установившимся въ царскій періодъ, и не пожелалъ вернуться къ удѣльно-вѣчевымъ. Потому-то эти послѣднія окончательно исчезаютъ изъ народной жизни, которая искала для себя уже новыхъ путей и ждала обновленія не отъ возврата къ старинѣ, а отъ живаго общенія съ верховной властью при посредствѣ всесословнаго земскаго собора.

V.

Народное движеніе и „литовское раззореніе“ на сѣверѣ Россіи въ Безгосударное время.

Вологда, присягнувшая Тушинскому вору въ октябрѣ 1608 г., уже въ декабрѣ того-же года снова встала за царя Василія Шуйскаго. Послѣ сведенія его съ престола и присяги Владиславу, король Сигизмундъ позаботился упрочить свое вліяніе на сѣверѣ Россіи раздачею здѣсь помѣстій и вотчинъ, отъ своего имени, лично извѣстнымъ ему людямъ, или такимъ, въ преданности которыхъ онъ не сомнѣвался. Вологодскій воевода Нелюбъ Суколѣновъ получилъ подгородное дворцовое село Фрязиново съ деревнями, по окладу 380 четвертей, а сынъ его Андрей былъ назначенъ воеводою въ Бѣлозерскъ. Боярину Михайлу Салтыкову даны обширныя волости Чаронда и Тотьма, а сыну его Ивану богатая волость Вага, доставлявшая до 9 тысячъ ежегоднаго дохода; дьяку Грамотину — Пухоровская треть Тошнинской волости; дворянину Алексѣю Безобразову — помѣстье въ 800 четвертей, князю Борису Лыкову — въ 700 четвертей. Кромѣ того, здѣсь-же были испомѣщены нѣкоторые служилые иноземцы, и въ числѣ ихъ извѣстный Яковъ

Маржеретъ и поручикъ Ожелемперъ [1]). Эта королевская мѣра не осталась безъ вліянія на народное движеніе для спасенія вѣры и государства, къ которому призывалъ патріархъ Гермогенъ: она сказалась между прочимъ въ той медленности, которую проявила Вологда въ снаряженіи своего ополченія. Хотя слухи о разладѣ московскихъ бояръ съ патріархомъ начали распространяться здѣсь еще въ январѣ 1611 года, однако Вологда и ея окольные города не спѣшили „стать за-одинъ“ противъ польскихъ и литовскихъ людей. Въ половинѣ февраля пришла на Вологду отписка нижегородцевъ о благословленіи патріарха — подниматься всѣмъ за православную вѣру и Московское государство, а вслѣдъ затѣмъ было получено и воззваніе Прокопія Ляпунова. Нижегородцы просили вологжанъ собирать всякихъ ратныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ, снабдить ихъ порохомъ, свинцомъ и лыжами и держать наготовѣ до повѣстки; въ Нижній-же прислать добрыхъ людей всякаго чина для уговору, а въ окольные города писать отъ себя, чтобы и тамъ снаряжали ополченія. Несмотря на неоднократныя просьбы нижегородцевъ, вологжане медлили. Ихъ сосѣди костромичи оказались гораздо отзывчивѣе и послали въ Вологду для переговоровъ дворянъ Кафтырева и Пасынкова да посадскаго человѣка Исакова, а въ свои пригороды — Галичъ и Солигаличъ — грамоты. Изъ Солигалича грамота пошла въ Тотьму, изъ Тотьмы въ Устюгъ. Устюжане немедленно стали собирать ратныхъ людей, а списки съ полученной грамоты послали

[1]) Вологодскій Сборникъ, т. IV, стр. 154 — 55: статья И. Суворова — „Дѣятельность вологодскихъ городовъ въ Смутное время“.

въ Сольвычегодскъ, Еренской городокъ и Холмогоры, а также на Вагу, Вымь и Вычегду. Во всѣхъ этихъ городахъ съ ихъ уѣздами и въ посадахъ съ тянувшими къ нимъ волостями началось формированіе ополченій и шли взаимныя ссылки о времени выступленія въ походъ; въ то же время города дѣлились другъ съ другомъ порохомъ, свинцомъ и другими боевыми запасами. Почти весь февраль 1611 года прошелъ въ этихъ сборахъ, и затѣмъ ополченія, соединяясь по дорогѣ, пришли въ Вологду въ началѣ марта, а отсюда, подъ начальствомъ Ѳедора Нащокина [1]), направились черезъ Ярославль къ Москвѣ на соединеніе съ дружинами другихъ русскихъ областей. Хотя смерть Ляпунова разстроила на этотъ разъ общерусское дѣло, однако настроеніе сѣверныхъ городовъ продолжало быть высоко-патріотичнымъ. Послѣ добровольно наложеннаго, трехдневнаго повсемѣстнаго поста, они сильнѣе прежняго укрѣпились въ мысли о необходимости изгнанія иноземцевъ и какъ-бы сплотились въ добровольный союзъ, имѣвшій вполнѣ ясную и для всѣхъ общую цѣль. Дружно и внимательно слѣдили они теперь за ходомъ дѣлъ въ сосѣднихъ областяхъ и почасту писали другъ другу. Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1611 г. изъ Желѣзной Устюжны пришла въ Вологду отписка о сдачѣ Новгорода шведамъ и о намѣреніи ихъ двинуться къ Бѣлозерску и Вологдѣ. Вологжане стали готовиться къ осадѣ и просили помощи у Великаго Устюга, откуда скоро прислали имъ на подмогу ратныхъ людей. Въ виду этого, понятно съ какою радостію сѣверные города встрѣтили вѣсть объ

---

[1]) Вологодскій Сборникъ, т. IV, стр. 157.

организаціи въ Нижнемъ земскаго ополченія по мысли Минина. Нижегородцы просили Вологду и всѣ поморскіе города не отставать отъ общаго съ ними совѣта и „стоять въ твердости разума своего крѣпко и неподвижно“; извѣстить о времени высылки своихъ ополченій и прислать въ Казань и Нижній свинцу и пороху. И вотъ въ Вологодскомъ краѣ снова начался сборъ ратныхъ людей. Снова горожане сходились на площадяхъ, судили и рядили про общее дѣло, составляли приговоры съ крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы стоять крѣпко за православную вѣру и московскихъ чудотворцевъ. Въ уѣзды снова летѣли посыльщики за ратными людьми, а въ сосѣдніе города — разсыльщики съ отписками. Въ маѣ 1612 года второе сѣверное ополченіе было окончательно организовано и въ іюнѣ пришло въ Ярославль, къ Пожарскому, подъ начальствомъ Петра Мансурова [1]).

Истощенные людьми и деньгами, вологжане и жители сѣверныхъ городовъ были тѣмъ не менѣе довольны наступившею теперь сравнительною безопасностью: стоявшее въ Ярославлѣ земское ополченіе прикрывало ихъ отъ польскихъ и литовскихъ шаекъ. Живя уже нѣсколько лѣтъ въ постоянномъ ожиданіи непріятельскаго нашествія, перенося всѣ тягости военнаго времени, будучи по необходимости всегда бдительными и осторожными, вологжане естественно чувствовали себя крайне утомленными и находили, что теперь, наконецъ, они могутъ вздохнуть свободно. Въ этомъ успокоительномъ настроеніи ихъ поддерживали также извѣстія о ходѣ дѣлъ въ земскомъ ополченіи,

[1]) Акты Историч., т. II, № 336.

обѣщавшія благопріятный исходъ борьбы съ иноземцами. Это общее настроеніе отразилось и на тогдашнихъ вологодскихъ воеводахъ, князьяхъ Григоріи Долгорукомъ и Иванѣ Одоевскомъ, которые себя распустили: нерадиво смотрѣли за ратными людьми и, по свидѣтельству архіепископа Сильвестра, стали даже бражничать. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что въ ночь на 22-е сентября 1612 года городовыя ворота оказались незаперты, а бывшіе на караулѣ у нихъ немногіе люди даже не слыхали, какъ въ городъ проникла польско-литовская шайка и начала здѣсь хозяйничать. Впослѣдствіи оказалось, что это была одна изъ бандъ отраженнаго отъ Москвы гетмана Ходкѣвича; самъ онъ съ главными силами шелъ тогда къ Можайску, а эта шайка прорвалась на сѣверъ и захватила Вологду врасплохъ. „Все, господа, дѣлалось хмѣлемъ“, писалъ Пожарскому и Трубецкому архіепископъ Сильвестръ, „пропили городъ Вологду воеводы“ [1]). Изъ нихъ князь Одоевскій успѣлъ бѣжать въ Шуйскій городокъ, за 90 верстъ отъ Вологды, а Гр. Долгорукій и дьякъ Истома Карташевъ были убиты. Архіепископа пощадили, но подвергли пыткѣ, вѣроятно, доискиваясь владычной казны. Городъ былъ совершенно разграбленъ и почти весь выженъ, а жители частію убиты частію „сошли безвѣстно“, боясь вернуться въ городъ. Поляки покинули его 25 сентября, и вслѣдъ затѣмъ архіепископъ и земскіе люди приговорили быть воеводою на Вологдѣ Григорію Пушкину. Первою его заботою было организовать стрѣлецкій отрядъ для защиты города, тѣмъ болѣе, что кн. Пожарскій совѣ-

[1]) Русская Старина за 1882 г., кн. 12: „На Руси въ 1612 году“.

товалъ вологжанамъ жить съ великимъ опасеніемъ и о томъ-же писалъ въ другіе сѣверные города. Съ монастырскихъ вотчинъ взято было соразмѣрное ихъ величинѣ количество ратныхъ людей, а сами монастыри были обложены хлѣбною дачею на кормъ городовымъ стрѣльцамъ. Такъ, понемногу, начали собираться силы для защиты жителей отъ польско-литовскихъ шаекъ. Несмотря на то, что въ октябрѣ 1612 г. Москва была очищена отъ поляковъ, для Вологодскаго края снова настало тревожное время. Послѣ отступленія короля Сигизмунда отъ Волоколамска въ ноябрѣ 1612 г., отъ его войска отдѣлились банды и разсыпались по нынѣшнимъ губерніямъ: Новгородской, Тверской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской. Одна изъ нихъ появилась у Весьегонска, другая подъ Желѣзною Устюжною, а третья, подъ начальствомъ пана Кристофа Песоцкаго, напала въ ночь на 11 декабря на Кирилловъ монастырь [1]). Послѣ многихъ приступовъ, она была отбита и потеряла здѣсь своего предводителя. Вслѣдъ затѣмъ банда раздѣлилась: одна часть ея двинулась къ Каргополю, который разграбила и выжгла 15 декабря, а другая бросилась къ Кубенскому озеру, разорила Сямскій монастырь и все юго-западное побережье этого озера, и изъ села Кубенскаго, минуя Вологду, не болѣе какъ въ 30 верстахъ къ югу, прошла къ Шуйскому городку на Сухонѣ, и затѣмъ внизъ по этой рѣкѣ — на соединеніе съ первой шайкой, которая отъ Каргополя двинулась на Чаронду и черезъ Вельскій посадъ вышла къ той-же Сухонѣ. Соединившись, онѣ напали на Тотьму, затѣмъ пошли на Вагу,

[1]) Дополн. къ Акт. Историч., т. I, №№ 169—172.

а оттуда далѣе на сѣверъ — до самыхъ Холмогоръ. На обратномъ пути оттуда, 22 января 1613 года, поляки подступили къ Сольвычегодску — мѣстопребыванію Строгановыхъ. Жители города, желая оградить себя отъ вторженія непріятеля, заблаговременно прорубили ледъ посреди рѣки Вычегды — на нѣсколько саженъ въ ширину и на большомъ протяженіи въ длину. У этой проруби ждали они поляковъ и встрѣтили ихъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ; тѣ отвѣчали „жестокимъ стрѣляніемъ“ и заставили горожанъ и стрѣльцовъ отступить въ городъ. Объѣхавъ прорубь по концамъ ея, поляки въ числѣ около 3 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ пана Якова Яцкаго, ворвались въ городской острогъ. Здѣсь, на площади у торговыхъ рядовъ, ждалъ ихъ небольшой отрядъ горожанъ подъ начальствомъ попа Леонтія; всѣ-же остальные жители, со стрѣльцами и воеводою, заперлись въ осаду во дворѣ Строгановыхъ. Убивъ Леонтія и съ нимъ 26 человѣкъ изъ его отряда, поляки бросились грабить церкви, дома, лавки и амбары. Двора Строгановыхъ они однако не тронули и на третій день, зажегши посадъ, ушли съ награбленнымъ добромъ по дорогѣ на Устюгъ [1]). Узнавъ отъ разъѣзжихъ караульныхъ о приближеніи поляковъ, устюжане наскоро возобновили укрѣпленія по городской осыпи и приготовились встрѣтить враговъ. Поляки не заставили себя ждать и 26 января начали подступать къ городу съ южной стороны. По обыкновенію, они хотѣли зажечь городской посадъ, но это имъ не удалось; между тѣмъ устюжане сдѣлали

---

[1]) Исторія города Сольвычегодска А. Соскина. Вологда, 1883 г., стр. 46 — 48.

вылазку и заставили ихъ отступить за Сухону. Былъ тогда большой морозъ, и полякамъ приходилось жутко, тѣмъ болѣе, что жители города безпокоили ихъ частыми вылазками. Узнавъ отъ взятаго въ плѣнъ поляка, что непріятелей не такъ много, какъ можно было думать, устюжане смѣло напали на нихъ и обратили въ бѣгство. Поляки направились къ Кичменскому городку — верстъ за 100 отъ Устюга, жители котораго встрѣтили ихъ и жестоко побили; освободили плѣнныхъ и затѣмъ гнали поляковъ на разстояніи 300 верстъ — до самаго Галицкаго уѣзда [1]).

Мы прослѣдили движеніе сравнительно крупной польско-литовской шайки, которая описала огромный кругъ по всему сѣверному краю и, благодаря своей многочисленности, отваживалась нападать даже на большіе города. Мелкія-же шайки грабителей, состоявшія, кромѣ литовскихъ людей, изъ казаковъ и русскихъ воровъ, держались вдали отъ городовъ и нападали исключительно на деревни и села. Однако ихъ разрушительная дѣятельность приносила неменьшій вредъ населенію: передвигаясь съ необыкновенною быстротою, онѣ казались неуловимыми и въ теченіе короткаго времени успѣвали разорять цѣлыя волости. До сихъ поръ въ народной памяти на нашемъ сѣверѣ сохраняются отголоски этого ужаснаго времени. Старые люди разсказываютъ, что когда-то давно жили какіе-то паны и наѣзжали грабежомъ на деревни и села; вотъ тамъ, говорятъ, былъ у нихъ притонъ; тутъ зарыли они въ землю награбленное добро, а здѣсь разорили и сожгли господское село...

---

[1]) Устюжскій Лѣтописецъ; Вологда, 1874 г., стр. 113 —114.

Занимаясь въ свое время изслѣдованіемъ писцовыхъ книгъ Вологодскаго края [1]), мы сдѣлали попытку опредѣлить по заключающимся въ нихъ даннымъ — какъ отражалось литовское раззореніе на крестьянскомъ бытѣ того времени? И пришли къ тому приблизительному выводу, что тамъ, гдѣ побывали польскія и казацкія шайки, уцѣлѣла только одна четвертая часть жилыхъ дворовъ и пахатной земли: остальныя три четверти оказались „впустѣ“. Отсюда по аналогіи можно заключить, какой страшный ударъ нанесенъ былъ тогда крестьянскому населенію и земледѣльческой культурѣ всего государства. Понадобилось, по крайней мѣрѣ, полстолѣтія на то, чтобы пополнить этотъ ущербъ и дойти въ томъ и другомъ до уровня первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

---

[1]) Вологодская Старина. Изд. Л. Ф. Пантелѣева, Спб., 1889 г., стр. 120 — 124.

VI.

Трагическій элементъ въ событіяхъ Смутнаго времени.

Смутная эпоха — это глубокая драма, въ прологѣ которой происходитъ угличское событіе, а въ эпилогѣ — всенародный постъ Русской земли и избраніе царя изъ дома Романовыхъ.

Въ первомъ актѣ этой драмы происходятъ трагическія перипетіи въ семьѣ Годуновыхъ. Глава ея, мудрый, просвѣщенный и народо-любивый Борисъ, царь по всенародному избранію, съ честью правитъ Русью на зависть сосѣдямъ. Но онъ — человѣкъ не знатнаго рода, и возвышеніе его невыносимо для московской придворной знати, потомковъ Рюрика и Гедимина, родовитую спѣсь которыхъ погнулъ, но не сломилъ даже Грозный царь. Снаружи они — холопы предъ Годуновымъ, но внутри таятъ ненависть и строятъ козни. Сосѣдская зависть и внутренняя ненависть соединяются и выдвигаютъ противъ Бориса призракъ угличскаго Димитрія, въ разсчетѣ на преданность народа къ угасшему царскому роду. Разсчетъ былъ вѣренъ; Годуновъ первый понялъ это, и предъ нимъ сразу раскрылась пропасть, въ которую должно

было рухнуть его личное высокое положеніе и счастье любимой семьи. Стоя на краю этой пропасти, ожесточенный низостію и коварствомъ крамолы, онъ прожилъ почти три года, но это была не жизнь, а безконечное томленіе. Наконецъ, онъ изнемогъ и скончался, оставивъ престолъ и семью въ роковую для нихъ минуту.

Къ опустѣвшему трону робкими шагами приблизился его сынъ, красивый шестнадцатилѣтній юноша, уже напуганный надвигавшеюся грозою. Обязанность наслѣдія призывала его къ правленію царствомъ, но онъ видѣлъ, что это царство отъ него отпадаетъ. Онъ могъ еще оставаться въ кремлевскихъ палатахъ, рядиться въ царскія одежды и брать въ руки скипетръ и державное яблоко, но власти у него уже не было. Царское войско перешло на сторону названнаго Димитрія, и въ Москвѣ становилось все тревожнѣе и тревожнѣе. Это были истинно трагическія минуты для семьи Годуновыхъ. Но вотъ насталъ и роковой моментъ. Въ столицу явились посланцы Димитрія и прочли народу его привѣтную грамоту. Тогда-то зашумѣла волна несправедливаго народнаго негодованія, поднялась во дворецъ, дошла до подножія престола и смыла съ него царя-отрока. Проходитъ еще нѣсколько ужасныхъ, томительныхъ дней, которые поруганная и униженная царская семья провела за крѣпкимъ карауломъ въ боярскомъ домѣ Годунова. Правда, первый грозный ударъ прогремѣлъ и оставилъ имъ жизнь, но они чувствуютъ, что стали уже совершенно лишними въ своей столицѣ, въ своемъ собственномъ, предковскомъ домѣ. И они не ошибались. Скоро явились въ Москву князья Голицынъ и Масальскій, посланные Димитріемъ съ приказаніемъ — устранить всѣхъ его

враговъ. Во главѣ ихъ стояла семья бывшаго царя, и юный Ѳеодоръ былъ варварски убитъ вмѣстѣ съ матерью, а красавица Ксенія осталась въ живыхъ [1]) только для того, чтобы оплакивать свой позоръ подъ ряской монахини. Это — одна изъ многострадальныхъ русскихъ женщинъ, глубоко скорбный и симпатичный образъ которой достоинъ памяти потомства.

Наступаетъ второй актъ драмы, и мы видимъ на московскомъ престолѣ невѣдомаго юношу, властительнаго, пылкаго, съ широкими замыслами, но крайне легкомысленнаго. Онъ не сознаетъ, что вызванъ на сцену темными силами только для сверженія Годунова, а затѣмъ окажется лишнимъ и послѣдуетъ за своимъ предшественникомъ. Въ этомъ — трагизмъ его положенія. Онъ веселится на вулканѣ и спѣшитъ, какъ истый рыцарь, предложить руку и корону дамѣ своего сердца. Противъ него возникаетъ заговоръ Шуйскаго, онъ прощаетъ виновника; не хочетъ самъ наказать возмутившихся стрѣльцовъ и отдаетъ ихъ на народную расправу. Онъ поступаетъ такъ въ полномъ сознаніи своей царственной силы и въ упоеніи любви. Но его часъ близокъ... Вотъ раздается набатъ, и подъ звуки его около дворца поднимается волна боярской ярости, снова возбужденная помилованнымъ Шуйскимъ. Невѣдомый юноша отрезвляется, спѣшитъ укрыться отъ нея въ средѣ народа, но въ рѣшительную минуту счастье измѣняетъ ему, и онъ погибаетъ.

---

[1]) А царевна „едва оживе“, замѣтилъ кратко, но выразительно современный лѣтописецъ. (Никон. лѣт., VIII, 70).

Въ третьемъ актѣ мы видимъ на русскомъ тронѣ старика, уже тронутаго сѣдиною, со впалыми, вдумчивыми глазами. Этотъ старикъ — родовитый князь Шуйскій, потомокъ св. Владиміра и Александра Невскаго. Московскій престолъ онъ считаетъ своимъ естественнымъ достояніемъ, прямымъ наслѣдіемъ предковъ, и потому вступаетъ на него безъ всенароднаго избранія. Давно, со смерти Грознаго, онъ сталъ стремиться къ престолу, и вотъ его завѣтная мечта исполнилась; теперь онъ хочетъ насладиться еще неизвѣданнымъ семейнымъ счастьемъ и наконецъ успокоиться. Но народъ не знаетъ ни его родовитости, ни его правъ на престолъ и продолжаетъ гоняться за тѣнью Димитрія. Въ этомъ — трагизмъ положенія Шуйскаго. Сознавая собственное безсиліе совладѣть со смутою, онъ ищетъ иноземной помощи. Не столько она, сколько храбрость и талантливость его молодаго родича, князя Михаила Скопина-Шуйскаго, склоняютъ на время дѣла въ пользу царя Василія... Но молодой герой неожиданно скончался, и съ нимъ исчезла послѣдняя опора Шуйскаго: онъ былъ сведенъ съ престола, разлученъ съ женою и насильно постриженъ въ монахи. Но этимъ еще не кончилось униженіе Шуйскаго: ему, такъ нелюбившему иноземцевъ и мечтавшему о славѣ своего царственнаго рода, пришлось испытать горечь польскаго плѣна и умереть на чужбинѣ.

Въ четвертомъ и послѣднемъ актѣ великой драмы мы видимъ позади опустѣвшаго трона московскихъ государей могучую личность Гермогена — первопрестольника русской церкви въ тяжелую годину народныхъ бѣдствій. Суровый и непреклонный, онъ желаетъ

отстоять вѣру и самобытность русскаго народа; эта великая идея поглотила его всецѣло, и только ею жива душа его. Онъ видитъ, что гибнетъ Московское государство, созданное великими, кровавыми трудами безчисленныхъ поколѣній русскаго народа; онъ сознаетъ, что настало время постоять крѣпко за свою вѣру и народность... А между тѣмъ бояре измѣняютъ, народъ малодушествуетъ; толпы иноземцевъ наполняютъ Русскую землю и польскій король протягиваетъ властную руку къ мономаховой шапкѣ. Но великій ратоборецъ не падаетъ духомъ: онъ вѣритъ въ духовную мощь своего народа. Онъ игнорируетъ польскихъ пановъ, проклинаетъ бояръ и шлетъ грамоту за грамотой въ народъ... Увѣщеваетъ, грозитъ, убѣждаетъ... Его вѣское слово находитъ откликъ, и ляпуновскія дружины подходятъ къ Москвѣ. Гермогена заточаютъ въ келью, тѣснятъ, оскорбляютъ, морятъ голодомъ. Но эти житейскія невзгоды — ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужасомъ и скорбью, которые овладѣваютъ Гермогеномъ при вѣсти о гибели Ляпунова. Кажется, все потеряно для русскаго дѣла; тщетны энергическія усилія патріарха: онъ не въ силахъ вдохнуть въ народныя массы то одушевленіе и ту горячую любовь къ родинѣ, которыми пламенѣетъ его душа. Какъ глубоко-трагично теперь положеніе великаго страдальца, и какъ высокъ его духъ, если онъ все еще вѣритъ и надѣется на русскій народъ! И вотъ онъ снова пишетъ, урывками, въ сильномъ душевномъ волненіи, отпечатлѣвающемся на его слогѣ, грамоту въ свой любезный Нижній-Новгородъ. Тамъ его вѣщее слово находитъ снова живой и сердечный откликъ: организуется земское ополченіе и выступаетъ къ Москвѣ. Вѣсть объ этомъ приносятъ

Гермогену его тюремщики. Измученнаго патріарха снова окриляетъ надежда, но жизненныя силы его уже подорваны голодомъ, и онъ умираетъ, не увидѣвъ осуществленія своей завѣтной надежды.

КОНЕЦЪ.